

Силезский университет в Катовицах

Пётр Червинский

Язык советской действительности:

Семантика позитива в обозначении лиц

К Р В К

*Печатается по решению редакционного совета
Силезского университета в Катовицах*

Редактор серии «Славянское языкознание»:

доктор филологических наук,
профессор Хенрик Фонтаньски

Рецензент:

доктор филологических наук,
профессор Вроцлавского университета
Михал Сарновски

Червинский П. Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц. – Тернополь: Крок, 2012. – 328 с.

ISBN 978-617-692-024-3

Работа посвящена описанию лексических единиц, использовавшихся в языке советского времени для положительной характеристики человека. Сфера подобного обозначения определяется как системно-парадигматическое устройство, в основе которого лежат представления, типичные для языкового сознания носителей русского языка соответствующего периода. Язык советской действительности рассматривается как узуальная форма языкового использования, язык коллективного опыта-бытия, сопоставляясь с языком советской эпохи и языком советского официоза. Язык советской действительности, наиболее связанный из этих трех форм с мировоззрением своих носителей, не уходит так быстро из употребления со сменой идейных и политических ориентиров, продолжая присутствовать в сознании, оценках и представлениях, чем и была обусловлена актуальность и необходимость предпринятого исследования.

ISBN 978-617-692-024-3

© Piotr Czerwiński, 2012

Оглавление

Язык советской действительности как предмет рассмотрения	5
Действительность генеративного каузатива	5
Язык коллективного опыта-бытия	11
Советское отношение к действительности в его отражениях в языке	21
Позитив человека в языковом воплощении	34
Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности	49
Наделенность как имманентное (кумулятив) обладателя	62
(в признаках намечающегося исхода [63], наступающей активизации [70], обеспечения несущей силы [82], защиты и сохранения [88], результативности выхода [103])	
Отмеченность как придаваемое (аддитив) обладателя	107
(в признаках отличительности [111], окружения-наведения [122], опыта-приобщения [142], обретенного достижения [152], положения [156], достижения [166])	
Принадлежность / нужность как параметры описания	169
Позиции принадлежности	195
Параметр нужности в парадигматической перспективе	208
Причастность / поставленность описываемой парадигмосистемы	218
О причастности в ее отношении к системе	223
Проекция параметра причастности	227
Причастность в ее контекстном проявлении	241
Характеристика параметра поставленности	246
Семантика параметров для проявления действителя	261
Несколько слов вместо заключения	305
Примечания	312
Словари и энциклопедии	316
Приложение	318
Единицы, использовавшиеся при описании	318
Streszczenie	325

Пётр Червинский (Piotr Czerwiński), профессор, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка Силезского университета, специалист в области семасиологии, этносемантики, этимологии, семантического языка фольклорных традиций, автор учебников, словарей, монографий, компьютерных курсов. Имеет более 450 опубликованных научных работ (в Польше, России, Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Болгарии, Испании, Румынии, Литве, Белоруссии, Украине, Грузии, Латвии; около 100 из них помещено в Интернете, в международных журналах гуманитарного профиля). Основные (книжные) публикации: “Семантический язык фольклорной традиции”, “Семантика слова в системе стихотворного целого (на материале поэзии С. Есенина и Д. Кедрина)”, “Ступени Храма. Этапы этнического сознания. Эскиз модели Священной еврейской истории” (серия из пяти книг), “Номинативные аспекты и следствия политической коммуникации”, “Наречие. Дидактический словарь”, “Фольклор и этимология. Лингвоконцептологические аспекты этносемантики”, “Семантико-операциональный язык для диалога с машиной”, “Словари толкования сновидений. Заметки к строению интерпретативной модели”, “Негативно оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц”, “Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные”; а также написанные в соавторстве: “Логика курса «Русский язык»”, “Русский язык. Введение”, “Русское произношение и правописание”, “Теория и практика русской речи”, “Толковый словарь иностранных слов. Общеупотребительная лексика”, “Большой толковый словарь иностранных слов” (в 3-х тт.), “Энциклопедический мир Владимира Даля” (в 6-ти тт.), “Иностранные слова и словосочетания с ними” (в 2-х частях), “Лингвopsихологический учебник здоровья”, “Иноязычная лексика русского языка (с методикой дидактической игры и творческих заданий)”, “Мой язык и компьютер. Этимологический словарь иноязычной лексики русского языка” (в 2-х частях), “Metaphern des russischen sexuellen EGO. Ein linguopsychologisches Wörterbuch des aktuellen Sprachgebrauchs” (серия выпусков), “Наречие. Семантика, правописание, речевое употребление” (в 2-х частях), “Аспекты лингвopsихологической диагностики партнерских отношений”, “Язык сознания в его вербальных и невербальных реализациях”, “Метафоры русского сексуального EGO: концептуальный подход к описанию лексики и составлению словаря”, “Толково-этимологический словарь иностранных слов русского языка”. Научные интересы связаны с этнолингвopsихологическими проблемами языка и сознания: сопоставительная лексикология, словообразование, ономастика, язык политики и средств массовой коммуникации, язык поэзии и художественной литературы, современный речевой узор, развитие речи и интеллекта, прогрессивные методики обучения. (<http://www.piotr-czerwinski.narod.ru>)

Язык советской действительности как предмет рассмотрения

Действительность генеративного каузатива

Материей предстоящего рассмотрения¹ будет национальный русский язык в той его форме, которую в период его бытования принято было определять в его отношении ко времени и социальной системе, обозначая все это *советской эпохой*. К этому следовало бы добавить мировоззренческий компонент, поскольку особенностью этой эпохи была задача преобразования человеческого сознания на основе единственно верной идеологии, с продуцирующим, формирующим отношением к действительности. Создаваемый с помощью этой идеологии человек, называвшийся *новым, советским*, преобразующим образом должен был действовать на действительность, которая, в свою очередь, так же преобразующе, действовала бы на него. Ведущая роль во всем этом взаимодействии, объективно и субъективно, прямо и опосредованно, была предназначена для языка. Языком создавался желаемый образ действительности, языком в ней воспитывался необ-

ходимый советскому обществу человек, сам язык, пропитанный идеологией и так же преобразованный, для того чтобы лучше справляться с задачами, создавался, формировался и изменялся под действием создаваемой действительности и воспитуемого в ней человека. В понятие *современный* русский язык для советского времени, равно как язык советской эпохи, язык послеоктябрьского периода, язык после Октября² и т.п., таким образом, следует вкладывать не только дихотомический, темпоральный и даже не только социотемпоральный, имея в виду новый тип общественных, движущихся во времени отношений, сколько генеративно-концептуальный смысл. Смысл, который предполагает формирование человека, действительности и языка. Человека – средствами действительности и языка, действительности с помощью человека и языка, языка – на основе идеологии, мировоззрения и продуцируемых ими образов новой действительности и человека.

Запускаемый в действие механизм, тем самым, предполагает участие трех (четырех) компонентов, связанных отношениями взаимного наведения, и четвертого (пятого) – их порождающего (см. схему далее). Этим четвертым (пятым), точнее было бы определять его первым по роли ведущего, является мировоззренческий, концептуально-идеологический компонент, не изменяемый и не преобразуемый в системном своем ядре. Компонент этот преобразует и формирует язык, посредством которого формируется человек, выступающий частью им формируемого и его формирующего еще одного компонента – советского общества, создаваемой с помощью языка социальной системы. Те, в свою очередь, человек и советское общество, создают действительность, формирующим образом действующую на них.

Основу данного механизма составляют, тем самым, идея преобразования – **генеративность** и модальность желательности (оптатива) и императива, внешнего > внутреннего, – **каузативность**, как неизбежное сопровож-

дение первого. Каузативность, как исходная категория, причинения, на основе того, что желательно (оптатив), диктует и запускает в действие (внешний и внутренний императив) механизмы и средства генеративности. Те, в свою очередь, создают желательный образ триады «действительность – общество – человек», а также какой-то ее же реальный вид, не всегда рефлекслируемый и заслоняемый, намеренно отождествляемый с создаваемым образом. Активно воздействующее и целенаправленное вмешательство в процессы, определяемые как общественно-исторические, неизбежно приводит к тому, что общественная действительность, внешнее и объективное, начинает восприниматься в модальности ирреальности. Действительным для сознания становится не то объективное, что действительно есть, пусть и смещенное в отражении, а то, что ей субъективно приписано, как желательно требуемое и необходимое, как формируемый внешним и внутренним императивом ее оптатив – действительный и действительный образ сознания. Показать это можно в схеме:

Концептуальный, мировоззренческий, идеологический компонент каузирует и генерирует необходимый для заложенных целей язык, а тот, в свою очередь, генерирует образ триады «действительность – общество – человек», в своих составляющих компонентах предполагающей действие взаимного порождения и наведения. Обратное действие, от компонентов триады, в их направлении на язык возможно, но не решающе, преобразуясь, просеиваясь и оформляясь под действием все той же идеологии. Концептуальный, идеологический компонент, таким образом, выполняет медиальную функцию по отношению к языку, пропуская триаду «действительность – общество – чело-

век» через фильтры и опосредования необходимых и должных, субъективно воображаемых и регулируемых идей. Всевозможные уточняющие и усложняющие обстоятельства делают данную схему и ее механизм наблюдаемыми и выводимо действительными, придавая им определенный моментом вид и насыщая своими значениями. Искусственность схемы, парадоксально оказывающейся ее природой, дает возможность говорить о значимых соотношениях компонентов – двух, трех, четырех, пяти, проявляющих себя в разных проекциях и на разных уровнях. Соотношения эти, будучи следствием концептуально-идеологического *генеративного каузатива*, отображают действия механизма, который и запускает, и формирует, и регулирует вид и значения изучаемого языка – языка советской действительности, в его отношении к задачам и целям общественно-исторического строительства.

Из этого следует, что для того чтобы понять и правильно описать особенности языка советского времени, недостаточно традиционно описывать свойственные ему единицы и их значения, хотя и такой подход приемлем и не исключен. Существенным представляется, едва ли не в первую очередь, определение его концептуально-генеративной основы. И этот подход был ведущим, что повлекло за собой необходимость видеть в объекте далеко не только социотемпоральную и даже не только, точнее не единственно только, определяющуюся уже концептуально-идеологическую константу, сколько константу экзистенциальную. Отсюда принятое определение и подход. Язык советского времени будет восприниматься, прежде всего, в связи с представлением о *советской действительности*, как о том, что в ней от *действительного* действительности условно реального и *действительного* действительности приписываемого и воображаемого, т.е. советской действительности как таковой и советского же о ней представления. При этом то и другое очень непросто в ней отделить, а нередко и не имеет смысла, чтоб не сказать неверно, искажая, прежде всего, ее самоё, как дей-

ствительность, представляющую собой некий концептуально-экзистенциальный, идейно заряженный и направленный сплав. Говоря о ней как о действительности реальности, без включения ее запустившего и запускающего концептуального компонента, трудно, если вообще возможно понять, что она есть такое. Говоря об одной только этой концептуально-идеологической запускающей стороне, не видно и не понятно, что оно и как оно действует, как выглядит не в одном только мысленном воображении. К этому необходимо добавить язык, в котором, едва ль не в единственно реализованной форме, хотя и мозаично, неполно и фрагментарно, все это действует и нашло свое отражение.

Отдельность по этой причине, при каузальности и генеративности, существования этого языка по отношению к порождаемой им и им отражаемой действительности, его внешняя положенность, своего рода верховность и возвышение над ней, создает условия, несколько неожиданные и не совсем привычные, при которых язык становится чуть не единственным достоверным свидетельством ее бытования, а тем самым, и средством познания и описания для нее. Согласно этому представлению, та советская действительность, о которой речь, существовала не в объективно данной реальности человеческой жизни и социального бытия и не в субъективно желательном, воображаемом, идейно заряженном и/или пропагандистски навязываемом представлении, она существовала в ее, советской действительности, языке.

Попробуем пояснить эту мысль, прежде чем перейти к рассмотрению закономерностей и причин подобного положения. Та действительность, т.е. реальные обстоятельства жизни в их общественном и личном своем проявлении, которая существовала, действительность реального бытия, *советской* по своему существу, не названию, позволим себе утверждать, не была. Если вкладывать в это понятие закладываемый в него, а не получившийся смысл, определявшийся далее как *совковость*. Совко-

вость, тем самым, можно было бы приписать реальной советской действительности, или действительности советского бытия. Советскость, ибо о ней идет речь, идейно заряженного и пропагандистски навязываемого представления об этой действительности, при этом не важно, насколько и как была от нее далека, эта советскость также не представляется, ни в своей идее, ни в реализации, ни в духе, советской. В известном смысле даже противоречащей ей. Не только позицией, заинтересованностью, инструментальностью, стремлением воздействовать для результата, т.е. интенционально и суггестивно, но и своей схематичностью при неясности реально возможных и достигаемых форм, невосприятии форм реально достигнутых, как, впрочем, и не в особой заинтересованности в них. Не говоря о том, что эта идейно, в воображении существующая советскость была в своей советскости каким-то странным, хотя в существе своем отнюдь не случайным образом, ей чужда и искажена. Пояснение сказанному потребовало бы точного определения этой самой советскости, что без ее описания представляется спорным и затруднительным, поэтому ограничимся утверждением трех проявлений, хотя и связанных, но далеко не сходных между собой, – советскости реальной советской действительности (совковой советскости), советскости идейно советского воображения о ней (советскости вымороченной) и советскости ее языка. Из этих трех только последняя представляется полностью ей отвечающей. Советская действительность, позволим себе утверждать, воплотила и отразила себя исключительно в текстах и языке. Именно это в нем будет нас интересовать и именно этот смысл будет вкладываться в понятие языка советской действительности.

Язык коллективного опыта-бытия

Одной из ведущих задач этой реализуемой и создаваемой в течение времени формы было формирование нового человека. Советского человека как достойного представителя советского общества, порожденного и воспитанного, вызванного к жизни, давшим начало всему, Октябрем. Отсюда и выбор объекта исследования – обозначение человека. В его позитивно оценочном восприятии, как предполагающем прямое обозначение желаемого в нем для советской действительности.

Определение и изучение особенностей этой возникшей и развивавшейся формы-стадии языка, отмечаясь временем и характеризуясь как язык советской эпохи (= новой эры в развитии человечества), непосредственно связывались с развитием общества. Советского общества, как было принято обозначать³, подчеркивая в нем то, что делало его социальной формацией, наделенной признаками собственного, ни с чем другим во времени до и в пространстве вокруг, не сравнимого существования. Замкнутого, изолированного, обособленного, а потому в известном смысле искусственного и культивируемого. Удобного для претворения в жизнь известных идей, для привития их общественному сознанию и воспитания в новом духе рождающихся, подрастающих и не испорченных другими воздействиями поколений.

Повышенный интерес 20-х годов к проблемам языковой эволюции, изучению и определению форм и стадий языкового существования, в том числе, если не прежде всего, в его революционном, качественно переходном, сменяющем проявлении, интерес к социальным феноменам языковых состояний, взаимодействию языка и мышления, языковым межнациональным контактам в пространстве общего идейного, политического и социального бытия⁴, – был поэтому не случаен. Как естественная реакция на процессы, непосредственно наблюдаемые и проис-

ходящие, и потому хорошо поддающиеся тому, чтобы, подняв соответствующие проблемы, попробовать их описать. Однако естественность, будучи мало свойственна накладываемой на общественно-государственное бытие социальной идее, могла бы, сама в себе, не туда, куда следовало, завести, в связи с чем подобного рода исследования, не поощряясь, были отчасти переориентированы во что-то другое, а в основном остановлены и прекращены.

Последующий к ним интерес, в 60-е и 70-е годы, принял иные формы. Не только и даже не столько в силу естественной невозможности возвращения к прошлому в его прежнем виде, сколько в силу все тех же идейных причин, сводивших научный лингвистический интерес к языковому советскому состоянию. Русский язык советского времени, рассматриваясь с точки зрения новых приобретений общественно-исторического развития, служит объектом и средством демонстрации этого нового. Обновление и устаревание, пассив и актив словаря, его пополнение, обогащение и динамика, теория и практика лексикографического описания начинают представлять особенный интерес. К этому добавляются, представленные в контексте развития новой социальной формации – советского общества, социолингвистические проблемы влияния этого общества, его развития и изменений, на виды и формы динамики (пополнения, обогащения и устаревания) словаря языка⁵. Исследуются процессы активного пополнения и развития лексики в словообразовательном и тематическом отношениях. Рассматриваются проблемы влияния социальных и профессиональных факторов на лексемный состав языка. Изучаются группы общественно-политической лексики, группы обозначения лиц, делаются попытки исследования особенностей газетного языка, языка пропаганды, языка полемических текстов и выступлений основоположников советского государства, известных партийных деятелей и т.п.⁶

Обстоятельный экскурс в проблематику этих исследований предполагал бы лишь уточнения сказанному.

Интересующие нас аспекты в них не затрагивались. Не только в силу известных идеологических ограничений, но также и в силу существовавшего взгляда на сам объект. Советизировавшийся русский литературный язык (жаргонные, сленговые и арготические проявления в расчет не брались) воспринимался, не без оснований, как *современный* русский язык, т.е. как его временная форма и стадия, еще одна, очередная по времени, вызванная к жизни революционными социальными изменениями, радикальными и неотвратимыми по своему существу. Вряд ли что-нибудь из этого можно было бы опровергать, поскольку одно дело русский язык советской эпохи – в своем социальном и временном представлении, и другое дело тот русский язык, точнее та форма его, которая определяется как новояз, воспринимаемый как упрощение, отклонение, порча, как искусственный, пропагандистский, не информативный, не коммуникативный, односторонне воздействующий, лишенный признаков живого общения и коммуникантов, ритуализованный⁷, идеологизированный, политизированный и т.п.

Воспринимается он теперь, советский язык-новояз, в основном в двух отношениях. С одной стороны, как набор советизмов – узнаваемых, отмеченных средств, лексических, фразеологических, клишированных, устойчивых языковых единиц, к которым можно было бы добавить также структурные – словообразовательные, синтаксические и текстовые (порождения и восприятия текста). С другой, и нередко в связи с советизмами, на основе и на материале их, – как набор категорий мышления, определяемого часто как тоталитарное⁸, со своими особенностями и признаками, проявляющими себя в приемах и способах оформления и восприятия значений, приемах и способах речевого воздействия, приемах и способах разного рода манифестаций. Определяясь при этом, вполне обоснованно, как такая ментально организованная (организующая) система, которая, действуя на сознание, производит это при помощи языка, а вне себя положенной целью имеет

такую проекцию человека к действительности, которая предполагает его провоцируемое участие в ней.

Необходимо при этом поставить важный для представления всего дальнейшего, имеющий методологический смысл, вопрос. Мог ли, советский язык-новояз, равно как и какой-то другой, как форма, как таковой, быть не предназначенным, а способным к решению подобного рода задач? Инструментальный характер вербальной системы, воздействующей на сознание человека в его отношении к действительности, характерный для новояза, сам по себе ничего или мало что способен решать без согласования всех составляющих – человека с его сознанием, языка-инструмента и изменяемой в ее отношении к поставленной цели (языком и сознанием) действительности.

Вопрос, таким образом, требует более сложного разрешения, упирающегося не в язык советской официальной политики и пропаганды, не в тоталитарный язык, не в новояз, как бы его ни назвать, пусть даже и с выходами из него в язык антитоталитарный, язык противодействия, язык противостояния⁹ или как-то еще, а в нечто большее. Частью этого большего, может, ведущей и направляющей, продуцирующей, а может, наоборот, ведомой и направляемой, т.е. продуктом, а может, и это скорее всего, с заменой и разнообразием всех возможных ролей, частью этого большего следовало бы считать и рассматривать советский язык-новояз. Этим большим будет для нас язык советской действительности. И это еще одно его восприятие и его сторона, отличающая его, с одной стороны, от прямого идейно-идеологического конструкта и инструмента, т.е. новояза, а с другой, и это не менее важно, от русского языка советского времени, или советской эпохи, русского языка послеоктябрьского периода и пр.

Язык советской действительности, в силу такого определения и понимания, с одной стороны, не представляет собой узувальную только форму особого употребления национального языка, русского в данном случае, с

приписываемыми ему признаками пропагандистски-официозной, односторонней воздействующей функциональности, искусственной ограниченности и замкнутости, ведущими к особому его положению в коммуникативных системах. Тесно связанный с существующей политической и идейной доктриной, советский язык-новояз неизменно уходит со сцены одновременно с ней. С другой стороны, язык советской действительности не следует определять и привязывать, как русский язык советского времени, к исключительно временной и общественной перспективе. Язык советской действительности является порождением не вводимых обществом, вызванных временем и ко времени, изменений, в силу диктуемых натуральных либо навязываемых причин, а следствием существующей (существовавшей) во всем ее многообразии, планировавшемся и нет, советской действительности. Действительности, следует при этом снова оговорить, не действительного в смысле реального, а отраженного существования. Действительности ее языкового отображения и воплощения. Далекое не всегда при этом осознаваемой и определяемой, скорее чувствуемой, переживаемой человеком, его психологическим естеством. Той действительности, которая, давая и порождая внутреннее, часто неясное, осознание и ощущение, присутствует имманентно, как способ существования и ориентации в ней.

Отсюда важное следствие, которое будет связано с пониманием данного языка как особой формы его проявления и бытования. Язык этот не прекращает своего существования вместе с изменившимся временем, как, скажем, то, что определяют понятием языка советской эпохи. Язык советской действительности, вызванный к жизни этой действительностью, условиями и ментальностью, ей порожденными, способен меняться, переходя во что-то другое, под действием новых условий, устраняя признаки, делавшие их советскими, но каким-то все тем же советским, не осознаваемым, образом оставаясь самим собой. А поскольку речь идет об изменении внутри человека тех

ему свойственных ощущений, привычек, эмоций, интерпретаций, реакций, манифестаций, оценок и восприятий, закрепленных в его сознании в формах, структурах, образах и значениях языка, которые не поддаются контролю, часто не регулируются и не корректируются, язык советской действительности перестает таким быть не в связи с изменившимся временем или новыми узуральными навыками, и не в связи с изменением социальных условий, а в связи со своими носителями. Человек, говорящий на языке, должен стать ментальным и речевым носителем не советского ощущения и восприятия действительности, а какого-то совершенно иного. Речь идет, говоря по-другому, о переориентации, переклассифицировании (но не перекодировании) внутренних, с помощью языка усваиваемых (и усвоенных некогда), в языке проявляемых ориентиров и о появлении каких-то иных, прежнему состоянию не свойственных. Насколько это возможно и достижимо и в какой мере и для кого – вопрос не к лингвистике. Так же как не к лингвистике, по крайней мере не только к ней, видимо, следует отнести и вопрос о соотношении русской языковой, т.е. национальной, этнокультурной, и русской советской языковой, т.е. этносоциопсихологической по природе своей, ментальности. Возможно, поставив эту проблему в тот ряд (либо с ним соотнеся), который интересовал в свое время философов, историков, социологов, советологов, политологов. В какой мере, хотелось бы уточнить, не социализм, но мораль, психология, навыки, императив, «гуманизм» восторжествовавшего большевизма, в его отношении к обществу, человеку, действительности, природе свойственны (были свойственны?) русскому национальному ощущению и характеру, русскому отношению к жизни, вытекали и следовали из них, были связаны с ними? Что повлияло на их живучесть, привязчивость, прививаемость русскому национально-общественному организму? Объявляемые кровно-родственными, близкими, прямо следующими из русской ментальности либо, напротив, навязанными извне, внед-

ренными силой, держащимися на страхе, привычке к покорности, внутренней обособленности национального самосознания от власти, эти соотношения сталкивали постановкой проблем идеологию (большевизм) с особенностями национальных привычек и предпочтений, не затрагивая две существенные, на наш взгляд, отличающие предлагаемую постановку вопроса, особенности. Во-первых, язык, а во-вторых, действительность, в их общем соединении, сплаве в носителе того и другого как целого — человеке.

Язык, в связи с этим, и это следовало бы подчеркнуть еще раз, не столько русский, как национальный и литературный, сколько язык определенного рода и вида действительности, свойственный и характерный ей, порожденный ею, способный длиться и существовать вне ее, помимо и после нее, в своих носителях. Это первое. И второе, не менее важное для представления. Не идеология и не мировоззрение, будь то превратно понятый и искаженный социализм либо что-то еще, идущее от пропаганды, лежат в основе этого языка, а то, что это и всё остальное перемешало в себе, — всё остальное всей жизни, опыта и ощущения советской действительности. Все то, что можно было бы определить как общий советский контекст совместного сосуществования, требовавший как выработку общих знаний, мировоззренческих, социальных, психологических, так и знаний того, как жить и существовать в той действительности.

Укладывается сказанное, отчасти, а может, и полностью, в то, что принято в последние десятилетия в языкознании определять как принцип антропоцентризма и понятие языковой картины мира^{*}, с тем уточнением, что

---

^{*} Проблематика, широко обсуждающаяся как в российском, так и в польском языкознании, разносторонне и не всегда однозначно представленная в литературе предмета. Необходимое уточнение существующих и не всегда совпадающих представлений о том, что определяют понятиями языковой (наивной) картины мира (*językowego obrazu świata*), языковой модели мира, антропоцентризма, антропоцентрического подхода, антропоцентричности и т.п., с тем чтобы показать те аспекты и то понимание, которое было бы приложимо и действует в

речь должна идти о советской языковой картине мира в русском ее оформлении с точки зрения формальных и семантических средств. Затронутые вопросы об отношении ее признаков и сторон к русскому национальному сознанию и характеру, равно как и к русской картине мира, о соотношении в ней идеологических, политических, мировоззренческих признаков, равно как и вопрос, языковая это картина мира или что-то другое и что в таком случае, – все это можно было бы начинать решать, по мере ее выявления и описания. На основе признаков свойственной ей парадигматики и синтагматики, ее виртуального и актуального, плана ее оформления и плана ее содержания. То есть на основе определения ее системности и функциональности, но не так, как это делается для национального языка, с описанием его словаря и грамматики, а по-другому, в каком-то ином ключе, который, в связи с этим, необходимо определить и представить.

Таким подходом к ее изучению могло бы быть рассмотрение тех ее семантических и номинативных особенностей, которые проявляют характер ее отношения к действительности. Описание при этом должно было бы предполагать выявление системы, согласно устройству и внутренним закономерностям которой она могла бы предположительно действовать. Выбор соотнесения с действительностью, имея отчасти условный характер, предполагает скорее, и это требует уточнения, необходимость внутренней обращенности построения в продуцирующий характер описываемой системы. Продуцирующий по отношению к называемому, обозначаемому внешнему, к объектам, действиям, признакам и, едва ли не в первую очередь, людям, организациям и коллективам. Позиция подобного рода следует из природы выбранного для описания явления. Присутствующее в сознании человека в виде

круге рассматриваемых в работе проблем, неизменно потребовало бы пространного обсуждения. По этой причине автор лишь ограничился указанием на отношение к ним, определяя предмет в понятиях матричного и парадигматического представления явлений семантики.

закрепляемых и выражаемых с помощью языка как код-носителя значений и форм устройство, о котором речь, служит в его сознании средством установления особого отношения к действительности. Отношения, способного, с одной стороны, порождать из себя, продуцировать, собственные, заложенные в устройстве и в необходимом ключе, оценки и ориентиры действительности, а с другой, допускающего возможность последующего их, такого же необходимого для того же ключа, подключения.

Соотношение языка как кода, сознания человека как его носителя и действительности как отражаемого и обозначаемого с помощью языка, – это соотношение модифицируется в языке советской действительности в отношении *продуцирующее*. Язык советской действительности, как язык социально-идеологической общности, в отличие от национального русского языка как языка этнокультурной общности, не просто и не только дает своему носителю представление о действительности, позволяя, на основе знаний и опыта, своего и других, вырабатывать ему свое отношение к ней, он его, это отношение, в сознании носителя намеренно производит. Национальный язык, с помощью текстов, высказываний, значений и номинативных форм, классифицирующих мир категориальных средств, обеспечивает возможность выработки субъектом своего отношения к миру, хотя бы и на основе чего-то предопределенного. Язык советской действительности не предоставляет такую возможность, не обеспечивает ее, он такое необходимое отношение в сознании человека не то чтобы воспроизводит, но продуцирует. Продуцирующий характер заложен в нем таким образом, что может действовать в двух направлениях – через включение, введение, сообщение извне и через способность преобразования и выработки внутри, продуцирование в себе, т.е. самим субъектом. И то и другое, при этом, имеет характер длящийся, организующийся, способный к развитию и пополнению, к последующим включениям и адаптациям. В условиях, необходимо заметить, уже существующих, в

условиях созданных ранее фильтров и ориентиров и в том же, ранее заданном и практически неизменяемом, ключе.

Язык советской действительности, следовательно, играет роль ментального кода опыта, выполняя функцию, подобную той, которую выполняет в связанных единой традицией коллективах, передаваемое с помощью текстов и ритуалов, воспроизводимое в бытовой своей повседневности, коллективное знание. Закрытое для чужих, непонятное для непосвященных, но действующее императивом для них, а потому ими, без понимания и рефлексии, переживаемое, оно, это знание, и требуя, и не требуя своего объяснения и своей дешифровки, воспроизводит и продуцирует определенное отношение, определенный ключ восприятия действительности, в ее прошлом-будущем и настоящем. Находясь в поле регулярного воспроизведения-действия этого знания, которое вовсе не обязательно, а в основном даже и не предполагается, знать-понимать, человек, проникаясь им, заряжается определенным образом. Как представитель данного коллектива, как действующий специфическим образом и таким же каким-то образом мыслящий, воспринимающий окружающее, реагирующий и регулирующий субъект. Сам себя регулирующий и регулируемый общим либо направленным на него непосредственно полем действия, к которому определение *знание* может быть отнесено лишь отчасти, поскольку это лишь часть, когнитивная составляющая, общего опыта и повседневного коллективного бытия. Бытия себя повторяющего, воспроизводящего и продуцирующего, воздействующего на сознание субъектов-носителей всем своим целостно организуемым и целостно действующим существом. В этом смысл того продуцирования, о котором шла речь в связи с языком советской действительности.

Интересующий нас объект, таким образом, можно было бы определить, с учетом его природы, как в отношении русского, национального и литературного, языка, так и в отношении русского языка советского времени (советской эпохи) и узуальной его проекции – языка пропаганды

и официоза (т.е. новояза), из чего будут следовать важные предпосылки. Те предпосылки, которые позволят установить характер и принципы аналитического отношения к нему как языковому, но не исключительно языковому по природе своей, объекту, что и будет предполагать не сугубо языковые приемы подхода к его описанию. Язык советской действительности, в связи со сказанным, можно было бы определить как передаваемую и воплощаемую с помощью языка, направленно ориентированную, парадигмосистему продуцирующегося в себе знания-опыта коллективного бытия, в продуцируемой данной общностью и ею поэтому переживаемой, проживаемой и на себе, в ее действиях и последствиях, ощущаемой действительности.

Советское отношение к действительности в его отражениях в языке

Русский, национальный и литературный, язык в отношении языка советской действительности выполняет роль источника и оформителя языкового материала. Язык советской действительности, в известном и неизбежном смысле, это тот же русский, литературный в основе своей, язык, только в еще одном парадигмо-функциональном своем проявлении и приспособлении. Русский язык советского времени, или советской эпохи, вполне обоснованно определяемый как очередная по времени стадия развития и становления русского, литературного и национального, языка (оценки и комментарии данного положения, как бы к советскому времени ни относятся, не отменяют языкового его существования), этот язык, в связи с этим, можно было бы определять точно так же – как почву и как источник. С тем уточнением, что в общем общественном времени как источник и почва себя проявляющий.

Язык советского времени, в отличие от рассматриваемого нами языка советской действительности, будучи

связан с общественным временем, не заряжен и ни в каком таком специфическом отношении не определен. Он уходит вместе со временем, заменяясь на язык пришедшей ему на смену эпохи. Меняются средства и формы, лексический, фразеологический, синтаксический, стилистический материал. При этом какая-то часть, не заряженная чересчур специфически и хорошо усвоенная, остается, наследуется последующей стадией развития языка. Язык советской эпохи отражает в себе (было бы странно, если бы не отражал), включает, вводит, перерабатывает и обрабатывает, советскому времени свойственный, для него характерный, типичный, но не обязательно только советизированный, со знаком советскости, материал. Представляя собой, по верному наблюдению С.И. Карцевского (1923), впрочем, равно как других исследователей, его изучавших (можно было бы назвать А.М. Селищева, Г.О. Винокура и др.), расширение и освоение в языке существующих средств, потенциальных либо до этого, может быть, так широко не использованных, ограниченных, не задействованных активно¹⁰.

Русский язык советского времени так напрямую не связан с носителями, как язык советской действительности, в отношении их какого-то определенного, в том числе и ментального, типа. Не надо быть ни советским, ни не советским, ни антисоветским, чтобы им пользоваться и на нем говорить. Что-то могло в нем не нравиться, что-то старался кто-нибудь в современном ему языке, слишком явное и разящее, избегать, как-то там обходиться другими словами, слишком уж по-советски не говорить. Советскость его обуславливала характер и выбор включаемого и осваиваемого материала, свойственного данному обществу и данной эпохе. Подобное отношение у носителя всякого языка может быть к своему языку ему современной либо какой-то иной эпохи. Советский характер, будучи по своему существу подчеркнуто унитарным и навязчиво прокламируемым, в известном смысле навязыв-

ваемым, придавал ему, этому отношению, неизбежную остроту.

Следующая из сказанного еще одна отличающая черта языка советской действительности от языка советского времени, применительно к разбираемому вопросу, состояла бы, таким образом, в том, что по числу и составу своих носителей, говорящих на нем, язык советского времени не был в советское время в каком-нибудь отношении определен. В то время как язык советской действительности требует такого предопределения. Число и состав на нем говорящих, определяясь типом ментального отношения к действительности, должно было быть ограниченным и меньшим по сравнению с языком советской эпохи. Одновременно с этим, в другую, последующую эпоху язык советского времени постепенно, но неизменно уходит в типично советском своем материале в пассив. Язык советской действительности, связанный со своими носителями, не уходит со сцены так явно и очевидно, оставаясь, следами и отпечатками, и при этом не только лексемной, фразеологической, а потому легко узнаваемой, стороной. Он продолжается в употреблениях, в узусе, в коннотациях. Что и как в этих процессах живого употребления себя оставляет и проявляет, давая почувствовать, – на этот вопрос нелегко ответить сколько-нибудь определенно и полно без достаточных к тому оснований, т.е. без представления материала в виде системы для него характерных, его отличающих значений и форм.

Язык пропаганды и официоза (советский язык-новояз), таким образом, можно было бы определять как одну из форм функционального, речевого, письменного и устного, проявления русского литературного языка как языка советской эпохи. По отношению к языку советской действительности эта форма ведет себя как воздействующая, какой-то частью своей входящая, какой-то влияющая, но ограничено, выборочно (с точки зрения языка советской действительности), как форма искусственная, созна-

тельно создаваемая и не имеющая носителей, на ней как таковой говорящих.

Наиболее полной, включающей и не заряженной, не сугубо идеологизированной, формой, следовало бы, в контексте сказанного, признать язык советского времени. По отношению к нему язык-новояз представлял бы собой искусственно формируемую узואльно-функциональную часть, а язык советской действительности – совпадающую по времени и развивающуюся, формирующуюся одновременно, однако не часть, а проекцию, непосредственно связанную с советской ментальностью, языковой советской картиной мира и с наделенным этой ментальностью и соответствующими представлениями о мире кругом своих говорящих.

С точки зрения языкового материала, в наблюдаемом и явном своем проявлении, в лексике и фразеологии прежде всего, язык советской эпохи, советский язык-новояз и язык советской действительности в какой-то части имели бы общий состав единиц (язык эпохи и язык действительности в первую очередь). Общий состав в отношении вида и формы, но далеко не всегда это были бы те же самые их значения, контексты, конструкции, формы употребления. Смысловое и функциональное отличие этих внешне, по форме своей, совпадающих единиц (насколько их стоит определять как тождественные себе, вопрос не такой простой, как может на первый взгляд показаться), это отличие следовало бы из природы, т.е. парадигматики и синтагматики каждого из трех проявлений «советского» языка. Попробуем показать это, неполно и приблизительно, на каком-то примере (трактовка при этом, без представления целого, может быть далеко не единственной). Возьмем для этого характерно советское слово *стахановец*.

Стахановец – дифференцируемая семантика одной советской лексемы

Как лексему языка советского времени его можно было бы определить примерно следующим образом: передовой рабочий-ударник, работающий с превышением существующих производственных норм.

Как лексему языка пропаганды – тот, кто самоотверженно и бескорыстно, во имя общего блага, отдавая всего себя, трудится на производстве, являясь примером настоящего советского отношения к работе и обществу, значительно перевыполняя обычные нормы.

И, наконец, как лексему языка советской действительности: тот, кто своим выделяющимся на фоне других отношением, работая с превышением существующих производственных норм, способствует укреплению советского строя, возможности проведения политики государства и партии в массы, являясь пропагандистским примером для подражания.

Небезынтересно в указанном отношении было бы сопоставить определения, даваемые слову по словарям. Возьмем для этого дефиниции из словаря под ред. Д.Н. Ушакова (ТСУ, 1940 г.), Словаря русского языка в 4-х томах (МАС, 1984 г.), Большого толкового словаря, гл. ред. С.А. Кузнецов (БТС, 2000 г.).

Стахановец, *вца, м. (нов.)*. Работник социалистической эпохи, к-рый в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов путем преодоления старых технических норм и существующих проектных мощностей. ...*Стахановцы являются новаторами в нашей промышленности...* Сталин. *Стахановцы тяжелой промышленности. Стахановцы социалистических полей*. [По имени Алексея Стаханова, забойщика шахты «Центральная – Ирмино» в Донбассе, начавшего в 1935 году борьбу за высокие показатели социалистического труда.] (ТСУ)

Стаха́новец, -вца, м. Передовой рабочий, творчески овладевший средствами новой техники и достигающий в социалистическом соревновании значительного превышения норм выработки (название, распространенное в Советском Союзе в 30-40 гг.). *Стахановцы наглядно показывают нам, что любой человек может быть артистом в своем деле.* М. Горький, О новом человеке. [По имени донецкого шахтера А. Стаханова] (МАС)

Стаха́новец, -вца, м. 1. Передовик, много и плодотворно работающий человек, превышающий обычные нормы выработки (было распространено в СССР в 30-70-е гг.; по имени донецкого шахтёра А. Стаханова). *Он у нас настоящий с. 2. Ирон.* О человеке, работающем с целью, чтобы его заметили. *Стахановцем хочешь быть? Эй, с., кончай работу!* (БТС)

Сравнение первых двух, дефиниций советского времени, в его начале, в связи с появлением слова (1940 г.), и в конце (1984 г.) дает представление прежде всего о временной перспективе. Воздействующий, воспитательно-дидактический, характер лексемы заметен в обоих случаях. В ТСУ основное внимание уделяется идее нового, характерного для советской эпохи, социалистического отношения к труду как соревнованию, предполагающему необходимость стремления к максимально возможному (и невозможному, но не для советского человека *implicite*), преодолевая существующие *старые* технические нормы и мощности (наследуемые от не советских спецов!). Раскрывается смысл триады желаемого достижения (с использованием суперлативов) – наивысшая производительность труда, наилучшее использование техники, превышение производственных планов. Определение имеет, тем самым, характер вводящий, нацеливающий и разъясняющий. Смысл явления, характерного исключительно для новой, советской, эпохи, и такого же нового, социалистического, отношения к труду, имеет целью служить примером и руководством к действию. Приводимые иллюстрации подчеркивают идею новаторства, связываясь с зада-

чами индустриализации, подсказывая необходимость новаторского подхода и применения новых методов с превышением существующих норм не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Подробно, с ближайшей смысловой перспективы, дается фигура инициатора, фамилия которого послужила мотивирующей основой слова. МАС, в контексте иных идейных задач, обращает внимание на передовой и творческий характер подхода к средствам новой техники, оставляя актуальность социалистического соревнования и необходимость значительного превышения норм, но ограничивая описываемый пример такого подхода сферой промышленности (словами *рабочий, выработка* в определении) и временем (в 30-40 гг.). Толкование в результате приобретает характер обобщенного позитивного опыта – некогда было так-то и так-то, и из этого стоит извлечь для себя актуальные представления и выводы, приспособив их и переосмыслив для современных задач. В отличие от дефиниции в ТСУ, определение слова в МАС в его воздействующей направленности можно было бы охарактеризовать как обобщающее и прагматическое.

БТС устраняет из определения советскую идеологическую направленность, оставляя, однако, идею советского позитива (неотъемлемо свойственного данному слову) – *передовик*, переводя его в обобщенное представление *человека, много и плодотворно работающего*, но не минуя при этом советской привязанности – *превышающий обычные нормы выработки*. Время распространения слова, по сравнению с МАС, получает, на первый взгляд неожиданное, расширение – 30-70-е гг. Меняется перспектива, теперь постсоветского, восприятия слова, и раздвигаются неизбежно границы того представления, которое связывается с его использованием. В этом, видимо, состоит некий весьма интересный феномен. В 70-80-е гг. *стахановец* воспринимается как историзм, советского времени 30-40 гг., когда это слово и связанное с ним явление возникли, были вызваны к жизни, активны и актуальны и, что не

случайно, имели, по-видимому, иной, более узкий и приближенный к представляемой пропагандой действительности характер и смысл. В 90-е и последующие за ними годы *стахановец* также воспринимается как историзм, но советского времени как такового, без отнесения только к началу (в 30-40-х гг.). Поэтому не в активной и актуальной, а в обобщенной и соответствующим образом позитивно заряженной семантической форме, типично советского (чтобы не сказать пропагандистского) позитива, на почве которого возникает значение ироническое, определяемое как второе – *о человеке, работающем с целью, чтобы его заметили*. Можно было бы с известной долей предположения сказать, что *стахановец* 30-40-х и *стахановец* 80-х гг., с точки зрения, но не языка советской эпохи, а языка советской действительности, не одно и то же. В последующие за 80-ми годы слово воспринимается в этом последующем, а не первоначальном своем значении.

Попробуем данное положение объяснить. Поможет в этом, как это ни странно, может быть, прозвучит, определяемое нами ранее третье – советский язык-новояз, язык советского официоза и пропаганды. Своими воздействующими, эксплицитными и имплицитными, сторонами он присутствует далеко не всегда, но, когда он есть, всегда в желаемом направлении заряжает определение семантики слова. Язык этот (узуальная форма языка советской эпохи) устанавливает, каждый раз актуализируемый, привязываемый ко времени, характер соотношения языка советской эпохи (описываемого, как правило, по словарям советского времени) к продуцируемой, а потому и меняющейся в задаваемом представлении, советской действительности. Продуцируемое им и наиболее явно и полно определяемое или только отображаемое представление советской действительности 30-40-х и 70-80-х гг. было разным. Для него это было пропагандистское представление, существовавшее наряду с другими, в словарях советского времени также отображаемыми.

В контексте сказанного *стахановец* 30-40-х гг. предстает как тот, кто являет собой образец воплощения в человеке нового, социалистического, отношения к труду. Не как к вынужденной условиями существования необходимости, как это было раньше (материальное обеспечение, обогащение, реализация жизненных планов, удовлетворение личных амбиций и пр.), а как к средству наиболее полного и скорейшего достижения обществом поставленных перед ним задач преобразования действительности, определяемых как социалистическое строительство. В связи с чем такой человек, работающий на производстве, должен и будет стремиться к тому, чтобы максимально производительно и с полной отдачей использовать собственные физические, умственные, профессиональные (новаторство) ресурсы, равно как и объективные, внешние – технику, нормативы, выжимая из них все возможное и невозможное во имя скорейшего достижения поставленных партией и государством задач. *Стахановец* этого времени, тем самым, в себе проявляет идею отображения в человеческом материале советской системы, устанавливаемой как общее социальное дело, в его поступательном, продуцируемом развитии, в контексте ее укрепления, обеспечения в смысле постоянно наращиваемого, увеличивающегося, нормы-числа производства (по принципу $n + 1$, где n представляет число, каждый раз на какую-то единицу растущее). В отношении к продуцируемой советской действительности, к ее продуцированию, *стахановец* этого времени, следовательно, оказывается в его актуальном центре (времени советской действительности 30-40-х гг.), семантически отображая ведущую формулу отношения пропаганды (явно – в ее интенциональной, не слишком явно – в прокламационной части) к человеку как средству и материалу поставленных обществу производственных, значительно превышающих его ресурсы и силы, заданий.

Стахановец 70-80-х гг. предстает по-другому. Актуальность отличающего его от прежнего отношения к

работе снимается. Снимается также, утрачивая свою прежнюю значимость, идея преобразующего и постоянно наращиваемого усилия в отношении достижения желанного образа советской действительности (социалистическое строительство, человек для которого – средство и материал). Остается поощряемый, одобряемый, положительный образ-типаж передового, ответственного, творчески подходящего к поручаемому делу советского человека, участника производства, благодаря умению, профессиональным навыкам и труду которого производственный коллектив достигает в социалистическом соревновании значительных показателей. Системоценностное мобилизирующее напряжение *стахановца* 30-40-х гг. из императива и образца для настойчиво прокламируемого подражания переходит в плоскость этического и личностного, не столько необходимого для строительства социализма, как раньше, сколько желательного, связанного с внутренними возможностями и выбором, а потому образца, в известной мере высокого и исключительного, не для всех и далеко не всегда потому достижимого. *Стахановец* времени 70-80-х гг. отображает идею отмеченной знаковости, приобретая признаки символьного, а потому обобщенного и отвлеченного, не в полной мере реального воплощения. На основе чего развивается отношение отстраненности и сомнительности, которое, вступая в соединение с эмпирическим знанием действительности советского производства, приводит к представлению о вполне допустимой и вероятной фальши, неискренности внутренних побуждений, о демонстративности такого субъекта, желании привлечь к себе, своей работе внимание начальства и получить таким образом от него поощрение (2-е значение БТС).

Общим, объединяющим смыслом того и другого значения было бы, таким образом, представление об исключительности, выделенности данного человека на фоне других. Стахановец, прежде всего, привлекает к себе внимание – начальства, коллег, своим исключительным, повышенно-энергетическим отношением к производимой

работе, предполагающим выжимание из себя и всего, в производстве используемого, до последней возможности ради реализации каких-то собственных, возможно небескорыстных, но в каждом случае демонстративных, затей. И именно тут возникают различия и характерные, по-видимому, для позднего восприятия значения слова, сомнения. Ради чего им это делается, какова подоплека подобного поведения?

В 30-40-е годы, определяясь как бескорыстное, характерное для новой, советской эпохи, такое его отношение к работе мотивировалось и пропагандировалось как вызванное порывом, энтузиазмом ударников очередных пятилеток, стремлением больше работать, с тем чтобы больше производить. Страна, в представлении средств пропаганды, во многом также и в массовом восприятии, была на подъеме, в невиданном по внутренней силе и мощи рывке.

В 70-80-е годы идея мобилизующегося на скорейшее строительство социализма, как желаемой и достижимой цели, энтузиазма-подъема ударников не проходила. Ударничество, в условиях развитого социализма, по объективным и субъективным причинам, должно было получить какое-то новое объяснение. Творческого, не рутинного отношения к своему труду, результатом, возможно отчасти и целью, которого было бы достижение коллективом, в котором такой ударник работает, т.е. своим для него коллективом, значительных показателей, лучших и больших по сравнению и на фоне других (социалистическое соревнование). И, что из этого следовало, для него, своего коллектива, определенных выгод и поощрений, премий, наград, благодарностей, благосклонного отношения со стороны партийно-советского руководства, что определялось понятием *быть на хорошем счету у начальства*, со всем из этого вытекающим. В условиях общего кризиса коллективизма и разлагающего влияния (в представлении средств пропаганды) индивидуалистской морали (чему отчасти и противопоставлялось как средство

преодоления извлекавшаяся из фанфарного времени первых социалистических пятилеток идея ударничества, с чем связывается упор на этическую ее составляющую) подобное представление должно было порождать и, естественно, порождало не только коллективистскую (значение в МАС и 1-е в БТС), идущую от пропаганды, но и индивидуалистскую форму интерпретации (2-е значение в БТС), существовавшее, но не отражавшееся в словарях советского времени.

Значения слова 30-40-х и 70-80-х годов, таким образом, можно было бы представлять как разные, вводимые, переводимые, акцентируемые, грани чего-то общего, какого-то общего представления, заложенного в семантике, трудно сказать чего – желаемого отношения человека к своей производственной деятельности, как агента-производителя и продукта одновременно советской действительности, не в реальном ее, а представляемом, опосредуемом средствами интерпретации (не только и не исключительно пропаганды), виде. Агентно-продуктное это отношение к продуцируемому представлению действительности в *стахановце* выражалось бы как такое, которое предполагает причастность, внутреннюю свойственность его (как агента силы и одновременного, движущего, ее результата) этой самой действительности, процессу ее продуцирования, по показателям, семантическим признакам наращивания, количественного роста, увеличения массы числа, превышающего обычное среднее, норму. Значение это можно было бы воспринимать как значение того «языка», который определялся нами как язык советской действительности.

Язык советского времени имеет свою позицию в подобным образом представляемой семантике. Человек, поскольку объектом описания в данном случае является он, определяется в отношении к обществу и ко времени – советскому обществу и советскому времени. Определяясь как представитель советского общества и советского времени, *стахановец* был бы тем, кто в условиях, порождает

мых временем, применял особенные, превышающие обычные, формы и методы производства, демонстрируя этим необходимость не стандартного отношения к процессу и результатам труда.

Значения советского языка пропаганды поворачивали бы в каких-то своих частях совпадающий, пересекающийся и общий смысл в ту сторону, которая тяготеет к представлениям *ударник* и *передовик*, т.е. идейно, морально и производственно лучший, максимально использующий имеющиеся возможности, показывающий пример, мобилизующий остальных, ведущий их за собой к достижению общей цели. Акцентировались, подчеркивались, эксплуатировались бы признаки, связанные а) с идейно-коммунистической сознательностью (бескорыстие, преданность делу, ради общего блага и достижения цели, не ради себя); б) с максимальной наилучшего из возможного, наивысшей степени, оптимального проявления; в) образцовостью мобилизующей силы примера, способного своим действием на массы, на окружение заражать, заряжать, поднимать и г) с устремленностью к цели (скорейшее построение социализма в СССР). И ср.: агент-продукт причастного отношения к советской действительности по показателю растущего увеличения производимой им массы-числа. Или – производитель, по собственным либо не собственным, вызванным социальным временем (политическим временем), побуждениям и причинам, демонстрирующий большее, чем среднее и необходимое, достижение своих производственных результатов. Характерные то и другое для языка советской действительности и языка советской эпохи.

Позитив человека в языковом воплощении

Рассматриваемые три формы советского русского языка, таким образом, имеют свои позиции, свои акценты и повороты в интерпретации и мотивации включаемых, осваиваемых, перерабатываемых или вновь вводимых и создаваемых, лексических форм и значений. Условно, поскольку крупно и обобщенно, эти позиции можно было бы охарактеризовать как опытно-ментальную – носителя советского опыта и советской ментальности, в отношении языка советской действительности; как социально-темпоральную – в отношении к общественному времени и состоянию советской действительности, для языка советской эпохи и как когнитивно-воздействующую – для языка официоза и пропаганды.

Вполне естественно, что для периода актуального существования советской действительности, в условиях регулярного, неизменно звучащего и видимого повсюду, действия официоза, различие в единицах семантики, к тому же формально единых, признаков каждого из трех языков было бы и затруднительным, и малорезультативным. Осмысленная возможность такого разграничения появляется после. Когда язык советского официоза и пропаганды неизбежно уходит со сцены, переставая активно воздействовать и влиять, а язык советского времени перемещает что-то в себе значительное в пассив, преобразуясь в какой-то новый, другой язык, язык последующей, наступившей эпохи. И когда, наконец, язык советской действительности также начинает как-то преобразовываться, приобретая какие-то новые формы. Сказать, какие формы он начинает приобретать, во что превращаться, и уходить ли, – на эти вопросы можно было бы более или менее определенно ответить, после того как язык этот будет изучен, в его специфике и вероятном отличии от двух других языков породившего их времени и социального состояния.

Определения словарей представляют значения интересующих нас лексем позитива в смешении различных по своему характеру признаков всех трех форм советского языка, хотя и на общей какой-то основе. Тенденция эта продолжает действовать в лексикографической практике и последующего периода.

Если еще раз сравнить приведенные определения из трех словарей (см. последующие абзацы в квадратных скобках), можно заметить следующее. В ТСУ от языка пропаганды-официоза эксплицитно представлен признак максимальности наилучшего (три других – сознательность, образцовость, цель – присутствуют как имплицитные). От языка советской действительности – признак причастности отношения (два раза слово *социалистический* и *соревнование*), агента-продукта (*работник эпохи*) и в меньшей, не акцентируемой степени признак растущего увеличения производимой массы-числа (во второй части определения). От языка советского времени – признак производителя социального времени (причины и побуждения не акцентированы, имплицитны либо опущены), признак демонстрирования (но не демонстративности) – *добывается, наивысшей, наилучшего, превышения* – и признак большего, чем среднее, достижения. Две последних формы, по-разному сочетаясь в своих признаках, таким образом, почти полностью находят свое отражение в определении ТСУ. Признаки языка пропаганды подчеркнуты, акцентированно представлены только одним, остальные воспринимаются как неявно присутствующие, т.е. имплицитные.

[ТСУ: Работник социалистической эпохи, к-рый в социалистическом соревновании добывается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов путем преодоления старых технических норм и существующих проектных мощностей.]

В определении МАС от языка пропаганды имплицитно использован только признак идейной сознательно-

сти, следующий из восприятия слов (фон социальных знаний) *передовой* (в отношении к *рабочий*), *творчески овладевший*; три других – максимальность наилучшего, образцовость мобилизующей силы примера, устремленность к цели – практически в нем не задействованы. От языка советской действительности можно заметить причастность (*в социалистическом соревновании*, овладение *средствами новой техники*) и увеличение производимого (но не растущего – достижение *значительного превышения норм выработки*). От языка советского времени – производитель (*рабочий*, *выработка*), предполагаемые побуждения и причины, следующие из социальных знаний (снова *передовой*), социальная (политическая) актуальность времени (*творчески овладеть средствами новой техники*), демонстрирование (*достигающий, значительного*) и большее, чем среднее, достижение результатов (*превышения норм*). Определение МАС, таким образом, в большей мере, чем ТСУ, тяготеет к признакам языка советского времени, чем языка советской действительности, и еще в меньшей степени отображают язык пропаганды.

[МАС: Передовой рабочий, творчески овладевший средствами новой техники и достигающий в социалистическом соревновании значительного превышения норм выработки.]

В определении БТС идея сознательности и образцовости (из языка пропаганды) может быть связываема только со словом *передовик*, неизменно в себе содержащим советские коннотации. В контексте уже не советского восприятия слово это может быть также привязано к проявлению признаков причастного (теперь некогда) отношения к советской действительности либо вызванных социальным (политическим) временем побуждений-причин (не следует забывать, что толкуется слово советского языка, советизм, и это подчеркивается – в СССР в 30-70-е гг.). Остальное в определении (за исключением лишенных советскости *много и плодотворно работающий человек*), с учетом 2-го значения, представляется более

обоснованным связать скорее с признаками языка советского времени, чем языка советской действительности, определив их в отношении (опять же *передовик, превышать, обычные нормы выработки*) демонстративности, большего, чем среднее и необходимое, достижение производственных результатов. Из чего следует, что БТС отражает в представленном определении признаки языка советского времени, а из этого, только как неизбежное проявление-следствие, некоторые типичные, наиболее важные признаки языка советской действительности и языка пропаганды, сочетающиеся у них с языком советского времени, совмещающимися в общих, используемых в определении, словах.

[БТС: 1. Передовик, много и плодотворно работающий человек, превышающий обычные нормы выработки 2. *Ирон.* О человеке, работающем с целью, чтобы его заметили.]

Показательно, что в других словарях постсоветского времени можно увидеть такое же предпочтение. Лексема *стахановец* определяется в них скорее как единица языка советской эпохи, чем языка советской действительности, что вполне объяснимо и не случайно. «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой дает такое определение: **стаха́новец** м. 1. Тот, кто добился высокой производительности труда (в СССР в 30-40-х годах). Задействуются признаки производителя и большего, чем среднее, достижение результатов. Всё остальное либо отсутствует, либо может быть выведено как имплицитное, на основе советского знания о труде, отношении к труду, идее высокой производительности. «Толковый словарь языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной, намеренно обращенный к советскому представлению, определяет *стахановца* словами ‘передовой рабочий, ударник’, в которых можно увидеть признаки, сближающие его с определением в МАС: производитель (*рабочий*), предполагаемые побуждения и причины (*передовой*), в контексте послесоветского восприятия – демонстративность (*удар-*

ник). В последнем слове возможно также определение идеи сознательности, максимальности, образцовости, причастного отношения, следующих из социальных знаний, однако, как представляется, все же на фоне и в соединении с признаками языка советской эпохи.

Интересно отображение слова *стахановец* в сленговом употреблении конца советского и уже не советского времени, дающее представление о признаках, закрепленных в его значении как остающиеся (отстоявшиеся), и потому существенные для восприятия. Сошлемся на материалы 1980-1990-х гг. «Словаря русского арго» В.С. Елистратова: **Стаха́нов**, -а, **стаха́новец**, -вца, м. (или **горбатый** ~). Активный человек, ведущий большую работу; энтузиаст. *Что я тебе, горбатый стахановец, что ли, в магазин переть! Вот и работай, если Стаханов.* Данное определение едва ли не полностью, можно было бы отнести к группе признаков языка советского времени: производитель (отсюда *активный*), демонстрирующий, проявляющий большее, чем у других (*активный, большую работу*), достижение, выделяющийся этим на фоне других (*энтузиаст*). Ведущий для данного слова признак языка советской действительности – причастное отношение к ней, равно как и показатель растущего увеличения производимого, оказываются нейтрализованными. Признаки языка пропаганды (сознательность, преданность делу, максимальность, образцовость примера – *активный, большая работа, энтузиаст*) воспринимаются как перевернутые, в издѣвке, иронии и на основе прежнего знания.

Слова словарных определений, используемые для описания значений, могут содержать в себе признаки как языка советского времени, так и языка советской действительности или языка пропаганды. Поскольку это слова по существу нередко такие же, как и определяемые ими, используемые из общего фонда языка советского времени. Для различения трех, наделенных советскостью, языков поэтому, равно как и для представления отнесенности слова к одному из них, к двум или ко всем трем, потребу-

ется такой анализ и такая его процедура, которые, как в принятых для семантических языков описания правил¹¹, предполагают воспринимать используемые при определении слова как семантические показатели, кванты смысла, а не единицы обычного языка. Набор таких маркеров должен быть ограничен, четко охарактеризован, вписан в систему соотношений и показан в своем дефинитивном действии. Иными словами, предполагать разработку парадигматики и синтагматики описываемой предметно-понятийной области как систему и как процедуру в их порождающем и объясняющем проявлении. Однако прежде чем перейти к представлению подобной системы, целью которого было бы описание языка советской действительности как передаваемого словами способа восприятия мира и человека, стоило бы коснуться еще одной важной проблемы. Решение ее видится как перспектива, открывающая себя после определения видимых контуров предполагаемой системы, однако поставить проблему имело бы смысл. Речь идет о границах, объеме, видах и типах советскости (советизации) в языке.

Попробуем показать отдельные стороны этой проблемы еще на одном примере. Возьмем для этого слово иного рода, не воспринимаемое как слово советского языка, не определяемое как советизм, внешне с советскостью вроде не связанное, но появившееся и получившее распространение в советское время. В определенный период советского времени бывшее воплощением советского позитива – человека мужественного и устремленного, уверенного в себе, в своих силах, надежного, крепкого, твердого, героя, романтика, труженика и открывателя, покорителя и опоры страны, обеспечение ее оборонной и народнохозяйственной мощи. Речь идет об отважном советском покорителе воздуха и надежных крыльях Родины, иными словами, о *летчике*.

Летчик советского представления

Слово *летчик* не советизм, в том числе и не семантический советизм типа *болтун*, *беседа*, *вожак*, *пионер*^{**}, т.е. вряд ли та единица, которую можно было бы определять как лексему языка советской действительности, языка советской эпохи или языка пропаганды. Другое дело, что и как она в языке советского времени обозначает, с какими сторонами советского восприятия связана. Здесь мы подходим к тому, что семантика советского представления о мире, советское продуцирующее отношение к действительности, существует как нечто само в себе, в словах языка себя воплощая и отображая, заряжая собою слова, подчиняя их и затем, как следствие, подчиняясь им, организуясь и утверждаясь ими. Процесс этот осуществляется в обе стороны – от желаемого представления действительности к языку и от языка к представлению действительности.

Толковые словари как советского, так и постсоветского времени не содержат в своих дефинициях никаких указаний, которые могли бы давать возможность предположить хоть какую-нибудь идеологическую нагруженность семантики разбираемого слова. Отдельные признаки ее можно почувствовать, при условии знания ассоциативного и социального фонов, лишь в иллюстрациях. **Лётчик**, а, м. (авиаци.). Лицо, самостоятельно совершающее полеты на аэроплане и управляющее им. *Школа летчиков*. (ТСУ) **Лётчик**, -а, м. Водитель самолета. *Военный летчик*. *Морской летчик*. *Летчик-испытатель*. □ *Летчик должен знать свойства воздуха, все его склонности и капризы так же, как хороший моряк знает свойства воды*. Каверин, Два капитана. (МАС) **Лётчик**, -а; м. Специалист, умеющий управлять каким-л. летательным аппаратом

---

^{*} «...новые общественно-политические значения и оттенки значений изначально нейтральных, неидеологизированных слов», или политизированные, «советские» лексико-семантические варианты: *беседа* 'собеседование на политические темы'; *болтун* 'тот, кто разглашает тайну, секретные сведения' и т.п.¹²

(обычно самолётом, вертолётom). *Военный л. Лётчик-испытатель. Л. поднял в воздух самолёт. Опытный л. Учиться на лётчика.* (БТС)

Динамика развития представления о летчике, отраженная в трех различных по времени словарях, связывается со степенью социального освоения в сознании говорящих авиации, авиаторов и пилотируемых ими машин. ТСУ обращает внимание на признаки самостоятельности совершаемых летчиком действий и управлении аппаратом, определяемым словом *аэроплан*. МАС определяет слово через вождение, т.е. профессиональные действия того, кто находится в *самолете*. БТС – с точки зрения носителя, обладателя профессиональных умений и навыков (специалист, умеющий управлять), распространяя их на любой летательный аппарат, не только аэроплан-самолет, как отмечалось раньше. Социальное время, тем самым, нашло свое отражение в последовательном уточнении 1) от представления о том, кто совершает определенного рода действия, отличающиеся от похожих других (ср. не самостоятельно совершаемые и не управляемые полеты на аэроплане), каковым может быть лицо, не обязательно делающее это профессионально или имеющее к этому разрешение; 2) через такие же, совершаемые действия, но требующие специальных умений и подготовки, т.е. действия, представляемые как профессиональная деятельность, похожая на другие и вместе с тем отличающаяся от них (ср.: водитель автобуса, троллейбуса, такси, грузового автомобиля и пр.); 3) к определению совокупности соответствующих навыков, действий, умений и профессиональной деятельности как специальности, отличающей и характеризующей своего обладателя в каком-либо отношении. Развитие представления, следовательно, осуществляется, для данного случая по шкале, укладывающейся в показатели производитель определенного рода действий → деятель в определенного рода сфере, области → обладатель, носитель определенного рода признаков. Показатели, которые связываются с представлением о категориальном и

парадигматическом в устройстве интересующего нас предмета, в данном случае в его отношении к социально-темпоральной проекции.

Применительно к языку советской действительности это категориальное и парадигматическое должно укладываться в систему того окружаемого внешнего, которое характеризуется как советское о нем представление. Специфику интересующего нас, таким образом, проявления языка будут составлять референциальные соотношения с имеющимся (имевшимся) в сознании говорящих советским образом существующего. С его оценками, знаниями, значениями, не обязательно и не исключительно повторяющимися пропагандистки ориентированные, но связанными, коллективно и опытно переработанными и в известной мере следующими из них.

Прежде чем предложить описание данной парадигматики, наметив подход и возможный начальный фрагмент к нему, вернемся к советскому представлению о летчике, но теперь не как к слову в его семантике, а значению как вероятному элементу соответствующей референциальной системы. С тем чтобы на наглядном примере попробовать вывести то, что, с одной стороны, может быть для нее характерно, а с другой, что давало бы основание увидеть отличие между словом русского (советизированного) языка, и словом, в его семантике, отражающей в себе советские представления о действительности*. В ее поступательном, революционном развитии, как это было принято определять, имея в виду умение и необходимость

---

* В связи со сказанным возникает еще одна представляющаяся важной проблема, которую на данном этапе придется оставить без рассмотрения, с тем чтобы вернуться к ней после и на основе парадигматического определения системы советской действительности. Проблема, которой отчасти уже приходилось касаться. Речь идет о границах советскости в отношении лексического состава. Почему, на основе каких семантических свойств *стахановец*, *передовик*, *ударник*, к примеру, должны и могут определяться как слова-советизмы, а выражающие не менее важные для советского позитива и также часто и регулярно использовавшиеся в советское время *летчик*, *моряк*, *солдат* и т.п., обозначая, передавая что-то неодолимо в себе советское, советизмами вместе с тем не являются.

видеть и находить в настоящем начатки будущего. Свойство, которое было определено нами как продуцируемость и которое предполагает такое отображение действительности, которое не обязательно должно соответствовать ей как реальности существующего, поскольку задача его в совершенно другом. В том, чтобы отражать ее таковой, каковой она долженствует быть, подчиняя своим субъективным намерениям, политическим и идейно-концептуальным задачам. А поскольку желания и результат, при воодушевленно-приподнятом и интенсивном воздействии со стороны желающего, неизбежно расходятся, все это составляет не реально-действительное, а желательно-продуцирующее, в данном случае советское, представление о ней.

Представление о летчике вписывается в образ, имеющий по крайней мере тройную природу, связываемую с идеей действующего, деятеля и обладателя признака. В отношении действующего заключенное в летчике содержание связывается с идеей обеспечения, укрепления, поддержания и устройства того, что существует и создается как новое общественное устройство – страна победившего социализма, СССР. Летчик, в контексте такого своего представления, это тот (*надежные крылья страны*), благодаря которому реализуется план укрепления обороноспособности, обеспечения безопасности настоящих и будущих достижений, безопасности и надежности территории и границ. Он же одновременно тот, кто обеспечивает способность сообщения и перемещения внутри страны, быстрых и недоступных для других транспортных средств перевозок, доставок, а также химическую либо другую какую-то обработку посевов, массивов, лесных насаждений и т.п. Назовем этот общий, объединяющий данные проявления признак статально-экзистенциальным аффирмативом [лат. *affirmo, affirmatum* ‘поддерживать, укреплять’], предполагающим обеспечение, укрепление экзистенциального состояния, статуса, существующего положения советской действительности в ее отношении к

институтивной и территориальной стабильности и коммутативности, ненарушенности границ (лимитатива), темпорального обеспечения, длительности во времени (дуратива) и оптатива поддерживающих и обеспечивающих нормальное жизненное функционирование (vitalia) сторон. Идея летчика-действителя, таким образом, состоит в таком обобщенно-социализированном результате, общественном благе свойственных его проявлениям действий, которое определяется смыслом обеспечения и поддержания, аффирматива а) стабильности, б) коммутативности и в) оптатива витального проявления сложившегося положения вещей (rerum natura). В отношении и с позиции деятеля идея летчика может быть передана понятием расширения, распространения, выхода за пределы имеющегося, освоенного, и освоения нового, земного и околоземного, пространства (воздуха) – пространственный амплификатив (экстенсив). В отношении и с позиции обладателя, носителя признака ведущими будут направленность поднимающей вверх и вперед, отрывающей, порывающей силы* – от земли, от земного ее притяжения, тяжести, связей, привязанностей, ограничений, условий, условностей и т.п. Идея порыва, отрыва, преодоления – интенсивностный (super et praе ‘вверх и вперед’) абруптив (лат. abrumpro, abruptum 1) ‘отрывать, срывать’; se a. ‘вырываться’; 2) ‘внезапно прерывать, прекращать’; ‘нарушать’; ‘отделять’).

---

* Применительно к сказанному ср. аналогичное значение для советского мифа о летчике у Д. Вайса¹³, определяемое им в отношении внушающей силы, общей семантики интенсификации и перевода идеи движения вперед в вертикальную плоскость – «вперед и выше!», а также слова популярной в советское время песни, объединяющие разбираемые признаки обладателя, деятеля и действителя, *Все выше и выше и выше Стремим мы полет наших птиц, И в каждом пропеллере дышит Спокойствие наших границ...*

Проективно-возможные формы обозначения человека-лица

Три выведенных стороны отраженного в определяемом значении проявления дают возможность задаться вопросом об их отношении к определяемому, его значимой для представления советской действительности позиции, ее перцептивного образа в сознании говорящих. Иными словами, поставить вопрос о том, чем является, в разбираемом случае летчик, представление о нем, идея и образ его, для сознания носителей языка советской действительности в соответствии с выведенными для него основаниями-признаками.

Другой вопрос будет связан с идеей характера представления. Чем отличаются, в интересующем нас отношении, применительно к описанию будущей парадигмосистемы, понятия действователя, деятеля и обладателя, или носителя, признака. В каких отношениях находятся, могут оказываться не только сами эти понятия, но также и то, что они собой представляют, значения, смыслы, которые передают.

И, наконец, в связи поставленными, не менее важными для понимания описываемой системы могут быть два следующих вопроса. Что такое лицо, человек применительно к сознанию носителей языка советской действительности. И второе – чем является идея и смысл лица в предлагаемой к описанию парадигмосистеме языка советской действительности. Второй вопрос касался бы определения образа представляемой действительности. Что она есть, чем является, что представляет собой в двух обозначенных перед этим проекциях – применительно к сознанию носителей ее языка и применительно к предлагаемой семантической форме его описания.

Первый из четырех поставленных, вопрос о позициях трех сторон – обеспечения-поддержания, расширения-распространения и преодоления-отрыва – следовало бы решать в отношении ряда проекций. Социально-

темпоральный аспект, отразившийся некоторыми своими особенностями по словарям (ТСУ, МАС, БТС), предполагал бы последовательно развертывающиеся акценты на обеспечении-поддержании (начальная фаза, отчасти нашедшая отражение в ТСУ, – статально-экзистенциальный аффирматив), на расширении-распространении (конечная, завершенная фаза, передаваемая более в МАС, – пространственный аффирматив-экстенсив) и на преодолении-отрыве (обобщенная фаза после, отраженная, наряду с другими, но в большей степени, чем в МАС и ТСУ, в БТС, – интенсивностный (*super et prae*) абруптив).

Основаниями этих акцентов были бы отношения а) к поставленной перед советским обществом цели строительства социализма (*opus finitum*), предполагающего достижение и поддержание важных для этого оборонных и народнохозяйственных рубежей; б) к советской стране, как стране и обществу построенного социализма, функционирующему в своем существующем и стабильном режиме, который необходимо, чтобы усиливать, расширять; в) к советским людям и отдельно к каждому советскому человеку, как носителю и воплостителю в жизнь необходимых, составляющих сущность советского отношения к действительности, задач и идей. Эти три позиции-отношения могли бы стать составляющими для того представления, которое кладется нами в основу идеи советской действительности, отображаемой в свойственных ей сознании и языке.

Что касается второго вопроса, о соотношении действителя, деятеля и носителя (обладателя^{*}) признака,

---

* В этом месте хотелось бы обратить внимание на двойственные в ряде случаев характеристики – носитель и обладатель, аффирматив-экстенсив, расширение-распространение, обеспечение-поддержание и т.п., которые не столько дополнительно уточняют определяемую ими идею, сколько нередко дают представление о двух возможных позициях – извне либо изнутри. Носитель признака, таким образом, будет представлять собой характеристику для взгляда извне, обладатель, напротив, изнутри, для него самого. Аффирматив – как то, что имеет своим направлением-выходом силу на подкрепление, поддержание, исходящую изнут-

характеристики эти могли бы укладываться в последовательность одно в другое включаемых представлений. Действователь мог бы описываться как совершающий действие или действия, наблюдаемый в их совершении, воспринимаемый как такой, который их совершает или способен их совершить. Деятель, соответственно, как обобщенное представление действий, внутренне свойственных в своем совершении для лица, не обязательно видимых в их совершении. И, наконец, обладатель – как тот, кто воспринимается не в отношении действий, ему присущих или им совершаемых, а в отношении внутренних, ему наличных характеристик. В отношении смыслов, отличающих его от других, составляющих его неотъемлемую природу и свойственность.

Три рассмотренных представления человека-лица в его отношении к действиям можно было бы интерпретировать как актуализацию – потенциальность – наличие, что дает возможность наметить решение третьего поставленного вопроса. Лицо, человек, применительно к сознанию носителей разбираемого языка, можно было бы представлять как пучок или сгусток внутренне ощущаемых признаков, заключенных в объединяющей, распознаваемой и потому несущей и значимой для них, оболочке. Само лицо и сам человек, в отношении к этому сгустку признаков, представляется тем, что наделяет их этой способностью, сообщает динамику и придает им форму, являясь заряженным ими и одновременно их отображающим, выводящим наружу, кинетическим оформителем-энергетизатором. Иными словами, лицо, человек, в представляемой действительности, присутствует в ней не как данность, не как обособленность и самооценность, биологический и социальный, наблюдаемый, имеющий форму и

ри, от себя вовне. Экстенсив – простирание, расширение, распространение, овладение – как то, что постигается взглядом извне. Расширение, соответственно, будет связано с экстенсивом, распространение – предполагать позицию аффирматива, имеющего результатом охватывание и овладение пространством. Подобным образом могут быть объяснены и другие удвоенные характеристики.

идентифицирующую его очевидность, репрезентант, индивид, элемент. Но как то, что, будучи свойственно ей, этой действительности, как ее живое, заряжает энергией своего живого и выводит наружу некую совокупность свойств, необходимых, типичных, желаемых ей.

Две названных ранее стороны вопроса – отношение к сознанию носителей и к описанию парадигмосистемы, таким образом, совместились в идее того, что представляет собой определяемая действительность и чем является в ней, для ее представления, человек. Действительность, о которой речь, а с нею и в ней, соответственно, человек, предстает как организованная определенным образом совокупность признаков. Как своего рода поле их проявления, отражения и обнаружения, не имеющее, в отличие от представления о человеке, способности к энергетизирующему, сообщающему движению, выводящему их из себя проявлению. Как то, что содержит, организует, меняет, но не оживляет, не динамизирует их. Иными словами, производитель, транслятор и одновременно продукт и носитель выводимых из нее, на ее основе, ей придаваемых и в ней замечаемых признаков. Поскольку действительность и человек распознаются и определяются по этим признакам, признаки эти способны стать средством их характеристики и описания. Парадигматический образ того и другого – советской действительности применительно к позитивному представлению в ней человека – будет предметом дальнейшего рассмотрения.

Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности

Одна из отличительных черт советского представления о действительности, как можно было заметить из ранее сказанного, состояла в воздействующе-продуцирующем отношении к ней. Воздействующем – поскольку имело организующий, дающий ориентиры единственно правильного мышления и понимания источник. Продуцирующее – в силу задания, прямо стоящего перед этим источником и связанного с формированием человека, способного производить, своими делами, трудом, действительность, придавая ей необходимый вид. Однако в силу того, что действительность объективно не поддается желаемому воздействию, не изменяется в ей навязанном отношении, процесс продуцирования осуществляется в виде ментального образа. В сознании человека в подобном случае действительность предстает как метафора, переносное и опосредованное отображение самой себя.

Продуцируемость лежит в идее формируемого с помощью языка отношения, замкнутого на себе самом. Сознание продуцируется на основе продуцируемого пред-

ставления действительности с целью дальнейшего продуцирования представления о ней, меняющейся в желаемом направлении в сформированном соответствующим образом сознании. И это достаточно, поскольку действительный и объективный выход, его наблюдаемый в реальности результат далеко не так значим и необходим, как результат представляемый и субъективный. Создаваемое в сознании представление действительности необходимо, на самом деле, для формирования наделенного нужными признаками сознания, а не действительности.

Вместе с тем то, что закладывалось, и то, что из этого получалось, неизбежно должно было проходить и проходило корректировку опытно наблюдаемой, хотя в известной мере и искаженной в своем представлении, действительности. Не менее важной, влияющей на результат, составляющей следовало бы признать и мотивируемое состояние сознания человека. Предполагаемый, следовательно, как окончательный образ присутствующего в сознании представления действительности, отображенного (не обязательно явно) в ее языке, мог бы складываться из взаимодействия по крайней мере пяти, по-разному соединяемых и неоднозначно участвующих в общем процессе, сторон:

1) того, что исходит из заявляемого и прокламируемого источником, назовем эту сторону *прокламацией*;

2) того, что связано с его, т.е. источника, внутренним состоянием – интенциональным, скрываемым и в известном смысле намеренным (то, что заложено в формируемом представлении как *интенция*);

3) того, что следует из объективного, опытно-наблюдаемого и обобщенного представления воспринимаемой и переживаемой, проживаемой человеком, действительности (*эмпирическое*);

4) того, что связано с осознаваемой им частью своего ментального существа (*когниция*)

5) и, наконец, того, что присутствует в нем неосознанно, как внутренне направляющее, мотивирующее и регулирующее (*мотивация*).

Отражаемый в языке советской действительности, таким образом, результат можно представить в виде соединения составляющих по следующей схеме:

(Интенция → Прокламация ← Эмпирическое →
Когниция ← Мотивация)
= Продуцируемое представление действительности

В наиболее явном и очевидном, и потому показательном, виде продуцирующее намерение (интенционально-прокламационная часть) обнаруживает себя в языке советской действительности в том, что представлялось источником как положительное для человека и в человеке. Как образ для подражания, воспроизводства для каждого и в себе, с опорой на когнитивно-мотивационную часть общей схемы. По своим признакам, в своей совокупности, пусть реально и не достигаемый, но желательный, а потому продуцируемый и индуцируемый. Назовем этот образ, для простоты, представлением советского позитива – положительных качеств того, что должно быть и как должно быть в советском желательном человеке, творце и продукте им же производимой действительности.

Этим был обоснован выбор взятого для описания материала – поощряемо-положительные обозначения советского человека, имеющие закладываемый в них воздействующий, воспитательно-дидактический смысл. Подобный смысл имеет не только лексический или фразеологический, т.е. непосредственно наблюдаемый, а потому и выбранный, материал. Его имеют речевые контексты,

синтаксические конструкции, ситуативные отнесения, presupпозиции, схемы строения текста (если иметь в виду только язык), т.е. все то, что можно было бы определить как генеративно-перцептивную базу языка советской действительности. Все это в своей совокупности, по сравнению с лексикой менее очевидное (а потому и, возможно, более неподвижное, не так скоро меняющееся и уходящее), можно было бы, имело бы смысл, поддавать изучению и анализу в соотнесении и на основе лексемного материала.

Интересующий нас позитив, бывший объектом анализа, укладываясь в определенную парадигмосистему, дает представление, образ, будучи выявлен, советски ориентированных выборов, оценок и предпочтений. Образ позиции человека в его отношении к действительности (воспринимаемой как советская и продуцируемая). Следовательно и тем самым, способен дать представление и о ней самой с точки зрения ее отношения к должным образом формируемому, по желательным признакам, человеку. Поскольку процесс этот осуществлялся, в основном и в первую очередь, на основе и с помощью языка, язык может стать источником соответствующих рассуждений и определений. Язык, его связанная с представлением советского позитива для человека семантика, но семантика не прямо лексическая, в лексическом материале, в обозначениях лиц, себя опосредованно только отображающая. Как и каким именно образом, будет следовать из рассмотрения, предмет которого составляет именно данного рода не прямо лексическая семантика, связанная с представлением человека советской действительности, отражаемым в сознании и в языке.

Прежде чем перейти к описанию интересующей нас системы, имеет смысл задуматься над тем, что можно было бы определить как парадигматический образ советского позитива применительно к обозначению лиц. При этом следует подчеркнуть, что просто человеческий позитив и он же, но только советский, равно как действитель-

ность, и она же советская, для рассматриваемой нами системы сознания и языка, будут существенно различаемые вещи.

Парадигматический образ целого понадобится для того, чтобы увидеть то общее основание и тот ключ, который послужит своеобразным входом в систему. Основой этого образа, для советского позитива, представляется воплощаемая в человеке-лице идея множасьегося, распространяющегося, заряжающего других и заряжаемого от других, когерентно-интерферирующего участия. Роль субъекта-лица (советского человека) состоит в согласуемо-направляемом участии в процессе создания необходимого представления действительности. Советские люди, по известному определению, занятые мирным созидательным трудом, создавали этим трудом, приближали свое и всего человечества светлое будущее. Оттолкнемся от этой формулы при описании занимающего наше внимание предмета.

Лицо, человек, выступая участником, партиципантом совместного созидательного процесса, представляемого как в статике, так и в динамике, т.е. как состояние в его длительности и как проявление, или действие, – человек, придающий движение процессу, имеющему смыслом созидание советской действительности, а также испытывающий воздействие с его (процесса) и ее (советской действительности) стороны, включенный (включившийся), втянутый в этот процесс, может быть наблюдаемым в общем движении, состоянии в четырех (согласно образу организуемой системы) своих проявлениях. В роли действующего лица, или действователя (способного к необходимому действию и определяемого, характеризуемого по этому признаку как позитив). В роли деятеля, занятого, используемого в какой-то сфере, приписываемая деятельность которого, не обязательно связанная с осуществлением какого-то рода действий, определяется скорее как место, позиция, положение, процессуально заряженное состояние в системе. В роли носителя, обладателя признака,

представляемого как признак важный, необходимый, с точки зрения организуемой системы, общественно значимый. И, наконец, в роли представителя, или репрезентанта, какой-то группы, какой-то части, какого-то коллектива, объединения, совокупности, множества, т.е. как элемент, входящий в общее социальное целое.

Позиционно-матричное представление о системе

Четыре указанных ролевых проявления – действитель, деятель, обладатель и представитель – отражаются при представлении позитивных значений обозначаемого ими субъекта в четырех других, передаваемых отношениях 1) к тому, что отдельно, является, предстает единичным (сингулятив); 2) к тому, что является множеством, совокупностью, представляет объединение, общество, социум (социатив); 3) к тому, что представляет собой систему, устройство (структуратив) и 4) к тому, что воспринимается как ее проявление, функционирование (проектив).

Получаемые в результате объединения позиции имеют два связанных категориально соотношения, которые можно было бы определить как а) внутреннее, имманентное, свойственное и б) привносимое, придаваемое, испытывающее воздействие на себя извне. Иными словами, заряженное (кумулятивное) и не заряженное, или позиционное, аддитивное, проявление. Общая схема всех указанных соотношений выглядела бы следующим образом (интересующие нас значения находились бы в двух центральных колонках):

	Заряженные	Не заряженные	
Отдельность	<i>Наделенный</i>	<i>Отмеченный</i>	Носитель
Объединение	<i>Принадлежащий</i>	<i>Нужный</i>	Представитель
Структура	<i>Причастный</i>	<i>Поставленный</i>	Деятель
Функционирование	<i>Действующий</i>	<i>Организуемый</i>	Действователь

Прежде чем перейти к отражению выделенных курсивом значений в лексическом материале с более подробным их описанием, имеет смысл дать о них общее представление.

Наделенность / отмеченность следует понимать как такую характеристику, которая предполагает признак, приписываемый лицу как его носителю (обладателю) и отделяющий его от других, выделяющий его при сравнении с ними и на их фоне. Признак, определяющий человека вне связи с отношениями к включению его, вхождению в большее – множества, объединения, числа таких же, как он, и ему подобных (отношение к социуму) или системы, устройства, объединения целого с его институтами, установлениями, порядками, правилами и т.п. (отношение к стране и советскому строю), а также вне проявления в характеризующем действии или деятельности в этой системе. Речь идет, таким образом, о признаке, характеризующем человека в его особенности и отличии от других, который может быть признаком внутренне свойственным (кумулятивным) либо придаваемым кем-то, какой-то организацией, учреждением извне (аддитивным). Сопоставление признаков, заключенных как характеризующие лицо в лексемах *герой, боец* (по природе, характеру – *боец революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции*), *энтузиаст, общественник* (по призванию), с одной стороны, и *светило, светоч, маяк, гигант* (*науки, мысли, труда*), с другой,

определяемых и те и другие как признаки по показателям обладания и обособления (отделения), дает возможность увидеть отличие кумулятивности от аддитивности.

Признаки первого ряда проявляют себя как такие, которые определяются (воспринимаются) называющим в отношении их имманентности, свойственности, наличия, принадлежности характеризующему ими лицу, их носителю и обладателю. В то время как признаки ряда второго – как определения, характеристики, даваемые ему, приписываемые ему другими, кем-то, каким-то авторитетом (авторитетами), т.е. институционально, извне. Называя кого-то *героем, энтузиастом, бойцом, общественником*, говорящий определяет его как такого, кто способен, готов к особенным, исключительным, выделяющим его на фоне других, характеризующим его положительно, проявлениям, поведению, действиям, и эти признаки, согласно вкладываемому о них представлению, являются неотъемлемой частью его натуры, характера, воспитания, его духовного облика как отдельности и обособленного лица. Определяя кого-то словами *светило, светоч, маяк, гигант (науки, мысли, труда)*, говорящий либо авторитетный (пропагандистский, публицистический) источник, если он это делает без иронии, присоединяется к существующему общему мнению, опирается на него либо к нему апеллирует, его таким своим употреблением вводя в обиход, делая достоянием общего о нем представления. Ирония, в свою очередь, строится, достигается вследствие непрямо, внутренне отрицаемого, подвергаемого сомнению общего мнения, существующего и принятого либо же выдаваемого за таковое (игра позиций и точек зрения). Определяя кого-то *героем*, а кого-то *энтузиастом*, кого-то еще *бойцом, общественником*, равным образом – кого-то словом *светило*, другого *светоч, маяк, гигант*, говорящий, источник такого определения, находит, хочет видеть в определяемом, показать, приписать ему признаки ряда носителя (обладателя) как внутренне свойственные (наделенность, кумулятивность) либо приписываемые (отмеченность, аддитив-

ность), отличающиеся, разные в каждом отдельном случае. Отличия этих и им подобных признаков составляют смысл дальнейшего описания, отдельно для каждого из выделенного в таблице курсивом значений.

Принадлежность / нужность приписывается лицу, определяет его, как имманентное (кумулятивное) либо придаваемое (аддитивное) свойство, в отношении его вхождения, включения в большее множества себе подобных – коллектива, объединения, ассоциации, группы, массы, массива, числа (разновидности множеств, на данном уровне представления, себя не проявляют). Принадлежность / нужность, тем самым, определяет лицо как представителя, репрезентанта, какого-то социума, какой-то общности, в его отнесенности к этой общности, принадлежности (кумулятивности) либо приданности, приписанности, назначенности, поставленности (аддитивности) в ней. Различие того и другого, пока что без уточнения всего дальнейшего, могут проиллюстрировать *красноармеец, интербригадовец, известинец, краснопутиловец* в отношении первого признака (принадлежности) и *плановик, кадровик, агроном, председатель* в отношении второго (нужности). В лексемах первого ряда заложено представление об отнесенности: член такого-то коллектива, группы, один из – боец Красной Армии (*красноармеец*), член интербригад (*интербригадовец*), работник газеты «Известия» (*известинец*), рабочий Путиловского завода (*краснопутиловец*). Лицо, человек определяется по этому признаку, который становится одновременно средством его положительно-одобрительной характеристики, через отношение, отнесенность к соответствующим образом оцениваемому, общественно значимому коллективу. Лексемы второго ряда определяют тех, кто включается, вводится, назначается в коллектив, приписывается, придается ему (сам коллектив при этом как средство оценочной и определяющей характеристики себя не проявляет, коллектив может быть любой). И через представляемую таким образом аддитивность предполагают важным для понимания

заклученного в них позитивного смысла и соответствующей оценки обозначаемого лица, что и становится определяющей их чертой, тот признак, который был обозначен как нужность. Речь идет в данном случае о необходимости, важности, нужности обозначенного словом лица, его места и роли, выполняемых им, возложенных на него заданий и функций, что и содержится как его позитивная характеристика в слове. Оценка данной его позиции в коллективе, а также общественной роли, следующей из выполняемых им функций, никак не зависит от его внутренних качеств, как в предыдущем случае (признаки наделенность / отмеченность). Это оценка его соответствия месту, оценка самой позиции и доверия к нему (со стороны поставивших, пользующихся общественным авторитетом, вышестоящих), признание его быть достойным и подходящим, его проверенность и социальная апробация. Нужность, как характеристика и как определяющее качество, следует как направленный признак не от лица и не от коллектива. Это характеристика общественной необходимости в отношении коллектива занимаемой данным лицом позиции. Для того чтобы подразумеваемый, предполагаемый (implicite) коллектив как общественная единица функционировал так, как следует и как должно быть, играя в обществе назначаемую ему для этого роль, нужно, чтобы была в коллективе необходимая для достижения этого соответствующая позиция, место и роль – для субъекта-лица, занимаемые и осуществляемые подходящим для этого человеком. Также как коллектив, человек этот не наделяется при обозначении словом какими-то выделяющими его, подчеркивающими его особенность, исключительность признаками, определяющими его в отношении предпочтительности. Человек этот может быть, также как коллектив, любым, но только, и это самое главное, должен быть в нем общественно нужным.

Причастность / поставленность определяет лицо в отношении его проявления, значения его деятельности к системе – ее становлению, устройству, организации, ста-

бильности, безопасности, существованию, развитию и т.п. Под системой следует понимать государственное устройство, строй, страну. То есть структуру с ее институтами, целями, установлениями, задачами, функциями, правилами, по отношению к которым общество (социум, объединение, множество предыдущего основания) выступает как реализующая, осуществляющая все это и все это на себе испытывающая и в себе несущая, субстанциальная часть. С точки зрения рассматриваемого парадигматического строения причастность / поставленность как основание предполагает следующую, третью, по отношению к двум предыдущим, ступень. Лицо, человек, определяясь по представляемым основаниям как проектив, т.е. проекция признаков, отраженных в нем свойств отношения к общему целому, на первой ступени (наделенность / отмеченность) проявляет себя как отдельность, на второй (принадлежность / нужность) – как позиция в социуме, на третьей, рассматриваемой, – как реализующий через себя и в себе структуру целого и реализуемый в ней и по отношению к ней субстантив. Как позиция, положение, место в системе целого через посредство деятельности обозначаемого соответствующими словами лица. Системодетельностные позиция, место, значение, роль, из которых и на основе которых следуют позитивные смысл и оценка для называемого человека.

Так же, как и предыдущие (и последующее) основания, причастность / поставленность дифференцируют признаки кумулятивности и аддитивности – того, что выступает как имманентное либо как приписываемое извне. Отличие в этой паре могут иллюстрировать *авроровец, стахановец, целинник, бамовец*, с одной стороны, и *агроуполномоченный, двадцатипятидесятничник, инструктор, группкомсорг*, с другой. Первый ряд предполагает внутреннее, по зову сердца, по призванию, призыву, отклику, а также отношению, положению, месту, случайности, т.е. своего рода стихийности и(ли) инициативности, причастного проявления со стороны лица. Второй – назначение,

направление, откомандирование, поставленность по отношению к системе. *Авроровец*, член экипажа крейсера «Аврора», своим легендарным выстрелом открывшего новую страницу человеческой истории, воспринимается как тот, кто имеет отношение, причастен к этому событию, обладающему значением первоначала, исходной точки для дальнейшего установления и развития системы. *Стахановец* – как тот, кто имеет отношение, причастен к наращиванию, росту укрепляющей, поддерживающей, жизнеобеспечивающей ее стороны, как опоры и основания. *Целинник*, соответственно, как причастный к ее (жизнеобеспечивающей стороны) пространственному распространению, расширению. *Бамовец* – как тот, кто причастен к освоению ее пространств, способствующему их использованию и оптимальному функционированию. Соответственно, *агроуполномоченный* – поставленный от комитета партии куратор сельского хозяйства – имеет отношение к жизнеобеспечивающей составляющей. Но не как производитель, а как организующее и контролирующее, мобилизующее других начало, проводящее необходимую политику на вверенном участке сельскохозяйственного производства. *Двадцатипятидесятничник, инструктор, группкомсорг*, аналогичным образом, являясь представителями мобилизующей и направляющей, руководящей составляющей со стороны системы, поставленными, призванными и уполномоченными, способствуют реализации ее настраивающих, организующих, а не производящих функций.

Между поставленностью, как признаком рассматриваемого основания, и нужностью основания предыдущего можно увидеть некоторое сходство. Отличие этих двух признаков, следующее из их отношения к социуму или к системе, может быть относительным. Строится оно на сопоставлении внутренне свойственных, необходимых, с точки зрения общества, мест, позиций, ролей для лица в коллективе с позициями, местами, ролями (а с этим отчасти и коллективами), следующими не из внутренней, коллектива и социума, необходимости, а из воображения о

реализации приписываемых системе задач. Поставленность, тем самым, представляет собой последующее и внешнее, по отношению к предыдущему (нужности), основание, идущее не от знания о функциональной природе общества и коллектива, а от представления о развиваемой системе с идеей заложенного в ней социалистического строительства. Это последующее и внешнее может восприниматься как мобилизующее и организующее по отношению к внутреннему. Реализуются эти признаки в противопоставлении того, кто нужен – народному хозяйству, делу, стоящим перед обществом экономическим, производственным, социальным задачам, кто выполняет полагающуюся для этого работу, являясь работником, тружеником на вверенном ему участке, тому, кто назначается, направляется, ставится, наделяясь полномочиями, обязанностями с какой-то внешней и дополнительной целью – контроля, мобилизации, организации, проведения политики партии и т.п. Первый, таким образом, может быть воспринят как осуществляющий задачи внутреннего характера, второй – как проводник, способствующий реализации задач идейных и политических.

Четвертая пара признаков – **действующий / организуемый** – представляет собой следующий по отношению к трем предыдущим уровень. Система определяется через лицо в ее отношении к функционированию, т.е. в движении. Действующий, как имманентное, кумулятив, предполагает действие и способность к проявлению в действии для лица в желаемом направлении для системы, с должным участием и силой, самозабвенно, преданно и не щадя себя. Организуемый, как аддитив, т.е. внешнее, предполагает втягивание, включение, – не действие, а задействие, в какое-то занятие, движение, объединение, с пропагандистской, воспитательной, общественно-политической либо другой какой целью, того же организующего, задействующего порядка. Иллюстрацией первого признака могут быть лексемы *боец* (участник каких-либо действий) – как тот, кто бьется, активно добивается

необходимых целей, своими действиями участвует в деле осуществления идей, заложенных в системе; а также *борец* (за мир, за дело рабочего класса, пламенный, неутомимый); *защитник* (рубежей, отечества), *страж*, *стражи* (границы, неба, верный). Иллюстрацией второго – *юнармеец*, *пионер*, *комсомолец*, *коммунист*, *колхозник*. *Юнармеец* – член военизированного отряда, участник военно-спортивной игры, проводимой в школах и между школами, – как тот, кто, включаясь в мероприятие, принимает участие в действиях, имеющих целью не формирование, не организацию существующих или новых частей, элементов и отношений в системе, а подготовку себя как участника и как члена отряда, воспитание, выработку умений, способностей, навыков, рассчитанных на их использование в будущем, важных и нужных системе. Данное представление и составляет смысл определяемого признака. Задействование, организуемость имеет целью организацию, закладывание оснований на будущее, ближайшее или далекое. Тех оснований, реализация которых предполагается к осуществлению в людях, человеческом материале, с его помощью и при его посредстве. Подобным образом могут быть описаны и представлены *пионер*, как член детской коммунистической организации, *комсомолец* (член коммунистического союза молодежи), *коммунист* (член коммунистической партии), *колхозник* (член колхоза) и др. – в отношении участия, задействования, включения их в объединения, имеющих целью предполагаемое либо планируемое использование для целей, необходимых системе.

Наделенность как имманентное (кумулятив) обладателя

Дальнейшие уточнения предполагают рассмотрение каждого из представленных в общем виде значений с

определением соотношений в структуре их внутреннего устройства.

Наделенность, первый из рассматриваемых признаков, можно представить как то, что устанавливает отношение обладателя к тому, что, воздействуя, предполагает, требует для него обладания каким-то качеством. Качество это имеет три стороны сочетаемого уточнения – в отношении самого обладателя, в отношении воздействующего внешнего и в отношении того, что интересует систему (ее идеологию, ее предъявления к человеку, ее установление, порядок, характер, строй).

Предъявляемые, желаемые для обладателя системой признаки можно было бы уложить в сочетании, предполагающем действие как выход из состояния покоя и возвращение к нему. Первой такой позицией, фазой, видом, соотносимым с другими, было бы возбуждение как исходная точка. Вторую позицию составляли бы признаки, определяемые в свойствах направленности, наступательности. Третью и связанную с ней четвертую – поддерживающие и обеспечивающие возможность выхода и возвращения, обращения в себя (центробежные и центростремительные). И пятую составляло бы свойство, предполагающее способность проявления в желательном действии с возможным или реальным достижением нужного результата (результатируемость):

возбуждение – направленность – поддержка (выхода – возвращения) – результатируемость

[Наделенность] в признаках намечающегося исхода

Признаки первого (выделенного жирным шрифтом) основания могли бы получить расширение в виде таких, как неуспокоенность, воодушевленность, приподнятость, способность к самопожертвованию, бескорыстность мотивов, горячность, желание быть полезным другим, приносить пользу людям. То есть укладывались бы в

своего рода мотивационную сферу своего обладателя как потенциального действующего, способного, когда будет надо и если потребуется, в должном и нужном, направленном и направляемом, отношении, ради целей, во имя системы, себя проявить. Воплощением этих признаков (как внутренних, мотивационных свойств обладателя) могли бы быть, при условии их соответствующего использования и восприятия, т.е. лексико-семантической интерпретации, такие слова, как *энтузиаст*, *общественник*, *коллективист*, *патриот*, *интернационалист*. С дальнейшим их, внутренним, подразделением, предполагающим наложение той же сетки пяти оснований: по своим внутренним качествам, свойству характера, исходу, началу – *энтузиаст*; по виду, характеру внешнего проявления, направленности – *общественник*; по виду, характеру качеств, которые поддерживают, обеспечивают необходимо направленный выход вовне – *коллективист* и такое же, необходимое обращение, возвращение внутрь, в себя, понимаемого как свое коллективное – *патриот*; и, наконец, как те признаки, которые предполагают способность проявления в желательном действии с достижением нужного результата – *интернационалист*.

Сказанное требует уточнений и объяснений. Относительно лексико-семантической интерпретации, т.е. использования и восприятия значения слова. И относительно укладываемых в какие-то ячейки слов, что может выглядеть стройно и симметрично, а потому вызывать недоверие к объективности процедуры.

Относительно первого необходимо сказать о том, что привлекаемые в качестве иллюстраций слова представляют собой единицы особой функциональной сферы, особого речевого узуса – советского словоупотребления, со смещенной, нагруженной дополнительно либо, напротив, усеченной и суженной структурой значения. Со структурой значения нередко намеренно обобщенно-размытой (что отмечается целым рядом исследователей и определяется ими как свойство пропагандистского язы-

ка¹⁴), допускающей и предполагающей субъективную интерпретацию и домысливание, интериоризацию и субъективизацию, при восприятии. И, наконец, подобного рода слова, используя в текстах языка советской действительности, в печати, в средствах массовой пропаганды прежде всего, а оттуда затем и в речи, предполагают различающиеся в своих значениях и акцентах употребления, обусловливаемые клишированным, т.е. более или менее устойчивым и ограниченным в выборе, сопровождением. Подобного рода отличия в семантике словоупотреблений одной и той же лексической единицы (что в ряде случаев находит свое отражение и в словарях), предполагают возможность их различного понимания и толкования, с отношением не сходных по какому-то признаку словоупотреблений одной лексемы, не всегда имеющих статус лексического значения, к разным представляемым нами парадигматическим группам и основаниям. Одно дело, скажем, такие выражения, как *Он хороший общественник. Плохой из него общественник. Вырастить, воспитать общественника. Общественник – это призвание. Общественниками не рождаются, общественниками становятся.* И другое – *Работа общественника. Собрание общественников коллектива. К этому делу следует привлекать общественников. Общественники подвели.* В первом случае речь может идти о внутренних качествах человека, его предрасположенности (хотя возможно и что-то другое). Во втором – о характере, виде и способе деятельности.

«Большой толковый словарь русского языка» в своем толковании различает еще два признака, давая их как взаимные дополнения и уточнения в пределах одного лексического значения, как две его стороны. Отличия эти, тем самым, не определяют лексико-семантический статус употребления слова: **общественник**, -а; м. Человек, который активно участвует в общественной жизни, работе; человек, выполняющий какие-л. обязанности на общественных началах. *Я по натуре своей о. Работа общественника – дело неблагодарное, не сулящее выгод.* Пер-

вый пример (*Я по натуре...*) относится к первой части определения, второй, соответственно (*Работа общественника...*), ко второй, которая следует за точкой с запятой.

Можно продолжить представленное определение, уточнив его в отношении не просто тот человек, который участвует в общественной жизни (он может еще или уже, или вообще в ней не участвовать), а тот, который испытывает призвание к подобного рода деятельности, способен по внутренним качествам, подходит к ней, может оказаться хорошим или будет хорошим в ней. Контексты типа *Из него бы получился хороший общественник. Во мне умирает общественник. Советский человек – это врожденный общественник. В каждом необходимо не только увидеть, но и вырастить, воспитать общественника*, – эти контексты не предполагают ни первое, ни второе, ни того, кто активно участвует в общественной жизни, ни того, кто делает что-либо без вознаграждения, т.е. на общественных началах. Они акцентируют не действие, не деятельность и их характер, а внутреннюю предрасположенность обладателя, связанную, обусловленную готовностью, умением и способностью не заботиться о себе, своем личном благополучии, не требовать вознаграждения, посвящать себя. Значение, таким образом, можно было бы уточнить, определив *общественника* как такое лицо, которое имеет предрасположенность к..., активно участвует в..., выполняет обязанности в том отношении, что... И это было бы левой частью определения, правой частью которого могло бы быть то, что включает общественный характер предполагаемой либо осуществляемой субъектом деятельности.

В этом случае и в этом месте мы подходим к тому, что составляет смысл уточнений и объяснений относительно процедуры. Предметом ее представления являются не слова, и не значения слов, и даже не словоупотребления и их семантика в языке советской действительности. Предметом являются признаки, организуемые в некоторую парадигмосистему, себя в семантике словоупотребле-

ний языка советской действительности последовательно и не случайно отображающие. Отношения этих признаков к значениям словоупотреблений, а возможно также, и к лексическим значениям слов не являются ни предопределенными, ни симметричными. Невозможно сказать, что некий признак свойствен прямо и непосредственно данному словоупотреблению, он может в него в каком-то случае войти и его, как советское словоупотребление, определять, притягивать или притягиваться им, но на условиях, определяемых не семантикой слов, не лексическими особенностями и правилами словоупотреблений, а на условиях действующей самостоятельно и в словах себя, по своим законам, отображающей парадигмосистемы.

При таком понимании и при таком подходе та часть определения *общественника*, которая была условно названа левой, имела бы, могла бы иметь в описываемой системе не закрепленный характер, имея способность последовательно, равно как и одновременно, в двух или трех, себя проявить в возбуждении как пункте исхода (предрасположенность к...), в поддержке выхода (активно участвует в...) и возвращения (выполняет обязанности в том отношении, что...). Не исключено также, что и в каких-то других отношениях. Та часть определения, которая была названа правой – готовность, умение, способность не заботиться о себе, своем личном и пр., выводила бы к следующему подуровню, в котором *общественник* отличается от *энтузиаста*, *коллективиста*, *патриота*, *интернационалиста* – по виду, характеру внешнего проявления, направленности объединяющего их признака отнесенности к мотивационной сфере субъекта.

С учетом сказанного приводимые в качестве иллюстраций лексемы следует понимать как такие, которые, на основании существующих лексикографических описаний и необходимых для этого уточнений в связи с контекстами и клише, показывают возможные и допустимые, реализуемые и(ли) предпочтительные отображения признаков для описываемой парадигмосистемы, а потому не

единственные, возможные в другой своей интерпретации и ином понимании на основе каких-то употреблений. Поскольку цель состояла не в том, чтобы описывать и определять слова, а в том, чтобы вывести отображаемую в них, устроенную как семантический код, систему, связанную с советскими представлениями действительности (советской картиной мира), постольку слова использовались для большей наглядности и иллюстрации не случайности связываемых с языковым выражением семантических оснований и признаков. В подобном ключе имело бы смысл определять и воспринимать все дальнейшее. Поскольку в полном объеме, подробно во всех составляющих, систему показать не удастся, впрочем, это и не было целью принятого разбора, основания и признаки далеко не всегда будут даваться с обращениями к подуровням, с уточнениями возможных значений.

В связи с предполагаемой и как бы закладываемой, могущей показаться излишней, подробностью определяемых признаков и оснований логичным и обоснованным, видимо, будет вопрос о смысле подобного представления. Смысле для понимания природы того объекта, который был выбран для описания. Речь идет о системе внутренних ощущений и представлений, связанных с восприятием и отношением к социальной действительности в ее реализации к настоящему, будущему и прошлому, ориентированной, вписанной в мировоззренческий код, определяемый как *советская идеология*. Код этот задает систему оценок и ценностей, систему интерпретаций и объяснений как наблюдаемых, так и не наблюдаемых явлений и проявляет себя в наборах и сочетаниях характерных, типичных признаков, имеющих семантическую природу. Признаки эти вписываются в соотношения большие и охватывающие, являясь проекцией, отражением, интерпретирующим и идеологизированным воплощением каких-то связей, смыслов и механизмов, представляющихся в своем не заряженном, не ориентированном идеологически виде чем-то не сразу соотносимым, не чувствуемым в своей

советской определенности. В каком-то моменте, на каком-то этапе и уровне семантического оформления в системе появляется, возникает эта определенность, как дополнительный фильтр, как идеологический компонент, как усложнение, вставка, включение или довесок. На каком этапе и как это происходит и так ли выглядит? Или, возможно, система выводимого общего уже изначально, структурно, исходно является советизированной, но не в семантической или оценочной, а во внутренней, глубинной части, неощутимым и незаметным образом ориентирующей восприятие в нужное русло и направление? Описываемая нами модель имеет целью способствовать большей наглядности и целостности понимания того, что было свойственно языку советской действительности в одном из ее проявлений, определяемых как позитив, желаемое и приписываемое, для советского человека. Выявление характерных для этого признаков, не обязательно, не исключительно и не наглядно советских в своей оценочной и смысловой природе, но эксплуатируемых, используемых для этих задач, будет способствовать, как представляется, выбранной цели. Степень подробности представления признаков, передающих определяемые в своей действительной или потенциальной советизированности значения, должна зависеть от целей исследования и описания системы. Однако без более или менее ясного представления о ней самой осмысленное усечение подробности вряд ли возможно, – потери для понимания, как в отношении признаков, так и объясняющей их смысл системы окажутся неизбежны. Предлагаемое поэтому описание не будет строго следовать идее достаточной и необходимой подробности, стремясь показать не только, а может быть, и не столько сами признаки характерно советского позитива, сколько внутреннюю модель, действующую как их порождающая, их оформляющая и их объясняющая парадигмосистема.

возбуждение – **направленность** – поддержка (выхода – возвращения) – результируемость

[Наделенность в признаках] наступающей активизации

Признаки направленности, второго (выделенного жирным шрифтом) основания рассматриваемого параметра наделенности, в качестве расширения предполагают такие, как интенсивность, решительность, сила напора, напор проявления, давления вовне, от себя, упорство, настойчивость, наступательность, боевитость, способность действовать до конца. Смыслом их могла бы быть сильная воля, находящаяся в состоянии возбуждения (переход от первого основания) энергия, отображающая себя в необходимо направленном характере предполагаемого действия. Речь идет о заряженности, постоянной и неизменной готовности к использованию этой энергии как выходу, направленному от себя, из себя вовне, – субъективный желательный образ заложенного в свойствах определяемого человека, свернутого и дремлющего в нем характера будущего и возможного действия, проявления (спящий режим системы, если воспользоваться современными представлениями). Иными словами, это должен быть тот, кто всегда в дозоре, всегда на посту, кто самоотвержен, всегда подтянут, предан, способен в любую минуту к активному наступлению, действию. Иллюстрацией этих качеств могли бы служить такие слова, как *гвардеец* в значении ‘активный, решительный боец за что-л.’¹⁵ – «Молодой гвардеец пятилетки» (почетный знак ЦК ВЛКСМ), *боец (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за светлое будущее, трудового фронта, за высокое качество продукции, мирного фронта, на фронте просвещения, за высокие урожаи), солдат (революции, партии, настоящий, верный, преданный), часовой (Родины)*. С дальнейшим, возмож-

ным их внутренним подразделением, предполагающим наложение той же сетки пяти оснований (второе основание при этом отсутствует, проявлений его в примерах мы не находим, что, впрочем, вполне возможно и допустимо для разбираемой системы): 1) по исходным качествам, в соответствии с признаками, ему присущими, составляющими его природу – *гвардеец*; 3) по признакам, связанным с обеспечением выхода, направленности вовне – *боец*; 4) по признакам, обеспечивающим необходимое обращение внутрь, поддержку центростремительной силы, способность, надежность, опору для сохранения силы действия – *часовой*; 5) по признакам, допускающим, предполагающим способность проявления в желательном действии с достижением должного результата – *солдат*.

Имеет смысл рассмотреть возможность подобного выбора, допускающего отнесение слова к той или иной группе признаков, определив одновременно условия, согласно которым слово начинает приобретать семантику, необходимую для осваивающей ее для себя, его себе подчиняющей в нужном для себя отношении системы. Рассмотрим для этого четыре взятых для иллюстрации слова, с тем чтобы попытаться увидеть в них то, что обосновывало бы принятое по признакам отнесение. Для решения этой задачи достаточным представляется опереться на данные двух словарей – «Словаря русского языка в 4-х томах» (МАС), как представляющего лексический материал языка советской эпохи, и «Большого толкового словаря русского языка» (БТС), как дающего материал с учетом его употребления в речи.

Гвардеец определяется как ‘военнослужащий гвардии’ (МАС; БТС). В БТС это первое из значений, второе дается как разг. ‘о том, кто имеет высокий рост, крепкое сложение, молодеватый вид’. Для выбранной нами задачи потребуются также представление о слове *гвардия*, поскольку из первого определения не следует то, какими признаками должен обладать военнослужащий, включаемый в ее состав, тем самым, без понимания признаков

гвардии неясен и интересующий нас переход от *гвардейца* 1-го и(ли) 2-го значений к *гвардейцу* – решительному борцу и *молодому гвардейцу пятилетки* советского словоупотребления. *Гвардия* определяется как ‘лучшие, отборные части войск’ || перен. ‘испытанные деятели на каком-л. поприще; мужественные, преданные своему делу борцы’ (МАС). Это второе и переносное, помещаемое после знака || как оттенок значения, может определяться отчасти как семантический советизм, если под делом и поприщем понимаются революционные преобразования, строительство социализма, борьба за советскую власть, защита завоеваний партии большевиков и т.п. О чем свидетельствуют, впрочем, и приводимые в МАС примеры: *Оба [Леденев и Корчагин] были типичные представители молодой и старой гвардии большевиков.* Н. Островский, Как закалялась сталь. *В нашем городе [Ленинграде] старая рабочая гвардия России образовала то ядро, из которого выросла великая партия большевиков.* Тихонов, Ленинград принимает бой.

БТС дает прямое и переносное определения *гвардии* в МАС как значения разные и несколько по-другому, добавляя еще одно, в МАС отсутствующее, в качестве 2-го, а представленный в нем советизм оттенка значения как значение самостоятельное и 3-е, расширяя в возможностях употребления за счет допускаемого теперь потенциально отсутствия большевистского дела-поприща и устранения признаков ‘мужественные’, ‘преданные’, ‘борцы’: 1. Лучшие, отборные воинские части (первоначально – для охраны императора). 2. В некоторых странах: военное или военно-полицейское формирование; воинская часть, являющаяся личной охраной главы государства, военачальника и т.п. 3. Лучшая, испытанная часть какого-л. коллектива, группы. *Старая рабочая г. России. Старая большевистская г. Молодая г.* (о наиболее активной в общественной жизни молодежи).

Из приведенных определений следует, что ведущими для слова *гвардия* оказываются признаки ‘лучшие’,

‘отборные’, ‘испытанные’, те, кому поэтому доверена защита особо важного лица, фигуры, символа, т.е. чего-то обладающего высшей ценностью. В соответствии с поставленной задачей, предполагающей выведение мотивирующей основы употребления слова в языке советской действительности, следует задуматься над вопросом – по какому основанию, вследствие чего определяется это ‘лучшее’, ‘отборное’, ‘испытанное’? Подсказкой может послужить 2-е значение в БТС: имеются в виду особенные, отличительные признаки, определяющие физическую силу, крепость, представительность, т.е. особенную, характерную для данного лица предрасположенность для того, чтобы *быть гвардейцем*, выделяющую, делающую его исключительным по сравнению с другими. К этому следует добавить представление о гвардии как о частях, имеющих свою историю и славную традицию, сохраняющих ее, заботящихся о ней, передающих ее тем, кто вступает в ее ряды. Историю и традицию, в которых данная гвардия и ее гвардейцы предстают как испытанные, проверенные в боях, не подводящие, не роняющие достоинства и чести, – признаки, также связанные с предрасположенностью, но идущие от членства, состояния *быть гвардейцем*.

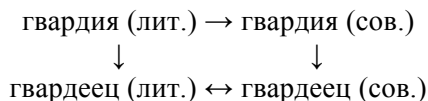
Гвардеец советского употребления может быть определен, на основе сказанного, как испытанный, проверенный, а потому отборный, лучший, в отношении надежности и преданности (поскольку для него это вопрос достоинства и чести) делу партии и государства (на основе признака ‘защита обладающего высшей ценностью’), а следовательно, мужественный, стойкий, борющийся до конца, – участник производимых партией революционных преобразований общества, строитель социализма и коммунизма.

Заключительную часть представленного определения (от слова *участник*) можно рассматривать как общую для советского позитива в обозначении лиц. Все предыдущее, следуя из признаков, заложенных в лексическом

значении слова, становится дифференцирующим для советизированной лексемы или ее такого словоупотребления, а потому является объектом описания в разбираемой модели. На основании этих признаков, заложенных и содержащихся в значении советизируемого слова, делается вывод об отнесенности их к позициям в модели. Тем самым, получается, что представление в слове позитива о лице содержит смыслом а) то, что это участник производимых революционных преобразований в обществе, строитель коммунизма – в отношении любого слова и б) то, какого вида, рода, типа, какими признаками характеризующийся участник – для дифференцирующего определения по словам и группам слов, укладываемым своими признаками в описываемой модели.

Если сравнить, что было бы небезынтересно, слово *гвардеец* языка советской действительности с его прототипом и коррелятом русского литературного языка, можно увидеть и вывести некоторую закономерность существующего между ними соответствия и перехода. Сравнение при этом следовало бы производить не только и не столько на основе отражаемых в словарях лексических значений, сколько на основе более расширенного их представления. С учетом заложенных в значениях действующих и осознаваемых признаков, выступающих в качестве мотивирующих, предопределяющих возможную и последующую деривацию, перенос и появление нового, смещенного и измененного значения. В этом случае *гвардеец* как единица литературного русского языка мог бы получить (с необходимой для этого ориентацией к *гвардейцу* советского словоупотребления) примерно следующую характеристику: а) лицо, представитель мужского пола, служивший либо служащий в особого рода войсках, а также выглядящий, похожий, наделенный признаками б) высокий, крепкий (физически предрасположенный), сильный, храбрый, мужественный, бравый, носитель свойств тех отборных и лучших частей, к которым принадлежит – надежность, испытанность, верность, преданность в деле защиты того,

что имеет высшую ценность. Сравнение с *гвардейцем* советского словоупотребления дает основание предполагать деривацию не по линии *гвардеец* литературного языка > *гвардеец* как семантический советизм, а образование последовательно соотносимых *гвардия* > *гвардеец* литературного языка, *гвардия* > *гвардеец* как советизмы. Данное соотношение могло бы выглядеть следующим образом:

Иными словами, *гвардеец* советского языка развивается на основе признаков слова *гвардия* как советизма, поддержку, возможность и внутреннюю дополнительную соотносительность приобретая в *гвардейце* литературного языка, в котором, с точки зрения его собственных семантических признаков, нет тех, которые бы предполагали способность прямого и непосредственного перехода к *гвардейцу* как советизму. Соотношение между ними можно рассматривать вследствие этого как вторичное, опосредованное и дополнительное.

Для интересующего нас слова (*гвардеец* как советизм) следовало бы в качестве определяющего вывести тот состав, который его соотносит с *гвардией* как семантическим советизмом. Выведение в данном случае важное и не случайное, связанное с употреблением слова. В языке советской действительности большей частотностью и закреплённостью обладала *гвардия*, в то время как слово *гвардеец* в описанном нами значении встречалось значительно реже, в ограниченных случаях и контекстах, соотносясь в сознании с *гвардией* и фактически следуя из нее. Само использование слова *гвардеец* как советизма можно было бы объяснить, без особых преувеличений и оговорок, наличием уже существующего *гвардеец* литературного языка, т.е. индуктивной способностью языка, порождающей, довольно легко и просто, нечто новое на основе

уже имеющегося. Поскольку есть такое слово, пусть и в ином значении, другое такое же, вследствие внутренних порождающих причин (от *гвардии* как советизма), появляется без затруднений, а если не возникает, не входит в речевой обиход, то присутствует на поверхности языкового сознания как потенциальное.

Признаками рассматриваемого *гвардейца*, в связи с советизированной *гвардией* и на ее основе, были бы те, которые выводят нас к представлению о направленности, наступательности, **заряженной силой и волей готовности действовать** в нужном, для большевистской партии, советской власти и государства, направлении. Те признаки, которые в МАС определялись как перен. 'испытанные деятели на каком-л. поприще; мужественные, преданные своему делу борцы', с уточнением дела и поприща в необходимом ключе, в отношении к партии, власти и государству. Признаки эти, связанные с заряженной силой и волей готовностью необходимым образом действовать, относились бы к основанию 'направленность' ('наступательная активность') в отношении 'наделенности' в определяемой модели, составляя внутри направленности для *гвардейца* проявление (1) – по **исходным** качествам, на основании того, что определяло исходящую от самого субъекта и от его принадлежности гвардии, членстве в ней, необходимую, должную предрасположенность релевантных для основания свойств.

Представленный механизм-процедуру определения признаков в их отношении к устройству модели, с меньшей теперь подробностью, проследим на трех последующих примерах того же 'заряженного силой и волей готовности необходимым образом действовать' основания. *Боец*, отнесенный к проявлению (3) – по признакам, связанным с обеспечением выхода, направленности вовне, в одном из своих значений (*боец революции, социалистического фронта, рабочего класса, за высокое качество продукции*) может быть представлен как тот, кто своими действиями, своим участием в революции, рабочем движении,

революционном преобразовании общества, строительстве социализма и пр. проявил себя как наделенный бойцовскими качествами – настойчивостью, упорством, умением бороться до конца, способностью действовать по-боевому, а потому надежный, проверенный, преданный, тот, на кого можно и следует полагаться, кто, будучи, в случае необходимости, ударно-опорной силой направленного движения-действия (революционного, преобразующего), обеспечивает возможность его осуществления, выхода от себя, из себя вовне. Ударно-опорный, как проявление, предполагает соединение-переход от (2), в словах для разбираемого основания не представленного (на основе ударности), к (3) **опоры** (включение смыслом в себя предыдущего для последующего – одна из существенных черт разбираемой модели) и усилению этого (3) в характеристике **обеспечивающего возможность осуществления действия** в его необходимой (для партии, государства, власти) направленности вовне. *Боец*, тем самым, во внутреннем своем семантическом представлении и устройстве, в отношении к разбираемой модели и позиции определяющих его признаков в ней, равно как и всякое другое слово, может быть отнесен к тому или иному ее основанию с последующими уточнениями в его значениях и подзначениях на основе дифференцирующих признаков своего смыслового состава. Такими признаками из ряда для него релевантных представляются следующие из названных:

- ‘тот, кто своими действиями, своим участием в... проявил себя как наделенный ... качествами’ – относящие к основанию наделенности (устанавливающей отношение обладателя к внешнему, к тому, что, воздействуя, предполагает, требует обладания определенным качеством);

- ‘кто проявил себя как наделенный бойцовскими качествами – настойчивостью, упорством, умением бороться до конца, способностью действовать по-боевому’ – относящие к составляющему наделен-

ность значению активизируемой направленной наступательности (заряженной силой и волей готовности необходимым образом действовать);

- ‘тот, на кого можно и следует полагаться, поскольку, будучи, в случае необходимости, ударно-опорной силой направленного революционного, преобразующего движения-действия, способен, проверен, в том отношении, что обеспечивает возможность осуществления, выхода этого действия от себя, из себя вовне’ – относящие к подзначению ‘обеспечение выхода заряженной силой и волей готовности’.

В связи с разбираемым словом имеет смысл обратить внимание на такую особенность, как зависимость определяемых признаков от семантической ориентации словоупотребления. *Боец* предоставляет для этого весьма показательный материал, отражение которого можно найти в словарях, причем значения литературные довольно последовательно соотносятся в данном слове с советизированными. В коротком и беглом сопоставлении интересующая нас проблема выглядела бы следующими образом (для большей наглядности дадим материал в таблице):

Определения БТС (литературного языка)	Значения в языке советской действительности	Основания и признаки в парадигмосистеме
<p>1. О военнослужащем (преимущественно рядовом, солдате). <i>Два бойца. Бойцы-пограничники.</i> В Красной Армии (1918-1942): рядовой красноармеец в противопоставлении командиру. <i>Награждаются лучшие бойцы и командиры части.</i></p>	<p>Входящий в состав регулярного воинского формирования, цель которого – защита социалистического Отечества от его внешних врагов.</p>	<p>Принадлежащий, как представитель объединения, с уточнением последующего значения и подзначения основания применительно к смыслу слова. (см. табл. на стр. 55)</p>

<p>2. Член военизированной организации отряда и т.п. <i>Б. отряда самообороны. Б. ОМОН. Бойцы пожарной команды.</i></p>	<p>Член отряда, группы (комсомольской, студенческой и т.п.), организованных для выполнения определенной работы, какого-л. задания и т.п. <i>Бойцы строительных студенческих отрядов.</i> (МАС)</p>	<p>Принадлежащий, как представитель объединения, с уточнением последующего значения и подзначения для этого смысла.</p>
<p>3. Участник боя (2-3 зн.); воин. <i>Кулачные бойцы. Бойцы-огольцы (шутл.). Бойцы тыла.</i></p>	<p>Употребление в языке советской действительности по сравнению с литературным значением слова не специфично.</p>	<p>Действующий (признак действителя применительно к функционированию в системе).</p>
<p>4. <i>Разг.</i> О человеке с бойцовскими качествами. <i>Несмотря на падение, выиграл золотую медаль: настоящий б.!</i></p>	<p>Употребление данного значения в языке советской действительности совпадает с литературным.</p>	<p>Наделенный, как носитель признаков по основанию направленности с предположительным проявлением к (2) – ‘заряженная готовность’.</p>
<p>5. = Борец (тот, кто борется за что-л. или против чего-л. <i>Борцы Сопротивления. Б. за мир, за справедливость.</i>)</p>	<p>Описанное значение (<i>боец революции, социалистического фронта, рабочего класса, за высокое качество продукции</i>).</p>	<p>Наделенный, как носитель описанных признаков по основанию направленности с проявлением к (3) – ‘обеспечивающий возможность осуществления действия’.</p>
<p>6. <i>Проф.</i> Рабочий скотобойни, занимающийся убоем скота.</p>	<p>Данное значение в языке советской действительности не актуализировано.</p>	<p>—</p>

Значения, проявляющие себя в языке советской действительности как ему свойственные и для него специфичные, смещенные по сравнению с литературными, а потому становящиеся объектом для представления в описываемой модели, находятся, соответственно, в 1-й, 2-й и

5-й строках таблицы. Значения 3-й и 4-й совпадают с литературными и потому не описываются в представляемой модели. Значение 6-й строки в языке советской действительности не употребительно. Значения 1-й и 2-й строк, относимые к общему основанию принадлежности, различаются далее между собой на последующих уровнях, подобно тому, как значение 5-й строки, описанное подробно, отличается по показателю подзначения от значения строки 4-й, не описываемого в силу его совпадения с литературным.

Представленные соотношения имеют закономерный характер. Лексемные употребления языка советской действительности в своих значениях, в случае их формального совпадения с лексемами литературного языка, могут быть 1) в нем актуальными и для него специфическими, т.е. отличающимися по смыслу от литературных лексем в своих советизированных значениях; 2) в нем актуальными, но для него не специфическими, т.е. от значений литературных лексем существенно не отличающимися (помимо контекстных, а потому не закрепленных и обусловленных, возможных советизируемых вкраплений и коннотаций); 3) в нем не актуальными и для него не типичными, встречающимися в его контекстах как обычные литературные единицы. Объектами описания в представляемой модели, тем самым, являются единицы первого ряда. Единицы второго, объектами не являясь, могут в отдельных случаях привлекаться при описании для сопоставления. Единицы третьего ряда для языка советской действительности интереса не представляют.

Остающиеся в характеризуемом, наряду с *бойцом*, основании направленности *часовой* и *солдат* относятся к употреблениям, для языка советской действительности актуальным и специфическим. *Часовой*, отнесенный к проявлению (4) – по признакам, обеспечивающим необходимое обращение внутрь, поддержку центростремительной силы, способность, надежность, опору для сохранения силы действия, в интересующем нас значении (*часовые*

Родины, границ, рубежей, часовой порядка – о милиционере) может быть представлен как тот, кто являет собой (**наделенный**, тем самым, необходимыми признаками), в силу своей **заряженной силой и волей готовности** (следующей из неослабевающей бдительности стоящего на часах) действовать необходимым образом и в нужный момент – надежную охраняющую, защищающую, **обеспечивающую безопасность** для совершаемого, осуществляемого (революционного преобразования, строительства социализма и коммунизма) **ограду, запору против** возможного вредоносного, деструктивного действия, противодействия каких-либо сил извне (4). Наделенность – заряженная готовность – обеспечение обращения (безопасности) составляют, тем самым, основу значения *часового*.

Солдат, будучи отнесен к проявлению (5) основания направленности – по признакам, предполагающим способность проявления в желательном действии с достижением должного результата – может быть описан в своем соответствующем значении как тот, кто, будучи **наделен** необходимыми признаками, в силу своей **заряженной силой и волей готовности** действовать в необходимом направлении и должным образом – признаки, совпадающие с *часовым, бойцом и гвардейцем*, однако следующие у него, в отличие от них, из его положения *состоять на военной службе* (т.е. в постоянной, предписываемой, готовности к действиям боевого характера, по первому зову и требованию, подчиняясь военному долгу и командирам, не противореча, не подвергая сомнениям, не задавая лишних вопросов, не принадлежа себе). Будучи наделен и заряжен подобным образом, он является тем, кто способен активно и эффективно действовать, на кого можно и следует положиться, именно как на **действителя и ударную силу осуществления**, достижения – революции, планов революционного преобразования общества, строительства социализма, защиты завоеваний на этом пути (как цели и результата). Это *солдат революции, верный солдат партии, солдат социалистического строитель-*

ства, солдат трудового фронта, солдат Отечества, солдат(ы) Сталина, т.е. 'тот, кто посвятил себя какому-л. делу и преданно служит ему' (по определению МАС и БТС), но не просто какому-л., а преданный делу революции, Сталину, его призывам, борец за социализм¹⁶. Иными словами, тому, что имеет отношение к общему делу (opus finitum) представляемой системы, в котором *солдат*, наряду с другими, проявляет себя как участник происходящего, наделенный – заряженной силой и волей готовности – к осуществлению необходимого действия, составляющими основу его значения в языке советской действительности.

возбуждение – направленность – **поддержка (выхода – возвращения)** – результируемость

[Наделенность в признаках] обеспечения несущей силы

Отражение признаков следующего основания рассматриваемого параметра наделенности (поддержка выхода) можно показать на примерах значений слов *большевик, ленинец, марксист (настоящий, твердый, верный, проверенный, крепкий, истинный), коммунист* (как носитель необходимых признаков, а не просто член коммунистической партии). Особенность данного основания предполагает такие характеристики, которые обеспечивают, поддерживают получившую возбуждение первой фазы энергию, заряженную силой и волей второй, претворяя ее в неотвратимое и нерушимое в своем выходе действие третьей, облакаемое в признаки, связанные с идеей сжатия, собирания, сгущения, мобилизации направленной силы. Такие, как твердость, несгибаемость, стойкость, стояние, прочность, надежность, уверенность – опора несущей силы, умение и способность мобилизовать, поднимать, заражать других, вести за собой, в своей твердости, несгибаемости, намерении действовать быть достойным для под-

ражания примером – обеспечивающие подхвата, распространения, поддержки выходящего действия.

С тем чтобы установить характер соотношений между возможными подзначениями основания, выведя их из материала примеров, определим для начала ориентированную к задаче семантику выбранных слов, памятуя о том, что первое подзначение выводится на основании признаков намечающегося исхода (возбуждение), второе – признаков наступающей активизации (заряженная направленная силой и волей готовность), третье – признаков поддерживающе-мобилизующего обеспечения несущей силы, четвертое – признаков обеспечения ее защиты (ограда и сохранение) и пятое – действующей результативности в достижении осуществленного выхода.

Большевик, равно как и другие за ним слова, должен быть при этом разобран не как представитель определенного вида объединения, группы, партии, а как носитель, возможно, по этому основанию и на этой основе (значение наделенности), приписываемых ему характеристик и свойств, обуславливающих интересующее нас отношение к позиции обеспечения выхода в каком-то одном из пяти его проявлений. Насколько эта задача будет в своем разрешении следовать из значения и представления о нем самом, а насколько иметь придаваемо ориентируемый, нацеливаемый характер, попробуем посмотреть на примерах. БТС и МАС в своих толкованиях этого слова непосредственных указаний на подобного рода признаки не дают, определяя его по отношению к принадлежности – член большевистской партии, сторонник большевизма, а большевизм как ‘крайне радикальное течение..., вылившееся в создание партии большевиков, свержение законной власти и установление в России диктатуры этой партии’ (БТС); ‘революционное, последовательно марксистское течение..., получившее воплощение в пролетарской партии нового типа, в партии большевиков’ (МАС). Необходимые для предпринимаемой характеристики признаки можно было бы поискать в том, что прямо или непрямо

(зная, о чем идет речь) обозначено в этих словарях как ‘крайне радикальное’, ‘свержение законной власти’, ‘установление диктатуры’, ‘революционное’, ‘последовательно марксистское’, ‘партия нового типа’, отвлекаясь при этом как от современных, так и советского времени оценок и коннотаций.

Признаки эти связываются с тем, что определялось в таких выражениях, как *настоящий большевик, большевики не сдаются (не плачут, не отступают), для большевика нет непреодолимых преград (трудностей)*. Представление об этом содержится в 3-м значении «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (ТСУ): **большеви́к**, а, м. (полит.) **3**. Стойкий, последовательный, не знающий колебаний революционный марксист-ленинец. *Настоящий б. – Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики, – люди особого покроя. Они забыли, что большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами.* Стлн.

Характеризующими признаками в интересующем нас отношении, на основе этих трех словарей, были бы те, что связываются с идеей не останавливаться ни перед чем при достижении поставленной своей партией цели, не брать в расчет никаких оговорок и исключений, твердо и неуклонно стоять на своем, последовательно и во всем идти до конца, не отклоняться и не сгибаться при овладении и удержании доминации, господства и власти. Неустрашимость, твердость, упорство, стойкость в неуклонном стремлении к цели, натиск, напор – признаки, которые ближе всего соотносятся с представлением о наступательности, составляя, тем самым, проявление (2) при основании обеспечении выхода – заряженная силой и волей готовность последовательно и постоянно действовать в указанном партией направлении.

Следующее слово *ленинец* будет интересовать в таком же, характеризующем, отношении, как позитив, наделенный приписываемыми ему в продуцируемом представлении советской действительности признаками. Опре-

деляется это слово через его отношение к *ленинизму* – как верный последователь, непоколебимо преданный делу, последовательно осуществляющий принципы ленинизма в своей деятельности. *Ленинизм*, в свою очередь, толкуется как учение, представляющее собой дальнейшее развитие и конкретизацию марксизма (практический марксизм) в условиях империализма и строительства коммунизма. Идея развития, преданности, претворения в деятельности и деле, признаки, заключенные в представлении *быть (верным) последователем* чего-то, кого-то, соответствуют проявлению (3) в основании обеспечения выхода – поддержка, сжатие, собирание, мобилизация выходящей направленной силы, должное сопровождение, придание ей необходимого, требуемого характера. *Настоящий, истинный, верный ленинец* в этом случае – этот тот, кто последовательно, в практической деятельности, осуществляет принципы претворения общества, но не действует, не является тем, кто делает и производит, а обеспечивает, поддерживает осуществление действия, правильным отношением, пониманием, являясь опорой силы, а не ударным ее механизмом и рычагом.

Марксиста, с опорой на словари, можно было бы определить как исходное (1) проявление к обеспечению выхода, в силу его отношения к необходимому знанию, системе взглядов, идейной и правильно ориентированной мировоззренческой подготовленности, как исходной и первой необходимости, предпосылки, условия для возможности осуществления и достижения всего остального. *Марксист* в своем отнесении к *марксизму* – учению о наиболее общих законах развития природы и общества, о революции, победе социализма и строительстве коммунизма, в качестве характеризующих признаков позитива определяет, тем самым, знание законов исторической неизбежности смены формаций, владение теорией революционного преобразования общества, что в своей сущности и составляет идею исходного представления (1) по

отношению ко всему остальному для достижения, и в этом смысле последующему.

Коммунист, в разбираемом отношении к характеризующим признакам, дает представление о проявлении основания обеспечения выхода (4) для значения наделенности (обладания) в модели, выступая как обеспечивающее признаков центростремительной силы, защиты и обращения, поддержки надежности и безопасности действующей направленной силы. Проявление (4) связывается также с идеей отклика, должного и охотного реагирования, подхвата и обеспечения необходимых тылов для того, что как поддерживающее и мобилизующее выходило из (3). Идея эта не чужда искомому представлению советского позитива для *коммуниста*, определяемого по словарям как ‘член коммунистической партии’ – *боевого, революционного авангарда рабочего класса, ‘передовой, ведущей части класса, общества*¹⁷. Положение, которое можно определять как включаемое проявление (3) с переходом в (4), – последующее включает в себя значение предыдущего. Партии, обеспечивающей реализацию планов построения социализма и коммунизма, в отношении которой (реализации) *коммунист* в интересующем нас случае проявляет себя не столько как опора действующей силы (этой роли в большей степени соответствует *ленинец*), сколько поддержка ее неуклонного, обеспечивающего надежность продвижения в желательном, мобилизованном на этапе (3), направлении. Позиция (4), таким образом, ближе, по сравнению с (3) к идее действия и осуществления в действии (5), к идее реализации, что хорошо согласуется с соотношением признаков, передаваемых в соответствующих значениях *ленинец* (3) и *коммунист* (4).

Таким образом, развертывающуюся общую и объединяющую, с точки зрения характеризующего положения в языке советской действительности, идею советского позитива, отраженную в рассмотренных четырех словах можно было бы уложить в последовательности четырех позиций *марксиста* (1) – *большевика* (2) – *ленинца* (3) –

коммуниста (4). Их взаимное расположение, предполагающее последовательность и похожую на валентную соотнесенность, давало бы представление о части некоторого фрагмента целого, определяемого как семантико-парадигматическая модель языка советской действительности. Позиция (5) – результируемость, на основе собранного лексического материала, оказалась для основания обеспечения выходящей силы незанятой. Лексическая незаполненность той или иной позиции, вполне допустимая и возможная для системы, с одной стороны, всегда относительна и в известном смысле условна, поскольку может быть заполняема значениями употреблений, оттенками, признаками каких-то, в том числе и рядом стоящих слов (*коммунист*, к примеру, может быть интерпретирован в отношении не только 4-й, но и 3-й, и 5-й позиций). С другой стороны, незаполненность, относительная либо условно-сомнительная заполненность той или иной какой-то либо не только одной из пяти позиций могут служить типологическим, характеризующим данное основание свойством, определяя его специфичность по отношению к другим, также каким-то собственным образом заполненных либо не заполненных по позициям оснований. Подобного рода специфику и выводимую на этой основе для оснований и признаков характерность можно будет увидеть, а затем и сравнить, после более или менее полного представления всей системы, на основе возможности видения целого, его устройства, закономерных связей и отношений, что не могло входить в задачу данного рассмотрения по условиям первого приближения к проблеме.

Выводимые по первым трем основаниям параметра наделенности, соотносимые, развиваемые в общем движении, признаки можно было бы обозначить как 1) самоотверженность, отказ от себя, необходимость такого отказа как условие и исход, во имя представляемого как общее дело, цель (*opus finitum*) для фазы, названной *возбуждение*, фазы начала выхода из состояния покоя; 2) активная наступательность, ударная сила, заряженная си-

лой и волей готовность действовать в нужном для этого направлении, для следующей фазы, обозначенной словом *направленность*; 3) способность к мобилизации и вовлечению в общее дело – для фазы, обозначенной как *обеспечение выхода*.

Наделенность в двух завершающих основаниях

Рассмотренные три основания параметра наделенности получают свое продолжение и развитие в двух следующих. На основе определения каждого из восьми параметров (см. табл. позиционного представления) будет предложена общая развертывающаяся модель того, что должно быть, как необходимо-желательное и позитивное, у человека советской действительности, реализующее себя на основе и при посредстве ее языка. Выведенные и описанные основания параметра наделенности представляют собой отражение позиций фазы начала (выхода из состояния покоя, возбуждение), фазы заряженности (направленность, наступательность) и фазы поддержки выхода, описываясь, соответственно, как 1) самоотверженность, отказ от себя; 2) заряженная силой и волей готовность действовать; 3) мобилизация и вовлечение себя и других (внутренняя и расширяющаяся, множественная) в необходимое, направляемое проявление-действие. Два последующих значения находятся на той же, общей, оси, представляя собой их развитие и продолжение.

возбуждение – направленность – **поддержка** (выхода – **возвращения**) – результируемость

[Наделенность в признаках] защиты и сохранения

То, что условно названо в схеме поддержкой возвращения, находит свое воплощение в представлении о надежности, безопасности, обеспечении сохраняющей

составляющей в отношении силы действия. Это также то, что поддерживает и удерживает силу должного реагирования, обеспечивает способность надежной реализации и установления желательного, придавая прочность, стабильность, поддерживая структурную основу действия, обеспечивая его продвижение и своего рода тылы. Отражение соответствующих признаков можно увидеть в таких лексических единицах исследуемого языка: *богатырь* (*революции, пятилетки, красный богатырь, страна богатырей, богатырь социалистического строительства, богатыри труда, трудового фронта, богатырь просвещения*), *герой, орел, сокол, Катюша*.

Богатырь в его советском употреблении возникает на основе значений, наиболее подходящим для нашей задачи образом представленных в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой: 1. Герой русских былин и сказок. // Защитник родины, воин, отличающийся необычайной силой, мужеством, удачью. (БТС добавляет к этому, опуская защитника родины, признак смекалку, МАС – ума) 2. Рослый, крепкого сложения, сильный человек. (БТС добавляет к этому признак стойкости, МАС – смелость) 3. *перен.* Незаурядный, выдающийся в какой-л. области человек. (в БТС это знач. дается с пометой *чего и с отр. высок.* и вместо выдающийся – о талантливом человеке: *Б. русской сцены. Богатыри народной поэзии*).

Советские словоупотребления этого слова можно найти в «Толковом словаре языка Совдепии» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной: «**БОГАТЫРЬ**, я, м. 1. Человек, отличающийся необычайной силой. ==**Богатырь революции**. Патет. *О солдате – участнике революционных событий 1917 года. ...* ****Красный богатырь**. 1. Патет. *О советском воине, герое, защитнике Родины. ...* 2. *перен. О незаурядном, выдающимся в какой-л. области человеке.* ==**Богатырь труда**. Патет. *О передовиках производства, стахановцах. ...* ==**Богатырь пятилетки**. Патет. *О рабочем-ударнике, победителе социалистического соревнова-*

ния в годы пятилеток. ****Страна богатырей.** Патет. Советская Россия. ...».

Существенными для нашей задачи признаками, выводимыми на основе словарных определений значений *богатыря*, будут 1) его былинность (сказочность), т.е. народность, русскость, эпичность, фольклорность, мифологичность, связь с национально-духовной, глубокой по времени, этногенетической составляющей и, как следствие из 2-го, ее защитной и оградительной силой, обеспечивающей неуничтожение, выживание, экзистенциальную, жизненную преемственность, сохранность и длительность в своем самотождестве, 2) его героичность в смысле необыкновенности физической и воинской силы, неустрашимости перед множественностью и неведомостью (чародейством, потусторонностью, богатырством) врага, в смысле воинской доблести, проявляющейся в готовности выйти ему в любой его численной массе навстречу, для того чтобы предотвратить нависающую над своим родом (народом) опасность, ради того, чтобы его защищать, в смысле способности одному одолеть любую силу в любом ее численном и генетическом (характерологическом) виде; 3) его, следующая из 2-го, но способная к обособлению, а поэтому заслуживающая внимания исключительность, незаурядность, отдельность, своего рода выставленность, превосходящесть, когда сильнее, выше, крупнее, лучше, умнее, быстрее, бодрее, способнее, расторопнее и т.п. всех других – впереди, на виду, в авангарде, в дозоре, на взгорье, на холме, на бугре, на самом трудном участке, на передовой, на посту, оставляя всех позади себя, но не ради того, чтобы ощущать свое превосходство и возвышаться над ними, а для того, чтобы им себя посвящать, защищая, оберегая, давая им ощущение безопасности, надежности положения, крепости, неистребимости.

Определяющими в этом ряду, ведущими и центральными, на что указывают отнесения из того, что в 1 и 3, будут признаки группы 2. *Богатырь* – это тот, на кого

можно и нужно рассчитывать в имеющем жизненно важное для общенародного дела значение (в деле революционных преобразований и социалистического строительства в разбираемом случае), кто способен вытянуть его непомерность и неподъемную массу на своих мощных плечах, на кого можно и следует положиться в достижении и обеспечиваемой защитой надежности всего этого. Такая позиция предполагает для основания обеспечения центростремительной силы (поддержки ее обращения, возвращения, как несущей структуры направленной силы выхода) – способность, надежность, опору ее сохранения, реализуемое неослабевание, неисчезновение, длительность. Что позволяет относить эти признаки к проявлению (4) для следующего уровня определения *богатыря* как ‘наделенного способностью сохранения для поддержки, обеспечения несущего основания направленной силы выхода’. *Богатырь* в его признаках, таким образом, может быть отнесен к сохранению (4) основания поддержки (обеспечения) возвращения параметра наделенности. Сама изначально представленная по пяти основаниям схема может быть несколько уточнена (хотя всякое ее уточнение словами имеет характер условный и несовершенный), приняв примерно следующий вид:

I уровень:

наделенность

II уровень:

активизация – заряженность – поддержка – сохранность – результатив

III уровень:

активизация *активизации* – ее заряженность – поддержка – сохранность – результатив

активизация *заряженности* – ее заряженность – поддержка – сохранность – результатив

активизация *поддержки* – ее заряженность – поддержка – сохранность – результатив

активизация *сохранности* – ее заряженность – поддержка – **сохранность** – результатив
активизация *результатива* – его заряженность – поддержка – **сохранность** – результатив

Богатыря в его охарактеризованных к языку советской действительности признаках следовало бы отнести, таким образом, к позиции ‘сохранность сохранности’ (4-я позиция 4-й строки III-го уровня, отмечена полужирным шрифтом).

Герой в контексте советских употреблений воспринимается как тот, кто обладает признаками, делающими его, с одной стороны, исключительным, а с другой, очень важным и необходимым, как образец и пример, мобилизующий массы, как тот, кто способен и может, а значит, способны и могут другие, к таким же свершениям и самопожертвованиям во имя совместных общественных целей и высоких идей. Множественность пропагандисткой нагрузки *героя*, а с ним героизма и подвига сводится, как представляется, к свойству быть обладателем, наделенным качествами, делающими его тем, на кого полагаются и рассчитывают, кто обеспечивает надежность, неотвратимость, гарантируя собой, даже в случае угрозы неосуществления и провала, реализацию планов. Отличает героя его готовность к самопожертвованию, заряженная силой и волей способность в необходимый момент действовать, не думая о себе, о своей безопасности, собственном благополучии, выгоде, интересе, кто готов всем своим пожертвовать ради других, во имя высоких и благородных целей. Тем самым, *героя* можно было бы отнести ко 2-й позиции 4-й строки, т.е. признаку заряженности сохранности.

Орел применительно к человеку используется для определения выделяющих его на фоне всех остальных, подчеркивающих его типично мужские достоинства качества, свойственные ему изначально, исходно, по природе его самого. Он обладает ими, поскольку они ему свой-

ственны по самому его существу, по физической, натуральной природе, по природе характера, в силу его такой одаренности. Свойства эти делают его самостоятельным, независимым в действиях и решениях, способным проявлять себя смелым и неожиданным образом, а своей силой, отвагой и твердостью обеспечивать, гарантировать им успех. Показывая таким своим отношением и достижением успешного результата достойный пример, он невольно, в силу самого своего характера и отношения увлекает других за собой, ведет их к достижению цели, поддерживая их, самым своим существом (а не в силу намеренного своего желания или воли), в их способности действовать так же решительно и успешно, имея его перед глазами, вместе и рядом с ним. Указанные признаки складываются в представление о 2-й позиции 4-й строки – заряженности сохранны для параметра наделенности.

Получившийся результат небезынтересно было бы соотнести с соответствующими значениями *орла* как общелитературного слова, с тем чтобы отделить в нем общеязыковое от того, что свойственно языку советской действительности. Такое сопоставление и отделение, не во всех возможных лексических случаях в достаточной мере бесспорное и очевидное, имело бы как методологический, так и конкретный смысл в отношении данного слова, поскольку выведенные для позиции и строки параметра наделенности признаки вполне могут быть восприняты как признаки не специфичные, литературного языка, а не языка советской действительности. С известной долей вероятности можно было бы говорить в этом случае о совпадении тех и других, точнее об использовании языком советской действительности, в своих целях и для своих задач, того, что имеется у данного слова в языке общенародном и литературном.

Обратимся для более ясного представления сказанного к словарным определениям, в первую очередь к интересующему нас значению, характеризующему соответствующим образом человека. Слово *орел* толкуется по

словарям в трех отношениях – как птица, с признаками ‘крупная’, ‘сильная’, ‘хищная’, ‘с изогнутым клювом’, ‘живущая преимущественно в гористых или степных местностях’ (*горный, степной орел*), как человек и как герб (оборотная сторона монеты с гербом). Остановимся подробнее на характеристиках человека, представляемых в выбранных для анализа словарях неодинаково.

БТС, помещая их в знач. 2, дает следующее определение: **2. Разг.** О гордом, храбром, сильном, мужественном человеке. *Какие орлы выросли! Дед у меня – о! Смотреть орлом* (гордо, грозно). | *Ирон. Что, орлы, носы повесили?* В словаре Т.Ф. Ефремовой первый признак ‘гордый’, важный, с точки зрения БТС, выносимый в определении на первое место и подтверждаемый семантикой выражения *смотреть орлом*, опускается: **2. перен.** Храбрый, сильный, мужественный человек.

В свою очередь, МАС обращает внимание на совершенно иные признаки, подразделяя их с помощью «или» на признаки внешнего восприятия и поведенческие и оставляя их ряд открытым («и т.п.»): **2.** О человеке, отличающемся мужественной красотой или удалью, отвагой, смелостью и т.п. Признаки внешнего восприятия иллюстрируются примером из литературы второй половины XIX века: [*Гуртовщик*] *из себя молодчина, орел*. Л. Толстой, Идиллия. Поведенческие и т.п. – примерами, для нас в своем содержании показательными, из литературы советской: – *Я не видел его еще в бою, – сказал я Виктору, – Может быть, в бою он орел?* Первенцев, Честь смолоду. – *Славный у тебя комбат – Горбунов ---. Умный офицер...* – *Орел, – подтвердил с неожиданной горячностью майор. Берзко, Ночь полководца.*

ТСУ представляет интересующие нас признаки в совершенно ином ключе, относя их не к самостоятельному значению, а к двум оттенкам 1-го знач. (‘птица’), сопровождая первый оттенок уточнениями употребления: || В сравнениях употр., как образец величия, мощи, высокой одаренности (ритор.). ...*Ленин ... не просто один из руко-*

водителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения. Стлн. Смотреть орлом (горделиво, грозно). || перен. Блестящий, талантливый, выдающийся человек (ритор.). Сей остальной из стаи славной екатерининских орлов. Пшкн. (о фельдмаршале Кутузове). А ведь, в сущности, если разобрать, далеко не орел, этот Павлицев. Станюкович. Интересно, что столь важный для последующих словарей признак, как храбрость, отвага орла, в ТСУ не получает самостоятельного дефинитивного оформления, проявляясь в примере, предполагающем метафорический и переносный смысл, хотя и даваемом к знач. 1, т.е. прямому ('птица'): И налетит с отважностью орла на ястребов, терзающих отчизну. Жквскй.

Оставим без внимания отличия, заключаемые в орле, по приведенным словарям и, видимо, в них не случайные, поскольку связанные со временем с точки зрения своих акцентов. Три временных периода, представленные, соответственно, в ТСУ (первая треть XX-го и XIX-е столетия), МАС (вторая половина XX-го и XIX-е), словаре Т.Ф. Ефремовой и БТС (на рубеже XX и XXI веков), дают возможность уловить движение смысла от величия, блестящести, исключительности и мужественной красоты, через удаль, отвагу, смелость к гордости, храбрости, мужественности и силе. Обратим внимание на те из этих признаков, которые получают отражение, используются в советизированном языке. «Толковый словарь языка Совдепии» (ТСЯС) определяет лексему *орел* как перен. 'о мужественном смелом человеке' и в качестве примеров предлагает сочетания *красные орлы, красные горные орлы* (ср. *горный орел* из ТСУ). МАС в качестве примеров, представляющих для разбираемого вопроса интерес, помещает материал, иллюстрирующий проверяемые в бою и необходимые, важные для офицера, командира Красной, Советской, армии достоинства и качества *орла*. Каковыми можно считать, в контексте сказанного и с опорой на пря-

мое, 1-е значение, способность перед лицом опасности не теряться, не прятаться, не отступать за спины, умение, готовность, не ожидая действия и участия других, начать действовать самостоятельно, решительно и в нужном направлении, своей отвагой, смелостью увлечь, повести за собой других (достоинства командира, офицера), обеспечивая этим победу и несомнительный, неизбежно следующий успех. В языке советской действительности, таким образом, находят воплощение признаки, связываемые не с отвагой и смелостью, мужественностью как таковыми, а с этими качествами как тем, что дает их носителю, обладателю (параметр наделенности) возможность, готовность (заряженность силой и волей – 2-я позиция) действовать в случае военной, боевой (либо связываемой с борьбой, перед лицом противника) необходимости, обеспечивая своей решительностью и силой (4-я строка – обеспечение возвращения, сохранность) достижение успеха (результат). Отвага и смелость, мужественность претворяются в готовность, обращаются в заряженность силой и волей, нацеленные внутренне на действия, необходимые системе, в условиях боя либо приближенных к боевым. Отсюда *красные орлы* – это воины и командиры, отважные красноармейцы, а *горный орел* – не боящийся препятствий и врагов, отважный вождь, главнокомандующий своей армии (единственный для нее такой и на ее вершине), т.е. коммунистической партии как авангарда пролетариата, решительный, сильный, волевой, готовый повести его отряды в бой и одержать над любым противником победу.

В свою очередь, *сокол*, по внешним и внутренним характеристикам близко связанный с *орлом*, в отношении языка советской действительности предстает в каком-то собственном, уточненном, повороте. С одной стороны, к своему общенародному и литературному значению. С другой, в связи с позицией в описываемой системе и, что за этим следует, в своей такой позиции к представленной позиции *орла*.

Начнем со словарных определений. Характеристика 1-го знач., птицы, помимо внешних признаков (сильный клюв, длинные острые крылья), содержит указание на способность парить во время полета (долго и высоко лететь парящим полетом в ТСУ). 2-е знач. (в МАС 3-е, 2-м дается нареч. *соколом*, т.е. быстро, а также гордо, смело, в ТСУ это знач. 4-е, употр. в сравнениях в знач. очень быстро, с пометой поэт.) выделяет признаки мужской, молодой, юной удали, отваги, красоты (МАС, БТС, с пометой нар.-поэт.), ласкательности при обращении (*сокол ты мой ясный*), ТСУ – красоты, словарь Т.Ф. Ефремовой – красоты, смелости, удали. БТС в качестве 3-го знач. дает советизм: **3. обычно мн.:** соколы, -ов. *Высок.* О советских лётчиках (употреблялось преимущественно в период Великой Отечественной войны 1941-1945). *Наши красные соколы.* Это же знач. в ТСУ, в МАС отсутствующее, выглядит следующим образом: **3.** (сокол). Употр. для обозначения лётчиков как людей, соединивших высокое летное искусство с беззаветной храбростью (нов. ритор.). *Гордые соколы нашей страны.* Словарь Т.Ф. Ефремовой дает это как оттенок знач. 1-го без каких-либо пояснений: **1.** Хищная птица... парящая при полете. // *перен.* Лётчик. ТСЯС определяет *сокола*, в отношении к его значениям-советизмам, многообразнее: «**СОКОЛ**, а, м. Поэт. Высок. *О храбром воине, защитнике родины.* ... ==**Гордые (верные) соколы.** Поэт. Патет. *Гордые соколы страны.* ... ****Красные соколы.** Поэт. Патет. *О воинах Красной Армии.* ...». К этому следовало бы добавить известное в свое время словосочетание *сталинские соколы* в значении, близком представленным, т.е. верные, отважные, всегда готовые к действиям по первому требованию вождя, защитники его дела, солдаты его призыва.

Сочетание выводимых на основе приведенных определений признаков воспроизводит образ молодого мужского начала, воплощаемого в советском воине-защитнике, отличительными особенностями которого оказываются острая, динамичная, хищная красота, проявля-

ющаяся в стремительности, высоком полете действий, отваге, смелости перед лицом, возможно большего в своих размерах, врага (сокол охоты, как наделяемый к тому же чертами национального, царского, высшего уровня представления). Все эти качества, в их нацеленности, позволяют увидеть в соколе ударную силу действия, связанную с обеспечением, поддержкой выходящей силы, – позиция, проявление (3) в основании сохранности.

Небезынтересным в связи со сказанным могло бы показаться обоснование известной строчки армейской песни XIX столетия (по крайней мере, поскольку распространенной во время Крымской войны), охотно использовавшейся как строевая также в Советской Армии *Взвейтесь, соколы, орлами*. Обоснование, связываемое с представлением внутреннего, не объявляемого прямо смысла, внушаемого с целью поднятия боевого духа, придания отваги, воспитания чувства гордости, молодечества, ощущения силы. Силы, отваги и гордости собственных, отдельно в каждом, не коллектива, отряда, группы, т.е. объединения, массы, числа. *Взвейтесь, соколы, орлами* предполагает трактовкой два предикатные положения: то, что вы, те, к кому обращаются, *соколы* (существование, бытийность), и призыв, побуждение к наделенному орлиными признаками соколиному проявлению, действию. Иными словами: вы, соколы, взвейтесь, будьте, в своем этом ожидаемом от вас к совершению действию, орлами, как орлы, будьте в этом, а там и не только в этом, впоследствии, как желаемом будущем, орлы. *Сокол*, тем самым, воспринимается в отношении молодого солдата и солдата, которого следует подготовить к бою (строевая песня), как состояние здесь и сейчас (модальность реальности, презентс). *Орел* – как состояние, к которому *сокол* должен стремиться, которое необходимо достичь, т.е. модальности ирреальности и в ней оптиматива (а также скрытого императива). Опуская связанное с народно-фольклорной традицией представление о *соколе* как о юном и молодом, а *орле* – как зрелом и полном в своей мужской красоте и

силе начале, – можно было бы интерпретировать заложенную в песне идею движения, перехода, от состояния *сокола* к состоянию *орла*, в условиях разбираемой парадигмы, в ином ключе. Как внушаемое, задаваемое стремление позиции (3) к значениям, признакам позиции (1), с целью придания ей этих признаков. В ожидаемом, направляемом к своему проявлению в действии, стремлении *сокола* быть, в своем исходе, начале, точке отсчета, выхода из состояния покоя, в своем становлении, *орлом*. В своем действии *сокола* быть *орлом*, действовать как *сокол* и быть при этом *орлом*. К этому же: *соколом* – быть и являться, а *орлом* – надо и следует становиться, быть.

Орел в этом смысле может восприниматься как большее и охватывающее состояние достигаемой полноты, включающее в себя, в своем потенциальном, свернутом, виде то, что свойственно или будет свойственно фазам, следующим после первой, исходной. В этой связи разбираемая строчка армейской песни может быть также объяснена как сжатая, сконцентрированная в своем стремлении к разворачивающемуся в действии к высшему, полному проявлению (молодое → зрелое) идея развития-перехода и одновременно как сжатая, свернутая идея внутреннего обращения и заряжения точки 3 → точкой 1, а тем самым и от нее, снова к 3, проходя, заряжаясь 2, в динамике, задаваемой моделью.

Орел, как содержащее то, к чему надо стремиться мужскому, защитному (воина), родовому началу, обеспечивающему надежность и безопасность своего рода-социума, как состояние желаемых, предназначаемых к освоению признаков, характеризуется, в отличие от *сокола*, большей модально-временной перспективой. Стоит обратить внимание в этой связи на наличие в народной традиции для *орла* представления об *орленке с орлицей*, отражаемых в интересующей нас парадигме *орленком* и замещаемой *Катюшей* (о чем будет речь), и на отсутствие подобного рода соотношений для *сокола*.

Указанные особенности и признаки требуют объяснения. Основным объектом применительно к позитиву лица является партиципанта, участник системного проявления, по отношению к которому значения других, непосредственно не партиципированных, могут себя каким-то образом проявлять. Это могут быть как модально-темпоральные, так и сопровождающие значения, связанные, явно или неявно, с ведущим значением партиципанта. Рассмотрение этих дополнительных к основному значений, не обязательно связываемых с семантикой разбираемого позитива лица, нередко достаточно многообразных и сложных, не входило в задачу. Вероятное проявление их можно было бы рассмотреть на конкретном возникшем примере, применительно к лексическим единицам языка советской действительности *орленок*, *Катюша*, имеющих не равное и не соотносимое отношение к семантике рассмотренного *орла*.

Орленка, в контексте его отношения к *орлу* (хотя такое соотношение для него не единственное), стоит определять как то, что будет, способно быть, готовит себя проявить в недалеком будущем в необходимом для основного участника отношении. Тот, на кого можно и нужно рассчитывать, полагаться, отчасти уже и сейчас, но в основном в перспективе будущего. В своей семантике, таким образом, это то же, что и *орел*, но в модальности оптимизма и в ожидаемом времени.

Одновременно с этим, с позиции практики советского словоупотребления (ср. строчку известной песни: *Меня называли орленком в отряде, орлом называли враги*), *орленка* в его семантике можно и следует воспринимать как *орла*, действующего наравне с ним и рядом с ним, нередко также самостоятельно. Не уступающего ему в способности перед лицом опасности не теряться, не прятаться, не укрываться за спины, своей отвагой, смелостью увлекать других (достоинства будущего командира и офицера), обеспечивая этим победу и неизбежный успех военному предприятию. В этом случае *орленка* можно рас-

смагивать как замещение, с показателем меньшего, чем у *орла*, проявления физической силы, но не меньшей волевой заряженности. Тем самым, позиции значений того и другого в модели являются общими, отличие определяется составом и акцентным распределением компонентов.

Подтверждают сказанное определения «Толкового словаря языка Совдепии»: «**ОРЛЕНОК**, нка, м. 1. Поэт. публ. *Пионер-, комсомолец-герой революции, гражданской войны.* ... 2. *Название Всесоюзного пионерско-комсомольского лагеря.* ... 3. *Название астероида (в честь пионерско-комсомольского лагеря «Орленок»).* ... 4. *чаще мн. Пионеры, отдыхающие в лагере «Орленок».* ... 5. *Название всесоюзной пионерской военной игры.* ... 6. *Марка детского велосипеда.* ...».

Катюшу следовало бы относить к значениям плана сопровождения партиципанта. Значения этого рода можно определить как то, что способно давать мотивацию – заряд – поддержку – защиту – возможность достижения необходимого (желаемого) результата тому, кто непосредственно проявляет себя в значениях, признаках и позициях описываемой модели. Этим сопровождающим, мотивирующим, заряжающим, поддерживающим и т.п., партиципанта в его проявлении и необходимом участии не обязательно может быть и должно быть лицо, но всегда будет то, что имеет значение и себя выражает для языка советской действительности. *Коммунистическая мораль, идейность, партийность, боевой дух, бескорыстие, чувства коллективизма, чувство глубокой благодарности, революционная устремленность, советский патриотизм, гражданственность, героизм, верность заветам, активная позиция* и др. составные и одиночные единицы могут быть определены в указанном отношении, с выявлением семантических признаков, занимаемых позиций и характерных для них подзначений.

Катюша, как символ и образ советской девушки, верной подруги, ждущей своего бойца, воплощение тепла отчего дома и родины, воспоминание о мирном времени,

то, что дает надежду, обещает радость возвращения и счастье человеческого и женского, девичьего участия, является источником необходимых для ведения военных действий сил, напоминанием об оставленном, но не забытом и не забываемом. То, от чего пришлось уйти, что пришлось покинуть, с чем пришлось расстаться, но к чему влечет и постоянно тянет, ради чего, чтобы к нему вернуться, следует вести борьбу не на жизнь, а на смерть. Ее значение можно было бы определить как то, что дает поддержку (3-я позиция, с включением 1-й и 2-й – мотивации и заряда, как составляющих) воину, защитнику, в его проявлениях к ожидаемому от него направленному действию на требуемый в достижении необходимый результат, – семантика, в ее реализации, основания сохранности, 4-го для II уровня (см. табл. в начале раздела). Воплощая семантику поддержки для сопровождения основания сохранности (4-я позиция), без дальнейшего определения внутри него, *Катюша* могла бы быть отнесена к любому из его возможных подзначений, равно как и ко всем одновременно (семантическая неопределенность, непривязанность, размытость, что теоретически допустимо). То есть – в сопровождении к рассмотренным и определенным ранее *орлу – герою – соколу – богатырю*, к любому (каждому) из них или ко всем четверем, без различия. Вопрос заключается в этом случае в том, к кому из них, если данное имеет место, и в каком конкретно смысле, в определяемой подсемантике следует относить *Катюшу*. Согласно словам известной песни, а потому не случайным, проявляющим ведущий заложенный смысл, это отношение направляется к *орлу*: *Выходила на берег Катюша ... Выходила, песню заводила Про степного сизого орла, Про того, которого любила, Про того, чьи письма берегла.* (М. Исаковский) *Берег – берегла – любила* (идея защиты, ограждения, безопасности, как внутренняя, скрытая и поддерживающая), но *выходила на берег* (возвышение, высота, стояние, с высоты), *песню заводила* (обращение-поддержка, напоминание, воспоминание, опора, надежность, проч-

ность, зов). *Орел степной и сизый* – отдельность, сила, мужская внутренняя красота 1-го подзначения основания сохранности (4) в описываемом параметре наделенности.

Значение этого 4-го основания в контексте признаков позитива для человека можно было бы сформулировать, вслед за 1) самоотверженностью, отказом от себя во имя общего дела; 2) заряженной силой и волей готовности к действию ради этого; 3) мобилизации и вовлечении себя и других в необходимое проявление-действие, как 4) надежность преданной, верной силы, опора действия, то, на что можно и нужно рассчитывать в ожидаемом, планируемом достижении результата (5).

возбуждение – направленность – поддержка (выхода – возвращения) – **результатируемость**

[Наделенность в признаках] результативности выхода

Последнее, 5-е основание рассматриваемого параметра наделенности, связанное с переходом, воплощением в действие, проявлением вовне, предполагаемым достижением желаемого, т.е. результативностью, можно проиллюстрировать на примере семантики слов *преобразователь (природы), рыцарь революции, рыцарь Арктики, хозяин (подлинный хозяин, чувство хозяина, молодые хозяева страны)*. Интересующее нас значение концентрируется вокруг идеи способности должного проявления, умения действовать, изменяя, переставляя и исправляя, по образу и подобию задуманного, запланированного, вторгающегося, насильственного участия в то, что находится вне подобного изменения, что имеет свою, представляемую неизменяемой, не поддающейся искусственному воздействию и подчинению человеку, природу. Но – *для большевиков нет ничего невозможного!* – и поэтому этот начавший себя проявлять с первой фазы, в самоотверженности и отказе от своего «я», большевизм деяния, через вторую, третью и четвертую фазу, в пятой должен получить необ-

ходимое для себя разрешение. В виде способности достигать и осуществлять насильственное, вторгающееся, меняющее ход развития, бег истории, подчиненное революционной необходимости, воплощение для идеи, выведенной на основе единственно правильного представления об обществе, законах его развития и человеке как средстве, орудии, материале, а вместе с тем и субъекте задуманного свершения.

Как и при рассмотрении семантики единиц предыдущих четырех оснований, внимание будет обращено на соотношения по пяти точкам последовательного развития от активизации через заряженность, поддержку, сохранность к достижению результата.

В значении *преобразователя* подчеркивается достигнутый, полученный в итоге произведенной деятельности, результат: *преобразователь* 1. Реформатор, человек, преобразующий что-н.; *преобразовать* 1. В корне изменить, переделать на другой лад. (ТСУ) 2. Перестраивая, изменяя, превратить во что-л., сделать чем-л. другим. (МАС; БТС) Устойчивый оборот *великий преобразователь природы* (о Мичурине), как тот, кто своими действиями, направленной творческой активностью, меняет, подчиняет природу потребностям человека, во имя блага создаваемого общества, акцентирует значение революционизирующего, коренным образом меняющего представления о роли, назначении, способностях, возможностях преобразуемого советской властью, направляемого коммунистической партией, человека. *Преобразователь* – тот, кто, будучи подвергнут преобразующему, перевоспитывающему воздействию нового мировоззрения, способен действовать в необходимом направлении, преобразуя общество, природу, человеческое естество, – все то, что ранее воспринималось развивающимся по своим законам, не предполагающим возможности активного воздействия, подчиняющего себе вторжения, сознательного регулирования и изменения в желаемом направлении. *Преобразователь*, таким образом, является продуктом социалистического

стройка и одновременно его движущей (претворяющей, преобразующей) силой, выступая продолжением, проявлением в человеке, человеческом материале основной идеи, заключающейся в революционном изменении всех и всего вокруг. Значение движущей, несущей силы может быть интерпретировано в отношении позиции (3) – поддержка выхода для основания результата.

Хозяина следовало бы, соответственно, определить как того, кто полностью владеет, кому все принадлежит, кто поэтому распоряжается, имеет власть распоряжаться, действует без стеснений, отвечая только перед самим собой, точнее перед обществом, неотъемлемой, органичной частью которого он является, в силу своей сознательности, воспитания, служения, целей, равных и тождественных у него общественным. *Хозяин*, тем самым, так же, как и *преобразователь*, продукт, результат воспитывающего влияния социалистического строя, его естественное продолжение, которому свойственно, для которого характерно такое же, как и у строя, породившего его, активно волевое отношение к действительности, к тому что вокруг и вне. Это тот, кто является *подлинным хозяином своей страны* (о советском человеке, советских людях), кто, по словам известной песни, *проходит как хозяин по бескрайней родине своей, это молодые хозяева земли (страны)* – о советской молодежи, воспитанной и выросшей при социализме. Как волевое действие, заряженная силой и волей готовность самостоятельно, активно действовать, это значение позиции (2) для основания результата.

Рыцаря в рассматриваемом отношении отличает безупречная преданность служения идеалам: 2. *перен*. Самоотверженный, великодушный и благородный человек, лучший, честный служитель чего-н. на каком-н. поприще. *Держинский – р. революции*. (ТСУ) В этих своих качествах он определяется как обладающий необходимыми чертами в силу своей природы, внутренней организованности, врожденной порядочности, призвания. Качества эти позволяют ему проявлять себя в активном действии,

достигая необходимых, в силу безупречности характера, результатов. *Рыцарь Арктики* (о полярном исследователе И.Д. Папанине), *рыцари без страха и упрека* (Ленин и Дзержинский), *рыцари искусства, просвещения, рыцари социалистического строительства, рыцари коммунизма*, определяя преданность делу, искренность и бескорыстие, чистоту устремлений, обращают эти качества обладающего ими человека на его служение, воспринимаемое им как предназначение и миссия, священный долг, обязанность, полное отдание себя (присягой, клятвой, словом) верховному и высшему, стоящему над собой – идеям, идеалам, как сеньору и сюзеру. Служение, которое поэтому не может не быть результативно, которое поэтому дает такие же плоды, высокой, лучшей пробы, отмеченное качествами своего производителя. Из этого определения следует значение позиции (1) – начальной точки, предрасположения, исхода, для основания результата (5) рассмотренного параметра наделенности. Значение 5-го основания в отношении признаков для позитива, вслед за описанными ранее четырьмя, можно было бы определить как 5) обеспечиваемая необходимыми качествами обладателя результативность, эффективность проявления-действия, направленного на достижение поставленной цели (революционное преобразование общества, социалистическое строительство, формирование нового человека и т.п.).

Полученный в итоге вид параметра, определенно-го как наделенность, в целях наглядности, по основным значениям партиципанта, можно было бы представить следующим образом (включая материал первых трех оснований):

I уровень:
наделенность

II уровень:	активизация	заряжен- жен- ность	под- держка	сохран- ность	результата- тив
III уровень:					
активизация	<i>энтузиаст</i>	<i>гвардеец</i>	<i>марк- сист</i>	<i>орел</i>	<i>рыцарь</i>
заряжен- жен- ность	<i>обществен- ник</i>		<i>больше- вик</i>	<i>герой</i>	<i>хозяин</i>
под- держка	<i>коллекти- вист</i>	<i>боец</i>	<i>ленинец</i>	<i>сокол</i>	<i>преобразо- ватель</i>
сохран- ность	<i>патриот</i>	<i>часовой</i>	<i>комму- нист</i>	<i>бога- тырь</i>	
результатив	<i>интернаци- оналист</i>	<i>солдат</i>			
	посвящение	готов- ность	моби- лизация	надеж- ность	достиже- ние

***Отмеченность как придаваемое (аддитив) обла-
дателя***

Следующим параметром описания позитива при обозначении лиц в языке советской действительности, в соответствии с характеризуемой системой, выступает **отмеченность**. Как и параметр наделенности, отмеченность предполагает признак, который определяет лицо как отдельного, обособленного носителя (обладателя), выделяющий, отделяющий его от других при соотношении с ними и на их фоне. Признак при этом представляется не как имманентно свойственный, т.е. следующий из внутренних качеств их обладателя, что характерно для наделенности, а как приписываемый, придаваемый, аддитивный.

Различия в характере проявления этого признака по отношению к определяемому им лицу, как и в случае наделенностью, можно представить в пяти разновидностях, смысл которых, в силу их внешнего, аддитивного, а не внутреннего, имманентного, положения, будут несколько отличаться от охарактеризованных ранее. Если для наделенности пять обозначенных проявлений укладывались в идею развития и перехода по фазам последовательно разворачивающегося отношения носителя признака к потенциальному действию, откуда и возникали точки 1) исхода, представляемого в возбуждении, активизации, выхода из состояния покоя; 2) приготовления, зарядки, концентрации силы и воли для необходимой готовности; 3) мобилизации, вовлечения себя и других для дальнейшего действия; 4) обеспечения надежности и верной силы, защиты, сохранности, безопасности и, наконец, 5) достигаемого результата ожидаемой проявленности, – то для отмеченности внутренняя смысловая динамика переходов будет иной. Это будет не развитие, связанное с отношением к потенциальному проявлению в предполагаемом действии, а перемещение, обозначающее формы сменяемых состояний, свойственных, характерных лицу, последовательно отмечающие обусловленность 1) собственными, индивидуальными качествами (точка, исход, обладание в себе, для себя); 2) качествами, следующими из включения, вбирания в себя из того, что вокруг, – направленность проявления признака на субъекта, от него самого, из его окружения, из среды (в себя извне, обладание вследствие такого вбирания); 3) качествами приобщения, втянутости субъекта во что-то большее, включающее его в себя (втягивание окружающим внешним точки его в себя); 4) качествами положения, позиции, обстоятельств (обладание вследствие ситуации, нахождения, положения) и 5) качествами, следующими для него из того, чего он достиг, чем овладел для себя, что освоил (обладание вследствие достижения).

Первую разновидность, тем самым, составит свойство, связанное с представлением об отмеченности в силу каких-то особых, приписываемых лицу, его отмечающих, отличительных качеств. Позиция, которую в описываемой системе (II уровень) можно было бы обозначить как **отличительность**, с точки зрения обладателя, и свойственность, проприатив (лат. *proprius* ‘своеобразный, особенный, неотъемлемый, характерный’ и ‘собственный, лично принадлежащий’; ‘подлинный’), – в отношении последовательно мотивирующих направленность признака состояний. Вторую составила бы отмеченность в силу повлиявшего окружения – места жительства, нахождения, привычной деятельности, работы, появления на свет, т.е. в силу каким-то образом себя отмечающей, отличительной по сравнению с другими, среды. Позиция, обозначаемая, соответственно, как **окружение** и наведение, индуктив (лат. *induco, inductum* ‘вводить; внедрять, вносить’). Третью – отмеченность в силу особенных, отличительных обстоятельств, пережитого опыта, вовлеченности в какие-то проявления, действия, не всегда зависящие от человека условия, повлиявшие каким-то образом на него, отложившие свой отпечаток на нем, сделавшие его таким, отличающимся от остальных. Позиция **опыта-приобщения** (пережитого, пройденного, освоенного) и приведения, втянутости, – обдуктив (лат. *obduco, obductum* ‘приводить, подводить; добавлять; проводить; втягивать, вбирать’). Четвертую – отмеченность в силу какого-то положения, особенностей социальных условий, бытовой ситуации и т.п. Позиция **положения**, ситуатив. И пятую – отмеченность в силу каких-то своих достижений, проявленности, полученных результатов. Позиция **достижения** и сукцессив (лат. *succedo, successum* ‘входить под что-л. или внутрь чего-л.; достигать’).

Значения признаков первой позиции можно будет увидеть и вывести на примере таких единиц, как *вождь, вождь и учитель, гигант (науки, мысли, труда), светило, светоч, факел, маяк, Пассионария, титан, зеркало рус-*

ской революции, великий зодчий, великий кормчий, настоящий (из него) коммунист, великий корифей науки, отец народов, правофланговый, провидец (наших побед, великий), самый человечный человек и пр. Значения второй – автоградец, автозаводец, воин-малоземец, молодоговардеец, камазята, корчагинцы, люди труда, молодой (которому везде у нас дорога), первоохранец, ровесник Октября, советский человек, сын страны Советов, сын рабочего класса, ульяновец (житель Ульяновска). Значения третьей – блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афганец, мать-героиня, панфиловцы. Значения четвертой – первоочередник, безотрывник, лимитчик, вечерник, заочник, втузовец, вузовец, выдвигенец, женорг, горкомовец, завкомовец, исполкомовец, комитетчик, обкомовец, остроножущийся, ответработник, парткомовец, партработник, рабфаковец, райкомщик, сезонник, совместитель, молодой специалист. И значения пятой – ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, значкист (ГТО), кандидат наук, краснознаменец (человек, награжденный орденом Красного Знамени), лауреат, орденосец, персональный пенсионер, передовой, лучший по профессии, ленинский стипендиат, заслуженный учитель, отличник, хлебороб-стоцентнеровик, чемпион жатвы, доярка-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница.

Поскольку параметр отмеченности, в отличие от наделенности, в своих проявлениях оказался представленным значительно большим количеством собранных единиц, определение их значений в соотношениях потребует более подробной дифференциации. Первым таким подразделением, предвещающим проекцию III уровня с позициями пяти соотносительных точек для каждой позиции уровня II (отличительность, окружение, приобщение, положение, достижение), было бы отнесение позитивного признака к своего рода экрану – плоскости, грани того, что следовало бы обозначить как некое общее, вбирающее и охватывающее всех означаемых проявлений и признаков

рассматриваемой парадигмосистемы, некую окончательность всех устремлений советской действительности, цель и фабулу ее существования, ее *opus finitum*. То, что можно воспринимать как революционное преобразование общества, строительство социализма и коммунизма, воспитание и создание нового человека. Но можно и как-то еще, неявно, интенционально, либо исходя из того, что за этим стоит, что ниже и глубже, что составляет его мотивацию и подоплеку либо его действительное, а не пропагандистское существо. С разных сторон и на более глубинном и поэтому трудно определяемом уровне, как некое выдвижение, динамический протопласт, связываемый с оговоренной идеей выхода из состояния равновесия. В силу трудностей слишком абстрактных и отвлеченных определений оправданным представляется обращение к материалу и демонстрация процедуры на нем, при неизбежной при этом неточности и смысловых потерях.

[Отмеченность] в признаках отличительности (проприатива)

На примере значений слов первой позиции проблема подразделения, предшествующего III уровню, сводилась бы к определению того, чем являются *вождь, вождь и учитель, гигант (науки, мысли, труда), светило, светоч, факел, маяк* и т.п. в отношении к *opus finitum*, в каких ее плоскостях, гранях их проявления они себя для нее обнаруживают.

Первую группу таких отношений составляли бы **революционные, трудовые массы, люди** – коммунистическая партия, движущие силы общественного прогресса, трудовой народ, рабочие, угнетенные, пролетариат, трудовое крестьянство, советское общество, советский народ, советские люди, прогрессивное человечество и т.п. Все то, что можно было бы определить как реальный и представляемый и н к о р п о р а т и в – включенное в сферу *opus finitum* советской действительности людское множество, мас-

су, число, в отличие от исключаемого дискорпоратива (империалисты, капиталисты, эксплуататоры трудового народа, отщепенцы, предатели и т.п.). Сюда можно было бы отнести такие единицы, как *вождь (великий, мудрый, дорогой, родной, близкий всем людям, любимый, вождь революции, мирового пролетариата, трудящихся, народов, всех времен, гениальный), вождь и учитель, великий кормчий, отец народов, первоучитель наш, великий учитель.*

Вторую группу – проявление в **общественно полезной**, необходимо направленной **деятельности**, отмеченное исключительными способностями, величием, величиной, умениями, глубокими знаниями, мудростью, помогающими успешно решать задачи революционного преобразования общества, социалистического строительства, достигая необыкновенных, небывалых, превышающих представление о возможном, успехов и результатов на этом пути. В эту группу, определяемую как включаемый **иммутатив** (поощряемой преобразующей деятельности), в отличие от исключаемого **дисмутатива** (отвергаемой деятельности), могли бы войти *гигант (науки, мысли, труда), светило, титан, зеркало русской революции, великий зодчий, великий корифей науки, Кремлевский мечтатель, прорицатель (наших побед, великий), матерый человечинец.*

И третью группу – **новое (должное) отношение** к жизни, обществу, людям, отдельному человеку, революционному делу, социалистическому строительству, связываемое с неустанным горением, страстностью, посвящением, способностью отдавать всего себя ради общего дела, исключительной человечностью, претворяемых в свойствах быть ориентиром, служить образцом, примером для подражания, в умении увлечь, повести за собой: *светоч, факел, маяк, Пассионария, настоящий коммунист, правофланговый, самый человечный человек, дедушка Ленин, руководитель (идейный, ленинского типа, настоящий), по призванию).* Семантику этой группы можно пред-

ставить как категорию информатива – придающего вид, форму, создающего, делающего, образующего, а также обучающего, воспитывающего и строящего (лат. *informo, informatum*), в отличие от исключаемого и обратно действующего дисформатива.

Расположение значений для первой группы, представляемых в единицах минимально необходимых для определяемого смысла, т.е. без добавлений, связанных с их расширением в сочетаниях, можно увидеть в позиционной последовательности *первоучитель наш* (1) – *великий учитель* (2) – *великий кормчий* (3) – *отец народов* (4) – *вождь* (5). *Первоучитель наш* – как непререкаемый, высший, недостижимый авторитет и источник, первоисточник, начало, исток, основатель учения, стоящий отдельно и в самом начале, особенный и исключительный в этом первоначале своем, что подчеркивается притяжательным местоимением *наш* (значение 1-й позиции, отличительности и проприатива). *Великий учитель* – как тот, кто своим учением, знанием, действиями, примером влияет, учит, показывает, вовлекая, излучая из себя, индуцируя, предоставляя обучаемым, последователям, необходимую почву, окружение знаний, их питательную среду (значение 2-й позиции, окружения и индуктива). *Великий кормчий* – как тот, кто своими особыми умениями, опытом, владением вверенным ему общественным кораблем, минуя рифы и мели, твердо и неуклонно ведет за собой, указывает правильный и единственный путь, что составляет значение 3-й позиции, втягивания, прохождения, приведения, обдуктива. *Отец народов* – как тот, кто выше и старше всех остальных, кто над ними, со своей высоты, в своей нескончаемой отеческой доброте, в отмеченном знаниями и житейским опытом положении, видит и понимает, заботится и печется о вверенных и доверившихся ему народах, как детях (значение 4-й позиции, положения-ситуатива). И *вождь* – всех угнетенных масс, ведущий их к светлому будущему коммунизма, достигший и достигающий неизменных побед и успехов, неотъемлемо сопровождающих

его на этом пути (иначе бы не был вождем). Высший, верховный и лучший, в силу не только умений, особых способностей, знаний, своей исключительности, но и содеянного, совершенного, в борьбе и боях обретенного, а потому без всяких сомнений заслуженного и воплощенного им (значение 5-й позиции, достижение и успехив).

Вторая группа, предполагающая проявление в необходимой деятельности, может быть представлена в последовательностях двух рядов. Значений позиции исхода для единиц *светило* (1) – *гигант науки, мысли, труда* (2) – *титан* (3) – *великий корифей науки* (4) – *матерый человецище* (5). И значений позиции направленности – для *Кремлевский мечтатель* (1) – *зеркало русской революции* (2) – *великий провидец наших побед* (4) – *великий зодчий* (5).

Отличие единиц первого ряда, отнесенного к позиции исхода, от единиц второго, отнесенного к направленности, может быть объяснено особенностями передаваемого в том и другом случае признака. В первом случае признак может быть воспринят как наличие, обладание как таковое, как исходное, имманентное, в себе, определившее исключительную силу, величие, выдающийся характер деятельности своего носителя. Во втором – как заряженное, переходящее на окружение, т.е. направленное проявление его каких-то свойств, обуславливающих приписываемый далее вид, определяемый как мечтательство (1), отражение (2), провидчество (4), устройство (5).

Указанное подразделение, тем самым, вводит представление о последующих уровнях возможного описания значений и, одновременно, о соотносительности семантики, передаваемой с помощью вербальных средств. Уровневость допускает вероятность наличия не двух, как в данном случае, а пяти рядов – не только исхода и направленности, но и приложения (сил), обеспечения и достижения, – для пяти проявлений в каждом. Соотносительность предполагает определение семантики выбираемых для ряда единиц не в изоляции, не как независимых

отдельностей, а через их соположения в позициях друг к другу. Данная особенность, впрочем, несколько условна и не облигаторна. Описываемая система признаков-определителей, представляясь как независимая от значений насыщаемых ею слов (независимая в том смысле, что не обуславливается ими), проявляется для них возможностями разного в комбинациях и соотношениях набора, в том числе и далеко не редко неоднозначного, неполного, неопределенного, не единственного и совсем не обязательно соотносимого, т.е. предполагающего рядом, отличающуюся на какую-то долю, но того же ряда, единицу. Семантика какого-то рядом стоящего, близкого и соотносимого набора может быть не актуализирована, не занята, не выражена. Одновременно с этим уточнение участвующих в значении признаков может происходить по разным направлениям, что, с одной стороны, допускает различия в семантике употреблений какой-то единицы (единиц), а с другой, предполагает расхождения не соотносимого и не связываемого характера (по принципу оппозиций, А / не А, либо 1, 2, 3, 4, 5 чего-то общего) у двух, трех, четырех, пяти и более по каким-то признакам сводимых единиц.

В связи со сказанным, приводимые в предлагаемом исследовании соотношения, отображаемые в вербальных единицах, следует воспринимать условно, как удобные для представления иллюстрации, допускающие и предполагающие возможность иного отражения их собственной семантики. Поскольку объектом описания является система – соотносимых признаков, присутствующих внутренне при порождении и восприятии значений, постольку вербальные единицы их отображения служили средством, материалом, позволяющим нечто мало поддающееся материализации каким-то образом показать, далеко не единственным, но и не случайным. При задаче и целях противоположных, предполагающих объектом языковые единицы и передаваемые ими значения, характер их описания и представления, опираясь на имеющуюся систему призна-

ков-определителей, был бы, со всей определенностью, другим.

Выделенные и представленные в двух рядах слова – основания отличительности (проприатива) параметра отмеченности и отнесенные к группе проявления в необходимой деятельности, – помимо деления по отношению к исходу как наличию в себе либо направленности как переходу на окружение, можно было бы различить по основанию характера действия (проявления) обозначаемого признака – от носителя, от самого признака, вовне себя либо, напротив, на носителя, признак, к нему, извне, из окружения, из того, что вокруг. Сочетанием этих двух оснований, в их проекциях к одной из пяти позиций для каждого, можно было бы получить примерно следующие соотношения: *Кремлевский мечтатель* (1 → 2) – *зеркало русской революции* (2 → 4) – *великий провидец наших побед* (4 → 5) – *великий зодчий* (5 → 4) для второго ряда (порядок представления в связи с избранным отношением будет обратный). И *светило* (1 ← 3) – *гигант науки, мысли, труда* (2 ← 4) – *титан* (3 ← 4) – *великий корифей науки* (4 ← 5) – *матерый человечеще* (5 ← 4) для первого.

Кремлевский мечтатель, соответственно, как тот, кто, имея в себе некоторое побуждающее к движению, планируемому в будущем действию, начало, идею, мечту (возбуждение, активизация – 1, с проявлением от себя вовне) влияет, воздействует ею вовне себя, активизирует окружение, заряжая его (направленность, зарядение – 2). *Зеркало русской революции* – как тот, кто, вбирая, отображая собой, обобщая и претворяя то, что находится вне и вокруг (окружение и наведение, индуктив), воздействует этой своей заряженностью, направленностью (2, в себе, от себя вовне) на то, что вне и вокруг в сторону обеспечения, поддержки и оправдания начавшегося революционного действия, осуществляющегося помимо него, но при его моральной поддержке (4 для внешнего). *Великий провидец наших побед* – как тот, кто, предвидя, зная заранее, чувствуя то, что неизменно при необходимом усилии должно

последовать, поддерживал, обеспечивал, предохранял этим своим знанием, своей уверенностью (позиция 4, с выходом от него) произошедший, осуществивший себя результат, достижение, победу, успех (5, для внешнего). *Великий зодчий* – как тот, кто построил, достиг, осуществил либо своей деятельностью неизменно шел, приближался к этому (5, от него на внешнее), что имело смыслом обеспечение, поддержку, укрепление осуществляемого всеми процесса – формирование, создание нового общества (позиция 4 для внешнего).

Светило, в контексте рассматриваемого, можно было бы объяснить как того, кто, являясь истоком, началом, светясь и давая свет (1, в отношении себя), дает возможность другим для их проявления, служа им примером, ориентиром, *светилом*, для необходимого приложения сил (3). *Гигант науки, мысли, труда* своей заряженностью величием, выдающимися способностями, составляющими смысл его волевой неустанной готовности (2, для себя) притягивает невольно к себе других, становясь им поддержкой, обеспечивая возможность для проявления, поддерживая в уверенности (4) будущих достижений. *Титан*, характеризуясь как воплощенная непомерная сила (3) деятельности, выступает в этой своей способности тем, что служит поддержкой, опорой, придавая уверенности (4) на этом пути другим. *Великий корифей науки*, как тот, кто ведет за собой, прокладывая своим последователям путь (втягивание, приобщение, обдуктив 3, в себе, для себя), способствует достижению необходимого уровня, получению и удержанию должного результата (5, для внешнего). *Матерый человецище* – как высшая форма возможного достижения, величия, результата, деятельностного итога для человека (5), являясь формой максимально возможного опыта, приобщает, притягивает, ведет, своим примером, всем своим существом за собой других (4).

Полученные семантические признаки можно представить в виде соотношений в некотором общем поле сочетания оснований, проявляющих себя на нескольких

уровнях. В отношении описываемых единиц (*мечтатель, зеркало...; светило, гигант...*) это были бы сочетания признаков, выявляемых на семи таких уровнях. Первый уровень составляли бы основания, определяемые как параметры – отмеченности, наделенности, принадлежности, нужности, причастности, поставленности, действия, организуемости, в противопоставлении кумулятива и аддитива (см. табл. на стр. 54). Второй, для отмеченности, – основания отличительности (проприатива), окружения и наведения (индуктива), приобщения-опыта, втянутости (обдуктива), положения (ситуатива), достижения (сукцессива). Третий, для отличительности, – группы включенного множества (инкорпоратива), поощряемой деятельности (иммутатива), должного отношения (информатива). Четвертый, для поощряемой деятельности (иммутатива), – ряды исхода или направленности (два из теоретически допустимых пяти). Пятый – в векторном проявлении для каждого ряда от себя (носителя, обладателя, признака) вовне либо на него (носителя, обладателя, признака) извне. Шестой – в проявлении пяти позиций для каждого из векторных отражений 1, 2, 3, 4, 5 || 1, 2, 3, 4, 5, в возможных для них значениях побуждения, активизации, возбуждения, исхода, истока, начала, начавшегося выхода из состояния покоя (1), направленности ожидаемого выхода, заряда, заряженности, готовности, окружения, наведения (2), поддержки осуществляемого выхода, втягивания, втянутости, приведения, ведения за собой, ударной силы, приложения сил (3), обеспечения проявившейся силы выхода, ее поддержки, предохранения, сохранения, оправдания, укрепления, положения (4), достижения, осуществления, реализации в результате, успехе, итоге, в действовании (5). Седьмой – в уточняемом для каждого из значений сочетании позиций по векторам. Порядок уровней для описываемых слов (*мечтатель, зеркало...; светило, гигант...*) мог бы выглядеть следующим образом:

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **отличительность**

III уровень: **поощряемая деятельность** (иммунитив)

IV уровень: **исходность / направленность** признака (двух из пяти возможных)

V уровень: векторность **от себя** (носителя, признака) вовне / **на него** извне

VI уровень: позиционность 1, 2, 3, 4, 5 | 1, 2, 3, 4, 5

VII уровень: 1 → 2; 2 → 4; 4 → 5; 5 → 4 | 1 ← 3; 2 ← 4; 3 ← 4; 4 ← 5; 5 ← 4

Последний уровень в матричном представлении давал бы такую картину (слова второго ряда даны для отличия курсивом, горизонталь отражает вектор →; вертикаль ←):

	1↓	2↓	3↓	4↓	5↓
1←			светило		
2←	<i>мечтатель</i>				
3←				титан	
4←		<i>зеркало гигант</i>			<i>зодчий корифей</i>
5←				<i>провидец</i>	

Теоретически каждая клетка табличной матрицы могла бы быть заполнена пятью значениями (а возможно, и десятью), с учетом максимально допустимого числа проявлений V и VI уровней. Однако реально это не происходит, и клетки оказываются либо только частично, либо вообще не заполненными, что необходимо рассматривать как характеризующую черту описываемой системы. Соответственно и позиционные представления выделенного как VII (возможно, что не последнего) уровня, также теоретически, могут выглядеть в своих сочетаниях намного сложнее – не в двух, а в пяти, на два по-разному переключающихся с точки зрения векторных направлений, объединениях признаков. Однако все это, в силу избыточной сложности, мало что добавляющей для понимания проце-

дуры, оставим без представления, как возможную перспективу, определив это как потенциальный ресурс, который язык и сознание в своем проявлении могут использовать, но никогда не используют в полном объеме и до исчерпываемого конца. Также и в силу этого, т.е. в силу и по причине того, что далеко не все из возможного актуализируется, отображаясь в языковом материале, есть смысл ограничивать представление занятыми, заполненными, использованными возможностями, а не теоретически воображаемой способностью, не всегда себя исполняющей и однозначно реализующей в языке.

Значения признаков третьей группы для основания отличительности, предполагающей проявлением должное отношение (информатив), также можно было бы, без излишнего усложнения оттенками и дополнениями, представить в проекциях двух рядов. Значений исхода – для *светоч, факел, маяк, Пассионария*. И значений направленности – для *настоящий коммунист, правофланговый, самый человечный человек, дедушка Ленин, руководитель (идейный, ленинского типа, настоящий, по призванию)*. С вектором от себя (носителя, признака) либо на него в сочетаниях согласно пяти позициям для каждого: *самый человечный человек* (1 → 4) – *правофланговый* (2 → 2) – *руководитель нового типа* (3 → 3) – *дедушка Ленин* (4 → 1) – *настоящий коммунист* (5 → 3) и *светоч* (1 ← 3) – *факел* (2 ← 4) – *маяк* (3 ← 3) – *Пассионария* (4 ← 2).

Самый человечный человек, соответственно, как тот, кто своим особенным отношением к людям, знанием, пониманием людей, особенным чувством к ним, исключительной человечностью, являющимися его отличительными чертами (1), служит духовной опорой, поддержкой для всех, дает ощущение уверенности в своих силах, помогает осуществлять, совершать задуманное (4), способствует реализации планов, связанных с достижением счастья для всех людей, являясь для всех вдохновляющим примером не прекращающейся заботы и теплоты. *Правофланговый* – как тот, кто, будучи первым, передовым, направляющим,

заряженный силой и волей готовности (2) действовать в необходимом направлении в нужный момент, служит примером в том же необходимом также и для других направлениях, заряжая этим своим зарядом всех остальных (2), на кого им, как на возможное и достижимое в этой желаемой направленности, необходимо равняться. *Руководитель (идейный, ленинского типа, настоящий, по призванию)* – как тот, кто, будучи правильно ориентирован, идейно подкован, обладая умениями, хорошо понимая, с кем и с чем предстоит иметь дело, зная силу и слабость людей, способен, организовав, повести за собой (3), направив, настроив, придав направление, задав верный ход их действующей силе (3). *Дедушка Ленин* – как тот, кто в поддерживающей всем своим образом (4) человечности и доброте вызывает в каждом самые теплые чувства, желание быть лучшим, достойным, обладать исключительно светлыми, благородными, человеческими качествами (1). *Настоящий коммунист* – как тот, кто своими действиями, преданностью, отвагой, решительностью, постоянной готовностью, дающими ему возможность и силы действовать в необходимом партии направлении и всего достигать, всегда и во всем побеждать (5), быть несломленным, не покоряться, не отступать, служит этим своим примером основанием приложению сил остальными (3).

Свечеч – как носитель, источник высоких идей (1) свободы, истины, всеобщего счастья, притягивает, влечет, ведет за собой (3), показывая путь, служа ориентиром и светом, вдохновляя примером, ободряя в усилиях, придавая сил (дополнительный признак 3-й позиции). *Факел* – как тот, кто, являясь носителем, воплощением идеи горения, постоянной готовности, заряда (2), в своей жизнеутверждающей силе дает поддержку, служит примером, опорой, придавая уверенности, укрепляя в способности (4) проявления, действия, утверждения силы других. *Маяк* – как тот, кто своим напряжением, усилием, приложением сил (3) побуждает к такому же напряжению, следованию

за собой, приложением усилий, силы (3), движению в избранном направлении всех остальных. И *Пассионария* – та, которая своей страстностью, силой желания, волей, упорством, поддерживающими ее, придающими ей силы, обеспечивающими (4) возможность осуществления, приближение страстно желаемой цели, заряжает готовностью, силой воли, желанием действовать (2) остальных.

[Отмеченность в признаках] окружения-наведения (индуктива)

Значения признаков второй позиции по основанию отмеченности – **окружения** и наведения, индуктива, – можно было бы дифференцировать, в зависимости от типа воздействующего, наводящего, индуцирующего, окружения, по тем же трем, выделенным для первой позиции, группам: включенного множества (инкорпоратива), поощряемой деятельности (иммутатива) и должного (воспитанного, выработанного) отношения (информатива). К первой группе можно было бы отнести значения, вербализуемые единицами *автоградец, камазята, молодой, ровесник Октября, ульяновец*, называющими того или тех, кто обладает признаком, отмечающим его в отношении отнесенности к определенной, особенной, выделенной, отмеченной позитивными качествами, группе людей, – приобщенный (включенный) к включенному множеству, инкорпоративу. Ко второй – *автозаводец, воин-малоземец, молодогвардеец, корчагинцы, люди труда (человек труда), люди доброй воли, человек с ружьем* как называющие того или тех, кто отмечается в результате своего отношения к особому рода положительной деятельности, иммутативу. К третьей – *военмор* (военный моряк), *военлёт* (военный летчик), *красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец* (военнослужащий первой гвардейской стрелковой дивизии), *сын страны Советов (рабочего класса)* как называющие того или тех, кто характеризуется признаками, следую-

щими из его отношения к формирующей, активно воздействующей на него, воспитывающей среде, информативу.

Дальнейшее подразделение **в группе включенного множества**, с учетом соотношений передаваемых единицами признаков, без излишнего усложнения дополнениями и опосредованиями (что имело бы смысл при большем, чем пять, количестве сопологаемых единиц), могло бы выглядеть следующим образом: *ровесник Октября* (1) – *ульяновец* (2) – *молодой*, как тот, кому *везде у нас дорога, кому строить, продолжать то, что начато их отцами и дедами, кому жить потом при коммунизме* (3) – *камазята* (4) – *автоградец* (5). *Ровесник Октября* – как тот, кто своим отношением к группе родившихся в 1917-м, имеющем смыслом начало, рождение, появление новой эры всего человечества, самим своим существованием ее собой воплощает. *Ульяновец* – как проникнутый отношением к городу основателя коммунистической партии и советского государства, заряженный его атмосферой, особенностями живущих на этой его земле людей, значением этого города для всего народа. *Молодой* – как тот, кому все по силам в советской стране, на кого можно и нужно рассчитывать, кто движет начатое отцами дело, кто составляет основное энергетическое начало своей страны, кто обладает неограниченными возможностями для своего применения во имя всеобщего блага и достижения поставленных целей. *Камазята* – как дети, рожденные, появившиеся в особом месте, отмеченном всесоюзной стройкой заводе и городе, дающие утверждение сделанному, опора, будущее, надежда, поддержка, обеспечение непреходящей преемственности затеянного. И *автоградец* – как тот, кто имеет (своим рождением, воспитанием, проживанием) отношение к городу, месту, пространству устроенного, построенного и обустроенного, а потому живого и явного воплощения неопровержимых успехов и достижений советского строя на его обеспечивающем себя, свою самодо-

статочность и независимость (в автомобильном транспорте), неуклонном движении, продвижении вперед, к коммунизму.

Особая, идеологически мотивируемая и ориентированная в языке советской действительности коннотация пяти этих слов (как, впрочем, и остальных, в условиях обозначаемого позитива), следует, как представляется, из их отношения к определяемым позициям. Выстраиваемый порядок **начала** для *ровесника Октября* – **воздействующей среды ульяновца** – **ударной силы** для *молодого* – **надежды и подкрепления** в *камазятах* – и **достижении** в *автоградеце* советского строя, советской страны окрашивает соответствующим образом в публицистическом и пропагандистском употреблении данные единицы. С одной стороны, придавая внутренний чувствуемый смысловой ориентир позитивной оценке: было славным и светлым начало, важной является для советского человека среда, мы сильны своей преданной делу отцов молодежью, надежда, крепость, прочность и основание – в детях, достижения советской страны необычайны, строятся новые города, и не просто, а автомобильные, звездные, города науки, физиков, академические, здоровья и пр., как прообразы светлого будущего. С другой, определяя ее в отношении направления, формы, степени проявления, характера, типа эмоциональной актуализации – большей либо меньшей близости воспринимающему (*ровесник Октября* – *ульяновец* в некотором отдалении, *молодой, камазята* – теплее и ближе, *автоградец* – как ожидаемое, но уже и сейчас существующее в советской действительности, светлое будущее), *ровесник Октября* – отношение ко времени, *ульяновец* – месту, *молодой, камазята* – возраст, *автоградец* – место (город) и время (настоящее = будущее).

Группу поощряемой деятельности, иммутатива, для основания окружения имеет смысл подразделить в отношении двух из пяти возможных рядов – заряда-

направленности и проявления (приложения сил), что дает смещение, переход на одну позицию, по сравнению с двумя рядами (исхода и направленности), проявившими себя для значений рассмотренного перед этим основания отличительности. Ряд направленности мог бы передаваться значениями единиц *автозаводец, люди труда (человек труда), люди доброй воли, человек с ружьем*, особенность которых определялась бы в отношении их постоянной готовности должным образом действовать, их заряженности силой и волей к необходимому проявлению в действии. Ряд проявленности (приложения сил) представляли бы тогда значения единиц *воин-малоземец, молодогвардеец, корчагинцы*. Их особенность определялась бы отношением к осуществившему себя в проявлении действию, что делает их носителями признака, характеризующегося особым рода отмеченным приложением сил.

Значения, передаваемые единицами ряда направленности, можно было бы расположить согласно позициям в таком порядке: *автозаводец* (1) – *люди доброй воли* (2) – *люди труда (человек труда)* (3) – *человек с ружьем* (4). Обоснованием такого расположения для *автозаводца* было бы представление о нем как о носителе славы своего завода, определяемой в отношении гордого имени, связываемого с развитием автомобильной промышленности и производством автомобилей, поддерживающей идею самодостаточности, небывалого роста, технических достижений и преимуществ советского строя, выводящего государство, народ, страну на необходимые для строительства социализма рубежи. Представление о своих, советских автомобилях как том, что способствует укреплению мощи и обеспечивает техническую и экономическую независимость страны от Запада (значения 4-й позиции), в *автозаводце* связываются с идеей его завода – того, на котором он и откуда, как места и коллектива, воздействующего окружения, среды, индуцирующей в нем (значения 2-й позиции) те признаки, носителем которых, их в себе воплощающим, он выступает. Ср.: *славные автозаводцы*,

гордое имя (славное имя) автозаводцев, честь и слава автозаводцев, гордо нести имя автозаводцев. Признаки эти обращаются в нем в представление о его отличительности (позиция 1), следующей из славы, гордости, имени коллектива, к которому он по праву относится. Коллектива, представляющего собой необходимое, должное, новое, прогрессивное, опережающее, вперед идущее отношение – воплощение лучших качеств советского человека, проявляемых в деятельности во имя блага своей страны.

В значении, определяемой в том или ином отношении к языку, советской действительности единицы, как можно заметить из сказанного по поводу *автозаводца*, находят свое отражение, по-разному сочетаясь и взаимодействуя, признаки разных качеств, параметров и оснований исследуемой парадигмосистемы. Для *автозаводца* это были такие признаки, как носитель, развитие, поддержка, обеспечение, достижение, укрепление, рост, среда, окружение, индуцирование, отличительность, отношение и т.п., определявшиеся как показатели различным образом представляемых и соотносимых позиций, параметров, оснований, групп, рядов и подгрупп. Комбинации этих признаков вместе с тем создают, как можно вывести и заключить из рассмотренного в предыдущем абзаце примера, своего рода взаимно накладывающиеся, следующие один из другого и сочетающиеся в нескольких плоскостях круги, которые допускают возможность и основание распределять передаваемое единицей значение по уровням от I-го (наделенность, отмеченность, принадлежность, нужность и пр.) ко II-му (отличительность, наведение, втянутость...), III-му (включенное множество, поощряемая деятельность, должное отношение) и т.п., до последнего как определяющего. Количество проявляемых в значении единицы уровней может быть разным и не обязательно полным, к тому же по-разному представляемым. Описываемая система дает возможность выбора признаков и сочетаний, сам этот выбор зависит от довольно подвижных и весьма относительных узуальных причин. То, что

было выбрано и представлено для *автозаводца*, можно поэтому воспринимать как одну из возможных проекций значения, определяемого по основаниям отмеченности для I уровня, наведения для II-го, поощряемой деятельности для III-го, направленности для IV-го с предполагаемым вектором на него извне для V-го (в силу восприятия характера смысла его отличительности как того, что он содержит в себе, вбирая, а не воздействуя этим, распространяя из себя на других), с позицией 1 (отличительность) для VI-го, в комбинации $1 \leftarrow 3$ для VII-го (в силу того, что характером своих признаков он действует на составляющую ‘приложение сил’ ориентирующихся на него, отсюда вектор $\leftarrow$, как на носителя объявляемых свойств, советских людей).

Позиция второй единицы ряда направленности (*люди доброй воли*) следовала бы из представления об их готовности действовать в соответствии с убеждениями, намерением, стремлением к созиданию нового, справедливого мира, основываемого на принципах равенства и добра. Семантика позитива, распространяясь на представителей, в лице *людей доброй воли*, всего человечества, определяемого как передовое (включенного множества, инкорпоратив) для отдаления от исключенного мира идеологического противника (дискорпоратив), предполагает в этой направленности (2) идею обеспечения и поддержки (4) с вектором от себя ($2 \rightarrow 4$). *Люди труда (человек труда)* третьей позиции, представляя в значении идею вкладываемого для достижения цели, получения результата (5) усилия, приложения сил (3) предполагали бы, соответственно, комбинацию $3 \rightarrow 5$, также с вектором от себя. *Человек с ружьем* – как тот, на кого можно и следует полагаться, кто, способствуя обеспечению безопасности и надежной защиты (4), заряжает готовностью (2) действовать, поддерживает в стремлении к активному проявлению остальных, – дает возможность говорить о сочетании $4 \leftarrow 2$. С вектором на него, поскольку заряженность готовностью у других выступает следствием его простого

наличия, с его стороны не намеренного и не исходящего, направленного не от него, а на него.

Ряд проявленности (приложения сил), с опорой на актуализируемые для языка советской действительности значения, можно было бы расположить в последовательности *корчагинцы* (2) – *молодогвардеец* (3) – *воин-малоземец* (4). Более подробная дифференциация с учетом предваряющих и заключающих уровней, в силу незначительного числа единиц, выглядела бы не полно и мало что добавляла бы к описанию, но имело бы смысл обратить внимание на характер передаваемых словами значений и их порядок. Значения, о которых речь, следует воспринимать в их оценочно-идеологизированной и апеллятивно-пропагандистской ориентированности. Это не столько значения, в том числе и пропагандистского, языка, сколько, на их основе, организованные особым образом элементы смысла формируемой для верного восприятия картины позитивного отношения – характеристики того, что и как следует внутренне представлять внутри создаваемой советской картины мира, передаваемой и оформляемой средствами языка. Иными словами, внутри понятной и очевидной советской картины мира существует как бы еще одна, в нее незаметным образом встраиваемая, придающая ее представлениям и образам ориентирующий их в ту либо другую сторону смысл, внутренне, неосознанно, объясняющий, подсказывающий восприятие, как то либо иное имеющееся в сознание представление, существующий, созданный пропагандой и воспитанием, образ следует чувствовать, как к нему внутренне относиться и как его ощущать.

Покажем это на объясняемом примере. Все три слова дают представление о подвиге советских героев во время Великой Отечественной войны, связанном с самоотверженностью, храбростью, готовностью бороться, не щадя своих сил до конца, отстаивая советскую родину от немецко-фашистских захватчиков. Каждая из этих единиц соотносится в сознании с представлением о том, кто такие

корчагинцы, кем и кто были молодогвардейцы, чем отличились и в чем принимали участие воины-малоземельцы. Представление это содержит позитивно окрашенные образы, за которыми мыслятся знакомые по существующим описаниям либо воображаемые, поскольку не называемые по именам и не подаваемые как конкретные лица, люди. Первое и второе, т.е. герои войны и люди в представляемых сознанием образах, следовало бы относить к советской картине мира, без дальнейших определений и пояснений. То ориентирующее и встраиваемое, о чем шла речь, можно было бы объяснить (для целей пропаганды производимого воспитания) отношением, мотивирующим смысл того, чем были и чем являются корчагинцы, молодогвардейцы, воины-малоземельцы для советских людей. Какова их формирующая коммунистическое сознание и правильное отношение к миру и советскому обществу роль. В чем и как необходимо на них ориентироваться, следовать им и брать с них пример. Поскольку рассказы о совершенных и совершаемых подвигах (как, впрочем, и обо всем остальном) играли не только и даже не столько укрепляющую в единственно правильных убеждениях и прославляющую советских героев агитационно-пропагандистскую роль, сколько роль воспитывающую и дающую представление о тактике и стратегии, приемах и методах поощряемого, ожидаемого в случае необходимости, действия во имя и ради пропагандируемых целей и объясняющих их всеобщую ценность идей.

В этой связи ориентирующая, нацеливающая на потенциальное в желаемом направлении действие пропагандистская роль корчагинцев, молодогвардейцев и воинов-малоземельцев выглядела бы неодинаково. *Корчагинцы* – как те, кто, вдохновленные ярким примером Павла Корчагина, стремясь повторить его подвиг, готовы мужественно, не щадя себя, бороться и не сдаваться в суровые годы войны и впоследствии, в мирное время, формировали бы ориентирующим смыслом идею заряженности, т.е. семантику 2-й позиции в описываемой парадигмосистеме.

Молодогвардейцы – комсомольцы-подпольщики, мужественно боровшиеся с врагом, не щадя своих сил и самой своей жизни, действовавшие отважно, не поддаваясь и не сдаваясь, стойко перенося мучения и держась до последнего, давали бы представление о 3-й позиции (приложение сил). *Воины-малоземельцы*, известные тем, что также мужественно и самоотверженно, до последнего, защищали, отстаивали Малую землю – участок советской земли (обеспечение, защита, поддержка – значения 4-й позиции). Быть готовым всегда, как корчагинцы, действуя стойко и мужественно, как молодогвардейцы, отстаивая каждую малую часть своей советской земли, как воины-малоземельцы, – так примерно ориентирует воспринимающего встраиваемая, сенсорная часть картины советской действительности, отображающая себя в представляемых в описываемой парадигмосистеме позициях на этих примерах.

Группа воспитывающей среды

Рассмотренные на примере слов *автозаводец, воин-малоземелец, молодогвардеец, корчагинцы, люди труда* и т.п. значения признаков продолжают относимые к тому же параметру единицы *военмор* (военный моряк), *военлёт* (военный летчик), *красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец* (военнослужащий первой гвардейской стрелковой дивизии), *сын страны Советов (рабочего класса)*. Особенность их определяется отношением к формирующей называемого человека среде, т.е. к информативу (лат. *informo, informatum* ‘формировать, создавать; образовывать’; ‘обучать, воспитывать’).

Воспитывающая среда, предполагающая и требующая должного отношения к обществу и системе, советской действительности и делу социализма у называемого человека, будучи информативом 3-го уровня, в своих значениях проецирует себя на 4-м, последующем, уровне (см. схему ниже).

В целях более сжатого определения, дальнейший анализ, предполагающий целостное описание парадигм-системы, будет производиться с опорой на признаки, актуальные для основания. При таком рассмотрении воспитывающая среда советской действительности будет определяться как та, которая воспроизводит и создает тех и таких, точнее признаки, им приписываемые, кого называют словами *военмор, военлёт, красногалстучник, советские люди (советский человек), новый человек, партиец, первогвардеец, сын страны Советов (рабочего класса)*.

Объединяющими признаками семантики разбираемой группы слов (параметр отмеченности (I) в отношении влияния окружения (II) как формирующей среды (III)) можно было бы считать идею вынесения, выставления – то, чем страна, люди, продуцируемая ими система могут и должны гордиться. Гордость эта проявляется в двух отношениях: человек как вбирающий в себя от среды, как показатель того, чем она, эта среда, для человек есть, и человек (вобравший от нее в себя, рожденный ею), в первую очередь и в основном воспринимаемый и определяемый как ей от себя затем дающий. Противоположение это является ни чем иным, как воплощением в новом материале (на новом экране) признаков исходности / направленности предыдущего основания, определенного как поощряемая деятельность (иммутатив).

Проявление признака вбирания в себя можно наблюдать в единицах *военмор, военлёт, красногалстучник, первогвардеец*. Проявление давания от себя – *партиец, советский человек, новый человек, сын страны Советов*. Рассматриваемая как основание в описываемой системе воспитывающая среда существует, таким образом, как то, что порождает человека желаемых свойств (его ментальный, условно мыслимый в языковом сознании, образ), и как то, что, породив такого человека, создав его, предполагает, индуцирует в нем способность желательного воздействия на других, на свое окружение, от себя. В

этом смысл указанного противоположения для IV-го уровня.

Не вдаваясь в подробности, дальнейшее подразделение признаков, отображаемых в рассматриваемых словах, можно было бы представить как значения позиции 1 с переходом в 2 для *первогвардеец* (1 → 2); 2 с переходом в 3 для *красногалстучник* (2 → 3); 3 с переходом в 4, но в обратном направлении вектора от себя вовне, для *военлёт* (4 ← 3) и в таком же обратном 4 с переходом в 5 для *военмор* (5 ← 4). И, соответственно, для значений второго ряда (давание): *партиец* (2), *советский человек* (3), *сын страны Советов* (4), *новый человек* (5).

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **окружение** (индуктив)

III уровень: **воспитывающая должное отношение среда** (информатив)

IV уровень: **вбирание / давание**

V уровень: векторность **от себя** (носителя, признака) вовне / **на него** извне

VI уровень: позиционность 1, 2, 3, 4, 5 | 1, 2, 3, 4, 5

VII уровень: 1 → 2; 2 → 4; 4 → 5; 5 → 4 | 1 ← 3; 2 ← 4; 3 ← 4; 4 ← 5; 5 ← 4

VI и VII в возможных для них значениях как позиции активизации (1), готовности, (2), поддержки, ведения за собой, ударной силы (3), обеспечения силы выхода, ее сохранения, укрепления, (4), достижения в результате, действенности (5).

Поскольку этот фрагмент описываемой модели был уже ранее нами рассмотрен, его объяснение применительно к выявляемым признакам в их отношении к словам опускаем, тем более что для понимания действия определяемого основания (воспитывающая должное отношение среда) подобное объяснение немного дает.

Одна из задач затеянного исследования состояла в том, чтобы на основе семантики слов языка советской действительности в обозначении лиц выявить и описать

парадигмосистему, организованный по типу грамматики семантический код, дающий возможность не только увидеть его процедурное действие с проявлением в семантике слова, механизмах вербального порождения и восприятия (генеративно-перцептивная база советского языкового сознания, ее вероятный фрагмент), но и представить специфику когнитивной модели языка советской действительности. Той модели, которая составляет основу указанных механизмов порождения и восприятия, но основу не процедурную, а мировоззренческую, в связи с чем оценочную, фильтрующую, включающую и выключающую – объекты, позиции, отношения, т.е., в конечном итоге, системоценностную. Модели, наделенной способностью не столько давать представление об окружающем мире, сколько организовывать его для сознания, по своему, необходимому для нее, усмотрению, выполняя функцию регуляции и продуцирования в отношении носителей как ее самоё, так и ее языка.

Изучаемый таким образом и описываемый предмет можно видеть и наблюдать в проявлении двух взаимных расположений. Одно имело бы отношение к языковой парадигме, другое – к ментальной, мировоззренческой, аксиологической, внутренней, даваемой в ощущениях, сенситивной. Если специфика действия смыслового кода языка советской действительности дает представление о речевых механизмах и речевом проявлении, о коммуникативных и реактивных особенностях носителя изучаемого языка (советской действительности), то специфичность ментально-аксиологической парадигмы может явно или неявно представлять все то, что ближе к экзистенциально-оценочным, в том числе и моторным и поведенческим, проявлениям.

То первое, языкового кода, отчасти в смешении со вторым, для разбираемого основания третьего уровня (информатив – среда) отчасти было показано на примере рассмотренных восьми единиц (*военмор, военлёт, красногалстучник, советские люди (советский человек), новый*

человек, партиец, первогвардеец, сын страны Советов (рабочего класса)). Достаточное и понятное для представления языкового кода, оно в своих признаках (особенно после пятого уровня) выглядит невыразительно, мало информативно и механистично для представления идейно-мировоззренческого, а следовательно, экзистенциально-го, аксиологического, интерпретирующего действительность и предлагающего, задающего ориентацию в ней компонента. Мало понятными могут выдаться следствия из описанных признаков для представления советской специфики восприятия действительности и советского воображения о ней. Попробуем в связи с этим, на отобранных для представленного основания информатива-среды, примерах показать особенности этой второй парадигмы.

Речь в этом случае пойдет о лице, человеке, вписываемом языковым сознанием в круг значений того, что *советское* – для действительности, оценок, системы ценностей, для него самого. Вопрос может быть поставлен в том отношении, что именно представляет собой эта самая, с признаками советскости, формирующая человека среда. И одновременно – какие признаки ее, как параметра, находят свое отражение в семантике разбираемых слов, что, в свою очередь, воплощается в парадигме соотношений модели (смыслового кода языка советской действительности).

Если слово *партиец*, к примеру, интерпретировать как обозначение того, кто воспринимается как выращенный советской действительностью, советской средой, под ее воздействием и влиянием, проявляющий себя в ней в том отношении, что, обладая определенными свойствами, он выделяется ими подчеркнуто положительно на фоне других, то набор этих свойств способен дать представление об искомом как требуемом для среды. Набор этих признаков можно было бы определить как наличие (приписываемое со стороны окружения) вследствие принадлежности, отнесенности к выделяемо отмеченной обще-

ственной группе – коммунистической большевистской партии. Определяется данное отношение устойчиво сформировавшимся представлением о том, что *партиец, партийный* – это тот, кто должен быть (беззаветно) преданным делу партии, показывать пример для всех остальных, проводить в сознание масс, направлять их на выполнение задач и целей, которые партия ставит перед советским обществом на пути задуманного ею строительства коммунизма как окончательной цели и фазы общественного развития (*opus finitum*). Все это вместе взятое вписывает определяемое значение в семантику разбираемой парадигмосистемы. В отношении рассматриваемого ее фрагмента, привязывающего значение к отмеченности как параметру первого уровня через окружение второго и воспитывающую среду для третьего, интерес представляет вершинное сочетание ‘(беззаветной) преданности делу партии’, все остальное, оставляя за скобками и переводя в более общий и крупный план.

Тем самым, рассматриваемая и определяемая воспитывающая среда предстает как то, чему придается, предписывается нечто, обозначаемое как ‘дело коммунистической большевистской партии’, без которого данная среда не была бы данной средой. Отсюда вопрос: каким образом, как и в каком отношении можно было бы описать это самое дело и что понимать под (беззаветной) преданностью этому делу применительно к человеку? Среда, не случайно поэтому названная воспитывающей и формирующей, для того чтобы удовлетворять задаваемым условиям, отвечая требованиям успешной реализации этого дела через включение в себя, должна быть заряженной, организованной, направляемой. Иными словами, должна быть динамизированно целеустремленной средой. Дело партии, следовательно, можно воспринимать как целеустремление, направляемое ею, т.е. партией, к среде. Преданность – как активное включение, подключение себя, к этому общему и охватывающему, активно и целеустремленно заряженному и потому заряжающему в

своем направлении, в среде. Этим большим и заряжающим является партия, выступающая, проявляющая себя в данном случае как целеполагающая, энергетизирующая соответствующим напряжением сила по отношению к воспитывающей среде, воздействующей по этой причине на человека необходимым и должным образом.

Партиец, тем самым, может быть определен как отмеченный в данной среде отношением к группе, причастной к знанию и осуществлению общего и единого для среды, предписываемого ею целеустремления – задаваемой, сообщаемой цели самой среды. Среда советской действительности, имея цель и направленность, проявляемую и обнаруживаемую в ней через значение *партийца*, предполагает, обратным действием, отнесение данного признака (для когнитивно-экзистенциального кода) к параметру, близкому по своему значению для позиции 2 – готовность, заряджение, направленность, аккумуляция собираемой к выходу из состояния покоя в точке исхода (1) силы.

Советский человек, в свою очередь, в отношении данной среды будет определять себя как такой, который отмечен особой моралью служения обществу, людям, идеям, предполагающим то, о чем говорилось в связи с *партийцем* по поводу динамизированного устремления среды к поставленным партией целям. Соотношение между *партийцем* и *советским человеком* можно по этому основанию воспринимать как соотношение направляющего и направленного. Активным, вершинным признаком *советского человека* будет особым образом организованная мораль, предполагающая предание себя сообщаемому в своем поступлении общему делу. Мораль эта приближает нас к идее поддержки возможности осуществления того, что задумано (точка исхода 1), поддержки выхода направляемой аккумулязированной силы (точка готовности 2). То есть к позиции 3 в рассматриваемой парадигмосистеме.

Сына страны Советов в интересующем нас отношении можно определять как человека особого склада,

полученного в результате начавшегося движения к цели в среде. Среда его создает и воссоздает, но смысл его присутствия и существования в ней можно интерпретировать как ее, среды, обеспеченность и гарантию продолжения, возможность развития той идеи, которая была нами определена как свойственная *советскому человеку*. *Сын страны Советов* – порождение среды окружения советской действительности в том отношении, что является, выступает обеспечением, защитой, предохранительной, во времени, оболочкой, гарантией экзистенциальной неотвратимости создаваемой среды. Данные признаки относят его к позиции 4 определяемого основания в системе.

Нового человека в применении ко все той же советской среде можно было бы определить как ее достижение, ее заявляемый и достигаемый в своей исключительности результат. Речь, таким образом, можно вести о позиции результата (5). *Новый человек*, воспринимаемый как человек нового типа, нового, по сравнению с прежним, досоветским, и внесоветским, отношением к жизни, это человек достижения, человек коммунистического будущего, ростки и проявления которого можно сейчас уже наблюдать в советских людях, воспитываемых в духе товарищества, коллективизма, отсутствия эксплуатации и эгоистического паразитизма. Вершину подобного отношения, таким образом, применительно к воспитывающей в человеке подобные качества советской среде, можно увидеть как продолжение в позиции результата (5) признаков *сына страны Советов* (4) с валентностным продвижением от *партийца* (2) через *советского человека* (3).

Номинативные единицы другого ряда, объединенные общей идеей вбирания в себя свойств советской среды (в чем и состоит их отмеченность), а не распространения их от себя, как в четырех предыдущих, могут быть расположены в последовательности, предполагающей статичность точек исхода (1), готовности (2), поддержки выхода (3) и обеспечения надежности (4) проявления вбираемых свойств.

Точку исхода отображает *первогвардеец* как тот, кто, будучи ‘военнослужащим первой гвардейской стрелковой дивизии’ (ТСЯС), воплощает в себе идею овеянности ее доблестью и славой. *Первогвардеец* для языкового сознания – это прежде всего вынесение, отделение от общего, то, на что надо равняться, но что, как вынесенное и выдвинутое, недостижимо и идеально, как отвлеченный, абстрактный верх, вершина и идеал. Во внутреннем, сенситивном отображении оно, это вынесенное, представлено устремленностью по вертикали предписываемого желания быть таким же, в каких-то чертах походить, с возвращением от этого верха, в идее обогащающего, придающего смысл начала-исхода-цели ($\updownarrow$).

Красногалстучник, в своей отмеченности в среде, может быть определен в отношении особого проявления в действии, отличающего его на фоне других. *Красногалстучником* делает пионера его отнесенность к так называемой *красногалстучной команде*, к тем, кто своим внешним видом, распознаваемостью, ношением красного галстука заявляет о своей заряженной советской идеей готовности, не щадя своих сил, отдавать себя делу строительства будущего. Если в первом случае, с *первогвардейцем*, себя проявляла идея вынесенности, отделения от остальных, недостижимости для того, кто таковым не является, в языковом ощущении – вертикали, то в втором, с *красногалстучником*, можно было бы говорить о горизонтали, проявляющей себя в приобщенности, отнесении к таким же, как он (*красногалстучная команда*), к которым каждый, при соответствующем желании и подготовке (признаки позиции 2), мог бы себя относить. Эта внутренняя, заложенная идея своей приобщенности целому, беспокойной команде, с проявлением выхода из себя на других вовне, полагающая стремление центробежно-центростремительное, для заявленной горизонтали могла бы себя отразить в направленности в одну и в другую стороны – своей приобщенности группе и выхода с ней из нее вовне ($\leftrightarrow$). Идея, поддерживаемая смыслом известного

лозунга *Пионеры – беспокойные сердца!*, имеющим отношение к рассматриваемому значению.

И, наконец, *военлёта* и *военмора* можно интерпретировать, в определяемом ключе, как отмеченных в советской среде и советской средой в отношении выполнения долга по защите ее воздушных границ и морских рубежей. *Военлёт* при этом предполагает направленность вертикали – вверх и вперед, с обращением к защищаемому, а также поддерживаемому и поддерживающему подобную устремленность низу (↓) – советская территория, пространство внутреннего, земля, в валентностом проявлении поддержки выхода направляющей и направленной силы, т.е. позиция 3. *Военмор*, соответственно, направленность горизонтали от себя, от своей территории вовне, в пространстве обтекаемых суши морских границ, с подкрепляющим, обеспечивающим безопасность, надежность, возвращением в обратном своем движении (←), с соответствующим валентностным проявлением значения позиции 4.

Семантические проявления-признаки характеризуемого основания воспитывающей должное отношение среды на примере рассмотренных обозначений можно представить в виде таблицы, начинающей себя проявлять с IV уровня:

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **окружение** (индуктив)

III уровень: **воспитывающая должное отношение среда** (информатив)

IV уровень: **распространение (эманация) / абсорбция** (порядок разделяющих признаков обусловлен семантическими особенностями основания воспитывающей, советской среды, их значимостью и актуальностью в ней)

<i>эманация</i>	<i>абсорбция</i>
1.	1. отделенное (слава, доблесть), на что надо равняться, начало: <i>первогвардеец</i> (↑)
2. целеустремление: <i>партиец</i>	2. решительность приобщения-выбора: <i>красногалстучник</i> (↔)
3. согласующаяся (поддерживающая идею) мораль: <i>советский человек</i>	3. поддержка выхода (воздушных границ) в выполнении защитного долга: <i>военлёт</i> (↓)
4. гарантия ее неотвратимости: <i>сын страны Советов</i>	4. обеспечение безопасной надежности: <i>военмор</i> (↔)
5. ее воплощенный типаж: <i>новый человек</i>	
<i>в проекции к своей перспективе – opus finitum достигаемого завтра</i>	

Развитие семантических признаков позитива советской действительности применительно к обозначению лиц можно было бы на основании всего описанного представить в виде последовательности, отображающей некоторую валентностную цепочку. Каждый из признаков ее состава представляет идею заложенной в языке советской действительности необходимости (категории оптатава) для человека, составляющих в своей совокупности внутренний категориальный смысл, развиваемый и отображаемый в статике и динамике – парадигматике и синтагматике определяемой парадигмосистемы. Уточнение признаков имеет условный и приблизительный вид, требующий и предполагающий в дальнейшем выведение кода, также в определенном смысле условного, способного внутренне непротиворечивым и достаточным образом представить и показать характер позитивно заряженных советизированных, применяемых к человеку и не случайных в своей повторяемости и отраженности соотношений. Выведенные в параметре наделенности 1) **самоотверженность**, отказ от себя во имя идеи и общего дела; 2) **заряженная** силой и волей **готовность** к действию ради этого; 3) **мобилизация** и вовлечение себя и других в необходимое проявление-действие; 4) **надежность** преданной, вер-

ной силы, опора действия, то, на что можно и нужно рассчитывать для достижения результата; 5) обеспечиваемая необходимыми качествами обладателя **результативность** проявления-действия, направленного на достижение поставленной цели (революционное преобразование общества, социалистическое строительство, формирование нового человека и т.п.), – способны в группе отмеченности приобретать приблизительно следующий вид применительно к перспективному общему в *opus finitum*:

1) исключительность основания-истока – свет человечеству – человечность высших идей – зарождения новой эры – гордое имя и слава начала – **вынесение**;

2) индукция знаний верного действия – величие – образец подражания – горение – особая атмосфера причастности – **целеустремление**;

3) неотклонение от избранного пути – непомерная сила – ориентированность – напряжение – постоянство преемственности – **мораль и идейность высокого долга**;

4) забота и попечение о людях, народах – прокладывание пути – светлый образ самого высшего – страстность действованиа – неопровержимое доказательство верности – **неотвратимость**;

5) верховность – высшая форма итога – умение побеждать – **воплощенное достижение**.

Матричное представление рассматриваемых признаков в их соотношениях, предполагая последовательно уровневый и углубляемый характер, имеет в своей основе различия двух-, трех-, четырех-, пяти- и семивалентного устройства, каждое место, валентность которого можно рассматривать и определять в отношении реального (реализованного в вербальной семантике) и потенциального (возможного и/или предполагаемого к реализации, обусловливаемого семантикой контекстов и словоупотреблений). С этим связывается неполная определенность перцепции исследуемой семантики языка советской действительности, как, впрочем, всякого языка, но в данном случае обусловливаемые валентной и уровневой

сдвигаемостью смыслов рассматриваемой парадигмосистемы. С одной стороны, релевантные ей, проявляющиеся на вербально-семантическом уровне смыслы имеют свойственный ей характер, с другой, они, как валентностные и соотносимые, неточны, а потому недостаточно ясны и определены. Все это необходимо учитывать при описании, тем более что излишне дробящая смыслы подробность в какой-то момент становится неизбежным препятствием пониманию. Выходом может быть описание системы как действующей в своих значениях парадигмы в условном и приблизительном соотношении с семантикой слов и лишь затем, на ее основе, возможное, соотносимое с ней, описание советского слова.

Основание советского опыта-приобщения – обдуктив

Обратимся теперь к значениям следующего, третьего, основания отмеченности – **опыта-приобщения** (обдуктива). К этому основанию были отнесены слова *блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афганец, льготник, заслуженный* (как почетное звание, присваиваемое за заслуги в какой-либо области – *агроном, артист, врач, мастер спорта, учитель* и пр.), *дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник, панфиловцы*. Характеризация советского приобщения-опыта, находящего свое отражение на примере отобранных слов, сводится в исследуемой парадигмосистеме к противоположению для обозначаемого человека того, что является следствием пережитого, через что он прошел, чего был участником, тому, что составляет его заслугу, чего он добился своим непосредственным проявлением-действием. Соотношение исходности и направленности иммутатива, вбирания и давания (абсорбции / эманации) информатива в опыте-приобщении приобретает характер соотношения **вещающей втянутости** (*блокадник, сталинградец, фронтовик, чернобылец, афга-*

нец, льготник, панфиловцы) и **обретенного достижения** (заслуженный, дояр-пятитысячник, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, мать-героиня, отличник).

На основе **вещающей втянутости** можно установить, что опыт советского приобщения, а потому и накладывающее на человека советской историей и действительностью отпечаток особой, советской, отмеченности, состоит в различии того, что в подобном совместном опыте отличает *блокадника* от *сталинградца*, того и другого от *фронтовика*, первых трех от *чернобыльца*, *афганца*, *панфиловца* или *льготника*. Установление этих отличий имеет, с одной стороны, условный и неочевидный характер, с другой, регулируется валентным движением выводимой системы и потому может быть воспринято как реализация для вербальной семантики потенциально возможного в ней. И, наконец, есть еще одно обстоятельство, влияющее на характер того или иного значения – место в концепции представления советской действительности для языкового сознания его носителей в отношении человека. Кем и чем является называемый человек, каково его место в том, что определяется как позитив отраженного в людях образа, впечатления, ощущения советской действительности, ее сенситива.

Попробуем на примере указанных единиц выбрать, с учетом сказанного, те признаки, которые будут определять характер вещающей втянутости опыта-приобщения. Оттолкнемся для большей наглядности от семантики самих этих слов. *Блокадник* – человек, переживший блокаду Ленинграда в 1941-1943 годах, тот, кто жил в осажденном городе, ощутивший на себе весь ужас войны, изоляции, голода, надеявшийся в полном отчаянии и безнадежности, оторванности от всех остальных, от (советской) страны, не сражавшийся, но остававшийся вместе со всеми советским, своим (в представлении позитивно заряженного, а потому идеологически аранжированного, образа советской действительности для сознания носителей). Оста-

вавшийся несмотря ни на что, вопреки всему, – горький опыт пережитой невозможности для себя ничего и никакого иного (опыта, кроме советского), отпечаток в душе проживания жизни в смерти и отсюда возврат в начало, обращение, своего рода вспять, как проверка на прочность, к исходу, истоку того, что советское как свое человеческое, единственное возможное, для себя и в нем, как то, что держит и оставляет и остается в прожитом опыте и, в конечном счете, в душе. Жизнь – как витальное проявление, устремление, начало и одновременный конец земного существования, в стечении, совмещении начала-конца – приравнивается упрямой ангажирующей прерогативой в *блокаднике* к тому, что советское, советское = жизнь в ее точке конца и начала, конца как начала, но не развернутого далее, а свернутого, как сгусток, аккумуляция, застывший в душе отпечаток-ком. Свернутое в этот ком и единственное, единственно возможное, хотя бы и тлеющее, для жизни, поскольку то, что вне, за границей охватывающего блокадой кольца, есть не советское, противоположное, альтернативное и враждебное, вражеское, несущее смерть и сама воплощенная смерть. Вмещающая втянутость опыта-приобщения в показанном проявлении места *блокадника* в восприятии образа советской действительности для советского языкового сознания связывается, таким образом, с представлением обращения к единственному возможному как началу-истоку (позиция 1 пятивалентного соотношения), а советский опыт и приобщение к нему в человеке может быть интерпретирован в отношении витального проявления-ощущения советской действительности как человеческой жизни (человеческих жизней).

Сталинградец, в условиях сказанного, как тот, кто участвовал в обороне города, воин и житель, сражавшиеся в нем до конца, своей непреклонной волей, готовностью отстоять и отстаивать каждый дом, каждую пядь советской земли до конца, в едва ли не самой кровавой и страшной по силе уничтожения битве второй мировой войны, решающей для судеб страны и мира, сумели пока-

зять, проявить негибкую силу воли и непоколебимость советского человека, свойственные ему и в нем проявляющиеся в моменты особой опасности, связываемой с угрозой существования советской жизни и советской страны. Все это позволяет предположить позицию 2 в отношении разбираемого основания витального приобщения-опыта.

Фронт как тот, кто во время войны оказался на фронте, был под обстрелом, на передовой, воевал, отличился и вышел, пройдя все возможное и невозможное, близкий от смерти, благодаря которому удалось победить, удержаться и выжить, в контексте языкового сознания советской действительности воспринимался и определялся тем, кто, вынеся фронт и войну на своих плечах, обеспечил свободу и жизнь всем советским людям. Значения, связываемые с понятиями о передовой, о фронте, о ведении военных действий в непосредственной близости от врага и, наконец, о победе, полученной в результате приложенных невероятных усилий с риском для жизни, дают возможность, в качестве профилирующих и ведущих, предполагать активизацию признаков позиции 3 (поддержка осуществляемого выхода ударной силы, приложение сил). Значения признаков позиций 4 и 5 (обеспечения и достижения, в связи с семантикой сохранения жизни и победы) можно рассматривать как последующие и проективные. Последовательность проекций *фронт – защита отечества – победа*, релевантных для *фронта*, со всеми следующими из них подзначениями (наступательность, выход вперед, на рубеж, позиция рубежа, близость носителя жизни к смерти, советского человека к врагу, ударная сила такого выхода – в отношении *фронта*; обеспечение и сохранение, предохранение от уничтожения существующего, имеющегося, того, что составляет витальный смысл советского бытия – в отношении *защиты отечества* и достижение, обретение необходимого результата – в *победе*), обращаясь вокруг позиций 3, 4 и 5, предполагает в качестве главной для данного слова ту,

которая апеллирует к *фронту*. Будучи определяющей, в комбинаторном своем отношении позиция 3 выступает как мотивация и как средство по отношению к 4 и 5, позициям, важным для реализации окончательной и объемлющей цели (*opus finitum*) советского существования, т.е. как обеспечение того, что служит возможности достижения, не являясь сама таковым.

Из приведенного рассуждения относительно отражения позиций в общей семантике советизированно ориентированного слова можно сделать вывод о роли значений и подзначений позиций в их сочетаниях применительно к референтному и/или сигнификативному, а с этим идеологизированного, воспитывающего, пропагандистского и др. компонентов вербальной семантики для языкового сознания. Позиция 3 для *фронтвика* может быть охарактеризована как позиция, релевантная, прежде всего, в отношении референта. В то время как 4 и 5, имея в большей степени ассоциативно-коннотативный и сигнификативный характер, дают возможность для реализации ангажируемых воспитательных смыслов. Вписанность семантики слова советизированного языка в воспитательную сверхзадачу, использование слов языка в дополняемых сопровождениями значениях, имеющих не контекстный, а закрепленный характер, – делают этот язык не просто идеологизированным, каким его принято определять, не только языком идеологии и ритуала, но и культура. Свойство, дающее возможность предполагать, без углубления в тему, закрытость семантики для непосвященных и не своих, что отнюдь не одно и то же и означает, помимо наличия не объявляемого многослойного *sacrum*, необходимость знания и проживания-опыта для верного понимания и ориентации в вербальной, со свойствами невербальной, семантике. Со свойствами невербальной, поскольку, не скажем, что наделенной магической, как в собственно ритуалах и культурах, но намагниченной функцией, с последствиями нередко экзистенционального ряда и вида. Эти знание и проживание-опыт, дифференцированные по

уровню и отношению к *sagum*, дают возможность по-разному понимать, точнее ощущать, семантику слов и отдельного слова. Различные и в чем-то существенном общие знание и переживание-опыт, накладываясь на язык, способны давать различные при своем взаимодействии с ним результаты. Попробуем показать это на следующем примере.

Как для адекватного понимания *фронтовика* необходимо представление о том, чем был *фронт* во время войны 1941-1945 гг. для советских людей в их совместном переживании-опыте, так же, для понимания и определения *чернобыльца*, необходимо представить, чем должны были быть (не обязательно были, поскольку важна в данном случае категория оптатива, а не индикатива) для советских людей *чернобыльцы* и *Чернобыль*. Как факт катастрофы, которой не удалось ни предвидеть, ни избежать, ни, в конечном итоге, в ее последствиях устранить, Чернобыль обнаружил в своем воздействии на сознание, в том числе и языковое, советского человека значение в известном смысле переворотное, став, подкрепленный апокалиптическими аллюзиями (звезда Полюнь) и перестроечными сопровождениями, свидетельством, видимым знаком конца. Среда, экология, окружение, подвергшись неотвратимому действию сил, вызванных к жизни советским строем, его людьми, их достижениями и трудом, и вырвавшихся из-под контроля в своем стихийном, неуправляемом и уничтожающем тех, кто их создал, начале и действии, эти советские, по своему существу, экология и среда стали внутренним выражением идеи пассивной жертвы, посвящаемой и приносимой во имя каких-то, кому-то нужных и проповедуемых идей. Не столько сознательно и намеренно приносимой и посвящаемой жертвы, сколько жертвы в силу неотвратимых последствий и обстоятельств, неконтролируемой неизбежности, головотяпства, бездарности, неспособности и т.д. и т.п. всех тех, кто решает, стоит у руля и руководит, кто направляет и от кого зависит. То есть, как неизбежное следствие, самой,

таким образом организованной и работающей, так вот устроенной советской системы. Ощущение в этом опыте-переживании, а затем и осознаваемое, формулируемое средствами массовой информации, положение жертвы и жертвенности, распространившись на всех, почувствовавших себя, как тогда об этом писалось и говорилось, заложниками системы, наиболее полное свое воплощение получило в представлении о *чернобыльцах*. Равно как тех, кто более других и в первую очередь пострадал, так и тех, кого на подобную пробу выставили, т.е. участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы¹⁸.

Функция позиции 4 – обеспечение безопасности проявившейся силы выхода (созданием АЭС в данном случае), ее поддержка, предохранение, сохранение, гарантия безопасности и надежности, – рассчитываемая на своих героев, чернобыльцев-ликвидаторов, и тех, кто поставлен на этом посту, чернобыльцев – жителей города и работников электростанции, эта функция обнаружила сбой, показала свою неспособность. Те, кто защитники и с этим герои, кого привычно было видеть и чувствовать как надежные руки и верные сердца, кто не подведет, защитит, отведет и предотвратит, обеспечив победу и достижение, даже в самых трудных и невозможных, превышающих человеческие возможности (но не для большевиков и не для советских людей!) обстоятельствах, эти защитники и герои, оставшись и будучи ими, не предотвратили и не смогли, в силу своей человеческой ограниченности, предотвратить катастрофы, поставившей под вопрос само человеческое, а с этим и неизменно советское, существование. Триумфального шествия не получилось, вынеся из всего этого социального опыта ставшую вдруг очевидной публичную мысль о заложничестве, невозможности выбора и обреченности человека в системе, подчиняющей его себе и его перемалывающей, приносящей в жертву своим желаниям и амбициям, своему оптативу, заставляющей о себе к тому же еще говорить и думать в желательном для себя ключе, далеко, если не прямо противоположном

тому, чем она в действительности, индикативе, по-настоящему есть.

Вторую группу слов разбираемого основания обдуктива (советского опыта-приобщения), третьего для отмеченности как параметра в описываемой парадигмосистеме, составляют *афганец, льготник, панфиловец*. Слова эти в их интересующем нас отношении, прежде чем сопоставить между собой, имеет смысл определить в каком-то объединяющем их отличии от рассмотренных перед этим *блокадника, сталинградца, фронтовика, черныбыльца*. Что составляет семантику специфичности этого опыта в некотором отличии, себя обнаруживающем в одной и в другой группе слов? Приобщение к чему в переживании советской действительности объявляют себя, с одной стороны, те признаки, которые были замечены в четырех рассмотренных *блокаднике, сталинградце, фронтовике, черныбыльце* по сравнению и в отличие от трех других – *афганце, льготнике* и *панфиловце*?

Искомое противоположение можно было бы определить как такое, которое предполагает внесение, включение в переживание, своего рода эмпатию, аккомодацию советского приобщения-опыта для первых четырех слов и вынесение, отделение от себя, дистинкцию, дизъюнкцию и сецессию для трех вторых.

Попробуем теперь уточнить и несколько объяснить семантику сказанного. Опыт советского приобщения к носителям определенного позитива предполагал их восприятие, по крайней мере, в двух отношениях. Либо как к тем, в ком видят как бы других себя, к кому ощущается адаптивное и присваивающее, сочувственное (эмпатическое) и уподобляющее, служащее примером и образцом (симпатическое), притягивающее и настраивающее, в том числе и пропагандистской системой, отношение. Отсюда возможны и правомерны такие определения, как **адаптация**, от лат. *ad-apto, atum* ‘приспособлять, прилаживать’, *apiscor, aptus sum* ‘достигать, доходить’; ‘постигать, усва-

ивать', и **аккомодация**, от лат. *assommodo* 'прилаживать, привешивать'; 'приноравливать, сообразовывать, приспособлять, согласовывать'. Либо, с другой стороны, отношение вынесения, как к тем, кто отделен, ни в чем не похож и не может никак быть похож на других, существующий по этой причине в себе для себя, в силу невозможности, неприменимости, неприложимости – дистинктивности его такого особого, а потому и не уподобляющего и не адаптируемого, не симпатического, переживания-опыта. Так он воспринимается, этого вида опыт, и так же передается, в таком оформлении и внутреннем, заряженном, сопровождении средствами пропаганды. Отсюда уместными были бы такие определения для него, как **дистинкция**, от лат. *distinctio* 'разделение'; 'различие, распознавание'; 'специфичность, отличительный признак, отличие'; *distinguo, stinctum* 'размечать, отделять, разделять'; *stinguo 'колоть'; **дизъюнкция**, от лат. *disjunctio* 'разобшение, обособление'; 'различие, несходство, расхождение'; *disjunctus* 'отдаленный'; 'не находящийся в связи, отличный, противоположный'; *disjuncto, junctum* 'разобщать, отделять'; 'удалять, отклонять'; 'проводить отличие, не смешивать'; или **сецессия**, от лат. *secessio* 'отход в сторону'; 'отделение, уход'; *secessus* 'удаление, уединение'; *secedo, cessus* 'уходить, удаляться'; 'отделяться, отходить, откалываться'.

Афганец (Разг. Участник войны в Афганистане 1979-1989 гг. [ТС-ХХв.] и ср.: афганцы 2. Разг. О советских воинах, принимавших участие в военных действиях на территории Афганистана (1980-1989) [БТС]), в рассматриваемом ключе, мог бы определяться как тот, кто, воспринимаясь в его дистинктивности в отношении пережитого опыта, в советском своем приобщении тяготее к позиции 3 – ударной, вынесенной вперед, за рубеж, из себя, поддержки осуществляемого выхода прилагаемой силы, а также и, как обратное, воспринявший, испытавший, переживший на себе такой же ответный удар (невольная жертва выносимых вперед, за пределы необходи-

мого и достаточного, т.е. защитного, силовых и ударных амбиций советской системы). *Панфиловец* (**ПАНФИЛОВЦЫ**, вцев, мн. (ед. **панфиловец**). *Воин 316-й стрелковой дивизии, героически сражавшийся под командованием генерал-майора И.В. Панфилова в Московской битве.* БЭС, 967 [ТСЯС]), также отдельный и дистинктивный в своем пережитом опыте, воплощает собой идею необходимого обеспечения проявившейся силы защитного выхода, предохранения, сохранения, оправдания, укрепления (позиция 4 в описываемой парадигмосистеме). И, соответственно, *льготник*, как имеющий льготы, делающие его непохожим, отделяющие его от других, воплощает собой в определенном смысле опытно переживаемую идею советского достижения, результата (5).

Рассмотренные значения приобщения-опыта (обдуктива), как третьего основания отмеченности, можно представить в следующей схеме:

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **приобщение-опыт** (обдуктив)

III уровень: **вмещающей втянутости**

IV уровень: **адаптация / дистинкция** (воспринимаемого приобщенного опыта)

<i>адаптация</i>	<i>дистинкция</i>
1. советская жизнь в ее точке конца и начала: <i>блокадник</i>	1.
2. негибкая сила воли и непоколебимость: <i>сталинградец</i>	2.
3. выход на передовую с целью обеспечения того, что составляет витальный смысл советского существования: <i>фронтовик</i>	3. удар-испытание долгом: <i>афганец</i>
4. предотвращение неотвратимой гибели: <i>чернобылец</i>	4. обеспечение необходимой защиты: <i>панфиловец</i>
5.	5. результатив возможного отдельного получения: <i>льготник</i>

[Советские опыт и приобщение в обдуктиве] обретенного достижения

Определение соотношений внутри обдуктива обретенного достижения для таких слов, как *заслуженный*, *дояр-пятитысячник*, *доярка-миллионерша*, *доярка-трехтысячница*, *мать-героиня*, *отличник*, имеет смысл начать с представления о том, чем является каждый из них в прокламируемой проекции советского приобщения-опыта, каково их возможное и полагаемое место в персонафицированном позитиве советской действительности. Для начала можно было бы разделить рассматриваемую группу слов на две, в одну из которых попали бы *заслуженный*, *мать-героиня*, *отличник*, а в другую – *дояр-пятитысячник*, *доярка-миллионерша*, *доярка-трехтысячница*. Основанием такого деления было бы становление-состояние обретенного в достижении для первой подгруппы и движущаяся, развивающаяся, не завершающая себя соразмерность, мерность достигнутого обретения для второй. Указанное основание имеет смысл рассмотреть в двух проекциях-отношениях.

В первом можно было бы говорить об особенностях обретенного достижения как о чем-то имеющем процессуальный характер, о том, что способно к движению, изменению положения, которое может быть измеряемо, фиксируемо в какой-то своей отметке и оформлении, в таком своем виде как данность. Иными словами, чтобы быть, стать *заслуженным*, или *матерью-героиней*, или *отличником*, равно как и *дойром-пятитысячником* или *дойрой-миллионершей*, необходимо такого своего состояния, положения достичь. При этом должен произойти, состояться такой момент, который и станет моментом отметки. До этого времени, положения, метки лицо не является (не считается, не определяется) как *заслуженный*, *мать-героиня*, *отличник*, *дояр-пятитысячник*, *доярка-миллионерша*. Различие между первой и второй подгруппой указанных слов сводимы к позиции 3 и 4 рассматри-

ваемого отношения. Позиция 3 предполагала бы идею остановленной на данный момент, в данной точке, отмеченной меры – вот сейчас, на данное время человек этот является *доярком-пятитысячником* (надоил, надаивает по пять тысяч литров молока от коровы в год), или *дойркой-трехтысячницей* (надоила, надаивает по три тысячи литров), или *дойркой-миллионершей* (миллион литров в год от всей группы своих коров). Но к этому он должен был перед этим идти и стремиться этого достигать. До этого времени и точки в своем таком продвижении он им таким не был, такой своей меры в себе, для себя не достиг. Позиция 4, с другой стороны, отмечает достигнутое не столько как перемещаемую и вероятную меру, сколько как состояние, положение уже обретенное и свойственное, определяющее и характеризующее человека в какой-то им перед тем уже преодоленный, осуществленный момент. В силу ли собственных, отмечаемых заслуг (*заслуженный*), в силу ли осуществленных действий для *матери-героини*, в силу ли внутренних качеств, определяющих его как *отличника*. Если кто-то *заслуженный* на сегодняшний день и стал уже им, или *мать-героиня*, равно как и в определяемом отношении и смысле *отличник* (поскольку это его характеризующая, а не отмечающая меру черта), то он уже не заслуженным, не матерью-героиней, также как и не отличником в принципе быть не может. Смена такого их положения-статуса предполагала бы становление другим человеком – через лишение звания, скажем, в *заслуженном*, преобразование *отличника* производства или учебы в кого-то другого, с утратой, потерей его самого для себя самого и т.п.

Дояр-пятитысячник, в этой связи, мог бы восприниматься как значимо, ударно высокая мера желательного приложения сил (позиция 3), направляемых к полному и необходимому обеспечению молоком, молочными продуктами и товарами сельхозпроизводства советских людей. В указанном представлении можно увидеть отображение также других позиций: направляемых (2) к обеспе-

чению (4). Молоко, молочные продукты, другие товары сельхозпроизводства, имеющие пропагандистски и реально определяемое, постоянно к тому же по-разному актуализируемое, значение для советской действительности также могли бы быть вписываемы в позиционные отношения, соотносясь с тракторами, автомобилями, самолетами, танками и т.д. и т.п. в системе общего представления советской языковой картины мира. Интересующие нас *дояр*, *дойрка* и др., связанные с представлением общего как его проекции и отражения, в рассматриваемом фрагменте оборачиваются не к трактору и не к молоку, и даже не к осуществляемым ими рекордным удоям, а друг к другу, в соотношении ими самими в себе отмечаемых свойств применительно к основанию обретенного достижения для советского приобщения-опыта (обдуктива). При такой постановке вопроса *дойр-пятитысячник* будет отличаться от *дойрки-трехтысячницы* тем, что, если в нем воплощает себя ударно высокая мера необходимо-желательного (3) для обеспечения граждан молочной продукцией, то в ней ее, несколько меньшая, мера будет восприниматься как позиция обеспечивающая (4). Немаловажным для ощущения соотносимого в позициях 3 и 4 смысла является также и то, что *дойр* и что *дойрка*, поскольку доение воспринимается как профессия женская (обеспечивающая функция в отношении ее социальной роли), а потому применительно к ней как *дойрке* ничем специфическим, помимо количественного определения, отмечаться не будет, что и находит свое отражение в идее обретенного ей достижения. *Дойр-мужчина*, в контексте советского знания, предполагает особую значимость, а потому и необходимость большего проявления силы с его стороны (ударность, позиция 3), по сравнению с привычной *дойркой* (позицией обеспечения 4). *Дойрка-миллионерша*, в контексте определяемых соотношений, могла бы рассматриваться как достижение максимально возможного мыслимо допустимого результата (позиция 5). Субъективно трудно себе представить нечто большее, чем миллион, в отношении надоенно-

го одним человеком, к тому же женщиной, советской труженицей. Это своего рода высший возможный и достижимый предел для профессии, а потому и реализуемый, не случайно, но в силу закладываемой идеи типичности, в слове *доярка*, не *дояр*. *Дояр-миллионер* мог бы вызвать, с одной стороны, представления совершенно иного рода (обладатель, скажем, миллионов рублей), а с другой, быть следствием непосредственного соотнесения с такой же миллионершей-дойяркой, выступая не как узуальное, но как контекстное словоупотребление.

Аналогичным образом можно было бы отнести, применительно к становлению-состоянию обретенного достижения, *отличника*, как проявленную в нем идею ударного приложения сил, к позиции 3; *мать-героиню*, в ее отношении к детям, как обеспеченному, сохраненному и поддержанному ею, тем самым, советскому будущему (охрана и ограждение, гарантия продолжения) – к позиции 4; и *заслуженного* – как воплощенный, итоговый результатив отмечаемого достижения – к позиции 5. Вся разбираемая группа выглядела бы тогда следующим образом:

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **приобщение-опыт** (обдуктив)

III уровень: **обретенного достижения**

IV уровень: **модулятив** (мера приложенных сил) / **фактитив** (становление-состояние)

<i>модулятив</i>	<i>фактитив</i>
1.	1.
2.	2.
3. ударно высокая мера приложения сил: <i>дойр-пятитысячник</i>	3. максимум достигаемого осуществления: <i>отличник</i>
4. необходимость полного обеспечения: <i>дойрка-трехтысячница</i>	4. обеспечение сохранности и продолжения: <i>мать-героиня</i>
5. максимум мыслимо достижимого результата: <i>дойрка-миллионерша</i>	5. итоговый результатив: <i>заслуженный</i>

[Семантика основания] положения (ситуатива)

Следующим, четвертым в порядке развития, основанием рассматриваемого параметра отмеченности будет основание **положения**, или **ситуатива**. Особенность соотносимых с ним семантических признаков проявляется в том, что они раскрывают типичные для советского образа жизни, советской действительности и советского существования отношения, обуславливаемые положением, местом, позицией, статусом, исполняемой должностью (но как местом и положением), отнесенностью к некоей группе – как к тому, что накладывает печать, служит меткой и средством распознавания человека в общественном организме, позволяя правильно и адекватно к нему относиться, его оценивать, воспринимать и о нем судить. Фактически речь здесь идет о месте для человека как способе селективного и правильным образом ориентированного отношения к нему, как в целом, так и в какой-либо данный, накладываемый обстоятельствами, момент. В известном смысле такие места и позиции можно бы интерпретировать как социальные роли, но мы останемся и будем придерживаться избранного для описания пятивалентного соотношения, которое, в продолжение к предыдущим трем (отличительность, окружение, приобщение-опыт), предполагает проекцию для четвертого какого-то своего советского положения, или ситуатива.

Поскольку слов, относимых условно к данному основанию, выделилось довольно много, попробуем для начала разбить их на группы, или ряды, уяснив себе признаки, профилирующие в том или ином отношении, советское положение, состояние, или ситуатив. Одним из таких оснований, предполагающих группу, могло бы быть нечто, дающее представление об особом, объясняющем исключительность обозначаемого лица, положении в советской системе. Социальная мотивация такой его исключительности могла бы себя отразить в семантике слов *первоочередник, лимитчик, остронуждающийся, дети* (как те, которым *всё лучшее*).

Еще одно основание могло бы вводить представление об особенностях советского положения, вносящего в обиход социального существования признаки нового состояния для человека: *безотрывник, выдвигенец, сезонник, совместитель, молодой специалист, нуждающийся, кремлевский горец, гость (гости нашего города), дети (разных народов), боевой друг и товарищ, дружбист* (лесоруб, работающий с бензопилой «Дружба» [ТСЯС]), *крылатый земледелец, очередник, первостроитель президент (рабочих и крестьян), полноправный труженик, соцсовместитель, съемщик (ответственный)*.

Следующее основание предполагало бы некую дополнительную в отношении социального положения человека, – в отношении обозначаемого лица, как его еще одна характеристика, по принципу «к тому, кто он есть, он еще и вот это другое», и в отношении советской системы, не требующей, но допускающей для каких-то дополнительных целей, еще одно проявление и общественное лицо в отношении человека. К этому ряду можно было бы отнести, из выбранных, такие слова: *вечерник, заочник, вузовец, вузовец, рабфаковец, дзержинец, воин-интернационалист, красный офицер, пэтэушник, профкнижник, красный юнкер*.

Еще одно основание предполагает возможность говорить об особенностях положения обозначаемого лица в социальной структуре, его отделенности и обособленности в отношении и на фоне всех остальных: *горкомовец, завкомовец, исполкомовец, комитетчик, обкомовец, парткомовец, райкомовец*.

И, наконец, последнее основание сводилось бы к уточнению его положения в отношении свойственной ему, отличающей его от других, общественной деятельности, проявлению в этой деятельности: *женорг, ответработник, партработник, райкомщик, женделегатка, сотрудник (научный, младший, старший)*.

Мотивирующая исключительность советского положения (первая группа из выделенных пяти) предполагает

ет проекциями следующие вероятные подзначения: 1) несомненность прав получения, приобретения положенного, в первую очередь, перед всеми, раньше всех остальных – *первоочередник*; 2) положение, состояние получения, обладания определенным правом, правами вследствие, в результате возможного, допустимого, но ограниченного норматива – *лимитчик*; 3) потенциальность возможного получения, мотивированная намеренность, обуславливаемая «силой нужды» – *остронуждающийся*; 4) положение, состояние, предполагающие предпочтение, исключительность в силу возраста, незащищенности, вероятного проявления в будущем ожидаемой отдачи и полноты, – *дети (всё лучшее детям)*.

Указанные соотношения внутри основания исключительности, назовем его эксцептивом, вводят новое представление о пятивалентном характере соплагаемых значений: несомненность, тяготеющая по своему смыслу к начальной точке, к исходу (позиция 1); ограниченный норматив, что можно было бы отнести, с учетом внутренней логики его характера, к точке последующего, т.е. направленности, заряженности, готовности (позиция 2); потенциальность, как укрытая в ней потенция силы, в отношении ощущаемой, переживаемой «нужды» (позиция 3); компенсация недостающей, в силу незащищенности и становления, полноты (позиция 4). Позиция 5, таким образом, остается незанятой. Параметром основания исключительности, получившим развитие на примере рассмотренных слов, было бы отношение к получению, мотивируемое правом (правами), вводимыми, налагаемыми советскими обстоятельствами. В первом случае это право *первоочередника*, т.е. первого в ряду остальных, ставшего первым, появившегося раньше других (по ряду в последовательности, серии, проявлении, становлении одного за другим – секвенция, градуальность, ранжирование). Во втором – это право накладываемого нормой ограничения (ограничительный норматив). В третьем таким правом оказывается сила нужды, потенция обусловленной поло-

жением необходимости (потенциальностный реквизитив). В четвертом – это право своего рода перспективного компенсатива. Каждый из этих указанных признаков, связанный с представлением мотивирующей исключительности положения, следует из особенностей советских концептуальных мотивов, ориентирующих языковое сознание его представителей на восприятие определенных вещей. Речь, тем самым, идет о фрагменте того состояния советской языковой картины мира, которое вводит в сознание ее носителей представление о том, что и почему может или должно отличаться правами в отношении получения в первую очередь, не в общей последовательности, не так, как у всех остальных.

Основание своеобразности нового вероятного положения человека (адьюнктива), порождаемого советским строем, советскими отношениями для него, могло бы также далее подразделяться по пяти валентно соотносящимся признакам (вторая группа слов из пяти). Первый из них можно было бы сформулировать в представлениях обособленности, невозможности или несвойственности, всем остальным – как того и такого, кто здесь от начала, кто первый – строил и создавал (позиция 1): *первостроитель*; того и такого, который является представителем, пусть и высшим, руководящим и направляющим, нового общества, нового строя, его ведущих классов и социальных групп (позиция 2): *президент (рабочих и крестьян)*; того и такого, который сидит на своем верху, все видит, все знает, всё имеет и всех имеет – высшая точка прилагаемой силы (позиция 3): *кремлевский горец*; того и такого (таких), которых необходимо встретить и проводить, познакомив их с достижениями, обеспечив, тем самым, себе в их лице одобрение, защиту на будущее и поддержку при каких-нибудь там условиях и на случай чего (позиция 4): *гость (гости нашего города)*.

Второй такой признак укладывался бы в представление об особой готовности, предрасположенности к дополнительно предполагаемому проявлению или действию,

налагающему специфические обязанности и требующему мобилизации, включения либо соответствия им (выделенность намерения свойственности) – в отношении точки исхода, выхода из состояния «покоя», до выдвижения, связанного с облеченным доверием и ответственностью (позиция 1): *выдвиженец*; в отношении способности к требующему особых усилий действию, «готовый и намеревающийся» соответственным образом себя проявлять (позиция 2): *совместитель*; в отношении того, кто работает, не покладая сил, проявляет себя в полную меру (позиция 3): *безотрывник*; в отношении того, кто, действуя периодически, время от времени, тем самым не полно, не в полную меру, но все же каким-то необходимо достаточным, хотя бы и не поощряемым, образом, обеспечивает своей работой, участием некое общее дело (позиция 4): *сезонник*.

Третий признак дает представление высокой меры и полноты проявления – начинающего как исходного (позиция 1): *молодой специалист*; летящего, а потому ощущаемого в своем направляемом, намеревающемся устремлении вверх, к вертикали (мобилизация и готовность позиции 2): *крылатый земледелец* и проявляющего себя в максимально возможном осуществлении сил (позиция 3): *полноправный труженик*.

Четвертый признак регулирует для основания свойственности отношения состояния и социальной позиции – применительно к точке начала-исхода как объясняющей его недостаточность, необходимость удовлетворения и восполнения (позиция 1): *нуждающийся*; применительно к следованию, порядку, приготовлению, ожиданию к удовлетворению (позиция 2): *очередник*; применительно к его способности, умению, роли, значимой полноте для советского общества предоставляемых возможностей (позиция 3): *соцсовместитель*; применительно к поддержке и оправданности такой его специфической роли, для советского коллектива (позиция 4): *ответственный съемщик*.

Пятый признак, представленный наименьшим числом, регулирует представления, укладываемые в отношения достижения, реализации в действии – применительно к значению начала-исхода (позиция 1): *дети (разных народов)*; полноты проявления силы (позиция 3): *дружбист* и поддержки, обеспечения, сохранения и надежности (позиция 4): *боевой друг и товарищ*.

Основание дополнительности, супплетарности (супплетива), разделялось бы в следующих отношениях: с точки зрения дополнительности обучения-производства (социального (само)развития, его направленности – позиция 2), в проекциях к меньшей, исходной (1) – *заочник* и большей, заряженной, ангажируемой (2) такой направленности – *вечерник*; с проявлением большей (3), с учетом участия в общественном производстве, силы – *вузовец* либо меньшей, поддерживающей, обеспечивающей будущее страны (4) – *вузовец*; с точки зрения дополнительности общественного проявления-участия (позиция 3), в проекциях его исхода-начала (1) – *пэтэушник*; нацеленного намерения (2) – *рабфаковец* и получения (само)обеспечения (4) – *профкнижник*; с точки зрения обеспечивающей общественное существование поддержки (позиция 4), в проекциях к началу-исходу (1) – *дзержинец*; намерению, направлению, приготовленности (2) – *воин-интернационалист*; полноте проявления силы использования (3) – *красный офицер* и обеспечения тыла (4) – *красный юнкер*.

Основание отделенности, выделенности, вынесенности на фоне всех остальных (сепаратив) укладывалось бы, соответственно, в отношения двух рядов – ведущего и направляющего (позиция 2) и сопровождающего и поддерживающего (позиция 4) соположения применительно к общей идее осуществления воли и власти. С проекциями первого ряда соотносимых по степени мер проявления первого как исходного и минимального (1) – *райкомовец*, следующего за ним второго, над ним, и как намерение, готовность (2) одновременно, служить, подчиняться, по-

следующему – *горкомовец*, более высокому над тем и другим в своей полноте (3) проявлению общего смысла обладания как ведения и направления (руководства) – *обкомовец*, с тем чтобы найти свое основание и поддержку, обеспечение в точке (4) – *исполкомовец*. Проекция второго ряда (позиция 4) предполагают в значениях отношения к точке 2 – носитель отмеченной власти как ею заряженный в ее направляющем волю, характер его положения, сепаративе: *комитетчик*; к точке 3 – как выражение наибольшей по силе идее типично советского сепаратива, отделяющего его от других в *парткомовце* и к точке 4 – как воплощение идеи поддержки, обеспечения себя осуществляющей власти: *завкомовец*.

Расположение внутри последнего, пятого, основания, предполагающего отношение к проявлению в деятельности (своего рода задействие, узитатив), с учетом, отчасти, уже рассмотренного, виделось бы в отношении двух не соотносимых рядов – нацеленности (позиция 2), с проекциями к точке 2, как организатор и руководитель (*женорг*), к точке 3, как выразитель женской позиции и полноправный участник организованного социального действия (*женделегатка*) и к точке 4, как исполнитель, поддерживающее и обеспечивающее, винтик в общественном организме (*научный сотрудник*, с внутренним подразделением позиций на 3 и 4 – *старший, младший*) и (позиция 3) полноты допустимой реализации, с проекциями, соответственно, к точке 2, направленность и готовность, заряженность, озабоченность, озадаченность (*ответработник*), к точке 3, в ее вершинности к приложению сил, со всеми отсюда последствиями к обязанностям и возможностям (*партработник*) и к точке 4, обеспечивание, раздобывание, бегание, работник на всё и на вся (*райкомщик*).

Рассмотренное четвертое основание параметра отмеченности – советского положения-состояния (ситуати-

ва), можно было бы показать обобщенно в его проявлениях следующим образом:

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **положение-состояние** (ситуатив)

III уровень: (1) **исключительность** (эксцептив) – (2) **свойственность** (адъюнктив) – (3) **дополнительность** (супплетив) – (4) **отделенность** (сепаратив) – (5) **задействованность** (узитатив)

IV уровень:

1. **исключительность**: 1 секвентная несомненность (*первоочередник*) – 2 ограниченный норматив (*лимитчик*) – 3 потенция силы нужды (*остронуждающийся*) – 4 компенсация недостающего (*дети, которым всё самое лучшее*)

2. **свойственность**: 1 отделенность – 2 выделенность намерения – 3 представление высокой меры и полноты проявления – 4 состояние социальной позиции – 5 реализация в действии

V уровень: 1 отделенность (1) первого: *первостроитель*

(2) высшего направляющего: *президент (рабочих и крестьян)*

(3) сидящего наверху: *кремлевский горец*

(4) обеспечивающего поддержку внешнего: *гость (гости нашего города)*

2 выделенность намерения – в отношении

(1) призванности: *выдвиженец*

(2) готовности к проявлению: *совместитель*

(3) проявления в полную меру: *безотрывник*

(4) периодически проявляемого обеспечения: *сезонник*

3 представление высокой меры и полноты проявления

(1) начинающего: *молодой специалист*

(2) устремленного вверх: *крылатый земледелец*

(3) максимального: *полноправный труженик*

4 состояние социальной позиции – применительно к

(1) необходимости восполнения: *нуждающийся*

(2) следованию к удовлетворению: *очередник*

(3) значимой полноте возможностей: *соцсовместитель*

(4) оправданию роли: *ответственный съемщик*

5 реализация в действовании – в отношении

(1) начала будущего: *дети (разных народов)*

(3) полноты проявления: *дружбист*

(4) обеспечение надежности: *боевой друг и товарищ*

IV уровень:

3. **дополнительность**: 2 направленность (само)развития – 3 проявление-участие – 4 обеспечивающая поддержка

V уровень: 2 направленность (само)развития

(1) меньшего как исходного: *заочник*

(2) большего как ангажированного: *вечерник*

(3) большего в своем участии-проявлении: *вузовец*

- (4) меньшего как обеспечивающего: *вузовец*
- 3 проявление-участие – в проекциях
- (1) начала-исхода: *пэтэушник*
- (2) нацеленности намерения: *рабфаковец*
- (4) получения-(само)обеспечения: *профкнижник*
- 4 обеспечивающая поддержка – в проекциях
- (1) начала-исхода: *дзержинец*
- (2) направленного намерения: *воин-интернационалист*
- (3) полноты проявления силы использования: *красный офицер*
- (4) обеспечения тыла: *красный юнкер*

IV уровень:

4. **отделенность**: 2 ведущего и направляющего – 4 сопровождающего и поддерживающего

V уровень: 2 ведущее и направляющее

- (1) минимально исходного: *райкомовец*
- (2) последующего второго и намеренного к третьему: *горкомовец*
- (3) более высокого к обладанию: *обкомовец*
- (4) обеспечивающего: *исполкомовец*
- 4 сопровождающее и поддерживающее
- (2) заряженного носителя власти: *комитетчик*
- (3) наибольшей по силе идее ее воплощения: *парткомовец*

(4) воплощение идеи ее под-
держания: *завкомовец*

IV уровень:

5. *задействованность*: 2 нацеленности – 3 полно-
ты допустимой реализации

V уровень: 2 нацеленность (2) организующего и
направляющего: *женорг*

(3) выразителя женской пози-
ции и воли как участника орга-
низованного социального дей-
ствия: *женделегатка*

(4) обеспечивающего движе-
ния исполнителя: *научный со-
трудник*

VI уровень: (3) полноты: *старший*

(4) обеспечения: *младший*

3 полнота допустимой реализации

(2) направленность: *ответра-
ботник*

(3) вершинность в приложении
сил: *партработник*

(4) обеспечение раздобывания:
райкомщик

[Основание советского] достижения (сукцессива)

Последним, пятым, основанием отмеченности, второго параметра описываемой парадигмосистемы, будет основание советского достижения (сукцессива), представляемое семантикой признаков, отображенных в словах *ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, значкист (ГТО), кандидат наук, краснознаменец (человек, награжденный орденом Красного Знамени), лауреат, орденносец, персональный пенсионер, передовой, лучший по профессии, ленинский стипендиат, хлебороб-стоцентнеровик, чемпион жатвы.*

Представление о достижении (сукцессиве) можно было бы уложить в соотношениях реализованного рывка, прорыва, для ведущего и стоящего впереди (позиция 1) – *лауреат, передовой, лучший по профессии, чемпион жатвы*; достижения осуществленной попытки, пробы как реализованного намерения (позиция 2) – *ворошиловец (ворошиловский стрелок), ворошиловский всадник, значкист (ГТО)*; достижения надежного обеспечения, гарантии продолжения и развития, продвижения вперед (позиция 4) – *кандидат наук, ленинский стипендиат, хлебороб-стоцентеровик*; достижения увенчания и обретения (сукцессив сукцессива, возможный осуществленный итог, результат – позиция 5) – *краснознаменец, орденосец, персональный пенсионер*.

Прорыв как исход ведущего и предстоящего определялся бы соотношением начальной точки (1) для *передового* – как того, кто достиг каких-либо результатов раньше других, стал первым, вышел в начало, вперед; точки отмеченно значимого, реализованного в достигнутом результате, намерения (2) для *лучшего по профессии* – как того, кто в своей заряженной на выполнение заданий и планов готовности отмечен как наиболее выраженный в полноте достижения для данной профессии; точки достигнутой в своей вершине, возможной для реализации в испытании (в данном случае жатвой), наибольшей на фоне других, полноты (3) для *чемпиона жатвы*; точки достигнутого, итогового результата (5) для *лауреата*.

Проба реализованного намерения могла бы получить свое воплощение в точках – того, кто, сдав соответствующие нормы по верховой езде, обнаружил намеренную готовность (заряженность силы, ассоциирующейся в своем сенсitive с конем) к потенциальному проявлению в предполагаемом действии (2) – *ворошиловский всадник*; того, кто достиг полноты возможного (стрельба, способность метко стрелять – как реализация независимости и силы в отношении потенциальной цели, полнота ощущения власти над ней – 3) – *ворошиловец (ворошиловский*

стрелок и одновременно, возможно, *ворошиловский всадник*); того, кто отмечен в своей готовности защищать, быть поддержкой, обеспечением вероятного выдвижения силы (с предполагаемой проекцией к военному и трудовому использованию, как едином и нераздельном в советском мировоззренческом представлении – 4) – *значкист ГТО*.

Надежность обеспечения и гарантия продолжающегося развития могла бы подразделиться по точкам (1) для ведущего и вперед смотрящего, первого, лучшего, образцового, отмечаемого как таковой – *ленинский стипендиат*; (2) для реализованного в своем намерении, готовящегося к дальнейшему продвижению, намеревающегося двигаться дальше – *кандидат наук* (потому он и *кандидат*); (4) для обеспечивающего, снабжающего, того, кто своим трудом и высокими показателями обеспечивает страну, государство зерном (семантика хлеба, зерна как поддержки и подкрепления) – *хлебороб-стоцентеровик*.

Достижение обретения в отмеченном увенчании (сукцессив советского сукцессива) можно было бы уложить в соответствии точек (2) – как отмеченной мобилизации, осуществившей себя готовности, силы реализованного намерения: *краснознаменец*; (3) – как отмеченной полноты: *орденоносец* и (4) – как отмеченного в своем жизненном результате, итоге обеспечения (материальное выражение поддержки поддерживавшего, обеспечивавшего общий и полный советский успех): *персональный пенсионер*.

Описанное для пятого основания второго параметра (сукцессива отмеченности) схематично можно представить следующим образом:

I уровень: **отмеченность**

II уровень: **достигнутость**

III уровень: (1) прорыв ведущего – (2) проба реализованного намерения – (4) надежность обеспечения и га-

рантия продолжающегося развития – (5) увенчание в обретении

IV уровень:	(1) прорыв	(2) проба	(4) надежность	(5) увенчание
(1) опережение:	<i>передовой</i>	–	<i>ленинский стипендиат</i>	–
(2) заряд:	<i>лучший по профессии</i>	<i>ворошиловский всадник</i>	<i>кандидат наук</i>	<i>краснознаменец</i>
(3) вершина:	<i>чемпион жатвы</i>	<i>ворошиловский стрелок</i>	–	<i>орденоносец</i>
(4) обеспечение:	–	<i>значкист ГТО</i>	<i>хлебороб-стоцентнеровик</i>	<i>персональный пенсионер</i>
(5) результат:	<i>лауреат</i>	–	–	–

Принадлежность / нужность как параметры описания

Место их в парадигмосистеме было определено как такое, которое предполагает обозначение человека как представителя некоторого объединения, коллектива, группы, массива, множества или числа, с отличием в признаках имманентного (кумулятивного) для принадлежности и придаваемого (аддитивного) для нужности отношения.

Принадлежащим, тем самым, следовало бы рассматривать в указанном отношении такое лицо, которое определяется как представитель, член определенным образом действующего, выполняющего задание, наделяемого какими-то социальными функциями, объединения, коллектива. Нужным – лицо не столько как представителя коллектива (коллектив может подразумеваться, но в обозначении не актуализироваться), сколько как направляемого, назначаемого, предполагаемого в коллективе,

нужного в нем для нормального функционирования, исполнения возлагаемых обязанностей и заданий, функционера и исполнителя соответствующей общественной роли. Отличие между тем и другим отношением к коллективу и в коллективе, членом и представителем которого данное лицо выступает, можно было бы воспринимать как внутреннее – того, кто находится в коллективе как его равноправный член и участник, и внешнее – того, кто приписан, придан ему для его, коллектива, привычных заданий и исполнительских целей. Примерами слов со значениями принадлежности могли бы быть *активист* (как член актива, понимаемого как группа и коллектив, наделенный определенными свойствами), *правдист* (как член редакции газеты «Правда»), *штабист* (работник, один из работников штаба, воспринимаемого как коллектив, группа лиц). Примерами слов со значениями нужности, соответственно, *плановик*, *кадровик*, *агроном*, *бригадир*, *председатель* – как такие работники и представители коллектива, определяющим смыслом, чертой которых является не то, что они в него входят, являются его частью, а то, что они ему необходимы как обеспечивающие, направляющие, реализующие нормальное его функционирование, общественные позиции и места.

Предметом типологического различения и семантических группировок внутри разбираемых параметров должны быть такие дифференцирующие условия, которые могли бы дать представление об особенностях концептуализации объектов реального мира, типичных и свойственных для языка советской действительности.

Интересующее нас типологизирующее проявление можно усматривать в характере типа объединения (коллектива, группы, массива) и представительства. Характер рассматриваемого значения в этом случае будет учитывать, по мере возможности, тип и характер, а также, отчасти, и степень советскости, заключенные *implicite* в обозначении.

Прежде чем взяться за эту задачу, в результате которой, на базе полученной типологии, можно будет решать проблему описания значений (семантических признаков) параметра принадлежности, представим недифференцированным пока что списком номинативные единицы, отнесенные нами к описываемому параметру, с тем чтобы увидеть их все. К единицам этим были отнесены (для наглядности даны в алфавитном порядке) *активист* (член актива), *боец стройотряда*, *вхутемасовец*, *гражданин*, *довженковец*, *досаафовец*, *жактовец*, *женотделка*, *жилтоварищ* (член жилтоварищества, объединения жильцов дома, жилого массива), *известинец*, *интербригадовец*, *каждый* (как член советского общества), *квартирант* (жилец коммунальной квартиры), *кировец* (рабочий Кировского завода), *койко-больной*, *комфут* (коммунистический футурист), *конармеец*, *конноармеец*, *конногвардеец*, *красноармеец*, *красногвардеец*, *краснопутиловец* (рабочий завода «Красный путиловец»), *краснофлотец* (рядовой Военно-морского флота), *красный*, *кухарка* (как представитель народа, которого надо было привлечь к управлению государством), *кухаркины дети*, *напостовец* (член группы писателей «На посту»), *низовик* (член низовой организации), *осводовец* (член общества спасания на водах), *осоавиахимовец* (член общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству), *партийный*, *подписчик*, *подпольщик*, *политотделец*, *политотдельщик*, *правдист*, *правленец*, *пролетарий*, *пролеткультовец*, *пролетписатель*, *рабочий*, *рабочкомец*, *рапповец*, *сельсоветчик*, *советский* (представитель власти), *совписатель*, *социалист*, *сочувствующий*, *тассовец*, *товарищ* (как каждый член советского общества), *управленец*, *фабзавкомовец*, *фабкомовец*, *член (сознательный ч. общества, ВЛКСМ, КПСС, почетный ч. бригады)*, *чоновец* (боец частей особого назначения по борьбе с бандитизмом), *штабист* (член комсомольского штаба ударной бригады, стройки).

Первое, на что следовало бы обратить внимание, разбирая представленные к анализу единицы, это на разный характер их внутреннего устройства и отношения к ощущаемой в них степени советизированной привязки. Высокой степенью подобной привязанности, поддержанной формой, обладают образования от характерных для новых явлений действительности аббревиатур инициально-буквенного (*досаафовец, жактовец, рапповец, тассовец, чоновец*) и сокращенного типа (*вхутемасовец, интербригадовец, комфут, конармеец, осводовец, осовавиахимовец, политотделец, политотдельщик, пролеткультовец, пролетписатель, рабочкомец, сельсоветчик, совписатель, фабзавкомовец, фабкомовец*); образования от имен собственных – фамилий известных деятелей (*довженковец, кировец*), названий газет (*известинец, правдист*) и творческих объединений, журналов (*напостовец*). Если в первой группе носителями новых явлений, тем самым советскости, можно считать аббревиатурные обозначения обществ, объединений, организаций, т.е. сами такие общества типа ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ, ЖАКТ, РАПП, ТАСС или ЧОН, то во второй есть такие, которые (ВХУТЕМАС, ОСВОД), не имея в своем структурном, буквенном и инициальном, составе ничего сугубо советского, возникнув в советское время, к таким новым явлениям, вызванным к жизни советской действительностью, советской концепцией жизни, примыкают, равно как и наряду с ними такие, которые свою советскость передают в элементах начала, имеющих соответствующее значение и/или употребление: *интер(национальный), ком(мунистический), кон(ный), полит(ический), пролет(арский), рабоч(ий), ком(итет), сель(ский), сов(етский), фаб(ричный), зав(одской)*. И хотя сами эти начальные элементы можно по-разному трактовать в их советской заряженности (одно дело, скажем, прямо идеологизируемые *интер-, ком-, полит-, пролет-, раб(оч)-, сов-* и другое вроде бы *кон(ный), ком(итет), сель(ский), фаб(ричный), зав(одской)*, такой прямой отнесенности не имеющие), с точки зрения смысла действи-

тельных отношений различие это малосущественно. Поскольку *кон(ный)* не просто *конный*, имеющий отношение к лошадям, а Конной Армии, гражданской войны, героический, командармов, тот, который выигрывал битвы, способствовал установлению советской власти, имевший значение для победы и ведения войны в тот период, а *ком(итет)* устойчиво связывается с советской властью, ее строительством и партийно-советскими организациями, *сель(ский)* – не просто *сельский*, а нового, советского села, где советское крестьянство, колхозы, совхозы, колхозный строй, фронт работ, хлеб, жатва, уборка, зерновые, приложение сил, обеспечение города сельхозпродуктами, где вечно нужны трудовые руки, а потому это крайне важное с точки зрения советской власти звено участия, заботы, (воз)действия по причине постоянных на селе нехваток и недостатка. Соответственным образом также *фаб(ричный)* и *зав(одской)* становятся носителями идеологизированных значений, связываемых с пролетариатом, рабочим классом как ведущим и передовым, сознательным строителем социалистического общества, воспитанием нового человека труда и трудом, с идеей индустриализации, ставкой на развитие промышленных отраслей, пятилетками, трудовыми буднями-подвигами, рабочими достижениями, соцсоревнованием и т.п.

Особо следовало бы как образования рассмотреть слова *женотделка* и *жилтоварищ*. Если первое можно рассматривать как суффиксальное образование от *женотделец*, с заменой суффикса (*женотдел* – *женотдел(ец)* – *женотдел(к)а*) по типу *комсомол* → *комсомолец* → *комсомолка*), чего, впрочем, сделать с полным основанием невозможно в силу специфики женского отдела, а потому образование *женотделка* логичнее было бы относить к образованиям через ступень¹⁹ (*женотдел* → ... → *женотделка*), то второе, *жилтоварищ*, только внешне выглядит как аббревиатура. Логичнее его представить следствием усечения аббревиатуры *жилтоварищество* с мотивацией (вторичной, подкрепляющей) имеющегося, совет-

ски отмеченного, *товарищ*, поскольку в слове *товарищество*, а также *жилтоварищество* такой отмеченности нет. В пользу такого направления мотивации (*жилтоварищ/ество* → *жилтоварищ*, хотя без элемента *жил-* будет *товарищ* → *товарищество*, но в этом последнем случае *товарищ* используется в другом значении – ‘содельщик, пайщик, соартельщик, компаньон’) говорит и то, что, если слово *жилтоварищество* нейтрально, то *жилтоварищ* окрашено стилистически (разг.-ирон., насмешл.) и в семантическом отношении по сравнению с *товариществом* смещено. *Жилтоварищи* – это не просто члены жилищного товарищества как объединения жильцов, это советское явление, глухое и опасное объединение самоуверенных, непритязательных, необразованных и бесцеремонно-грубых *товарищей* – хозяев жизни, дома и всех его обитателей.

Еще одну группу образуют слова, советизированность которых следует из типичности, активности модели словообразования, характерной для языка советского времени того или иного периода, сочетающейся с а) ощущаемым в слове, его внутренней форме и мотивации, отображением концепции человека – характерным для советизированного сознания отношением к нему, следующим из вырабатываемого в условиях и на основе экзистенциально-идейного опыта представления о нем, либо с б) идеологической и пропагандистской отмеченностью производящих основ соответствующих словосочетаний и слов, от которых было образовано данное слово. Примером случая (а) может послужить образование *койко-больной* (проф. ‘единица счета больных в стационаре медучреждения’ [ТСЯС]), полученное сложением по типу *человекодень*, *человекочас*, *трудодень*, а также *койко-день*, *койко-место* и заключающее в себе советизированно отмеченное представление о человеке как о месте и единице, привязываемой к месту, связываемой с местом. Примерами (б) – *конноармеец*, *конногвардеец*, *красноармеец*, *красногвардеец*, *краснопутиловец*, *краснофлотец*, полученные

суффиксально-сложным либо сложным (*краснопутиловец*) способом из соответствующих идеологически отмеченных словосочетаний *Конная Армия (Гвардия), Красная Армия (Гвардия), Красный путиловец, Красный флот*.

Третья группа представлена суффиксальными образованиями *правленец, управленец, низовик* (первые два в знач. ‘член правления, управления’, а не ‘работник сферы управления как отрасли’, поскольку в этом другом значении слова следовало бы относить не к параметру принадлежности). Советизированность их следует как из активизации словообразовательных моделей, в языке советского времени широко употребительных (*лишенец, пораженец, просвещенец, назначенец / плановик, передовик, фронтовик*), хотя и не специальным образом (ср.: *ополченец, переселенец, примиренец, приспособленец / ломовик, домовик, лесовик*), так и, что более значимо, из активизированной типичности мотивирующих явлений – сопровождаемых особым отношением и смыслом всякого рода советских командно-административных образований и форм.

И, наконец, последнюю, четвертую группу представляют слова и словосочетания, образование которых (*активист*) либо семантика (*боец стройотряда, красный, партийный, штабист*), либо употребление (*гражданин, каждый, квартирант, кухарка, кухаркины дети, подписчик, подпольщик, пролетарий, рабочий, советский, социалист, сочувствующий, товарищ, член*) связывается со смещениями, сдвигами идеологизирующего характера, являющимися следствием новых явлений в действительности либо совершенно иного, типично советского, отношения к ним.

Для иллюстрации сказанного покажем это на ряде примеров. *Активист*, ‘член актива какой-л. организации’ в интересующем нас отношении, а не просто ‘ее активный и деятельный представитель; общественник’ возникает в советское время на базе меняющегося значения слова *актив*. Что показательно, это первое, и только его, ‘член актива’, дает ТСУ. В свою очередь МАС, БТС, РСС его не

содержат, давая только второе. В „Новом словаре” Т.Ф. Ефремовой первое приводится через точку с запятой после второго. Из чего можно сделать два вывода – о порядке по времени появления: ‘член актива организации’ → ‘активный ее представитель’ → ‘общественник’ и о дальнейшем затем вытеснении, замещении первого вторым, вследствие которого это первое может не осознаваться носителями как самостоятельное, не выделяясь из второго и третьего или даже не воспринимаясь как таковое. *Актив* в советское время, на что указывают пометы в ТСУ (полит. нов.), развивает значение ‘наиболее передовая, политически закаленная и деятельная часть членов партийной или другой общественной организации’, даваемое в этом и последующих словарях как первое, т.е. ведущее и основное (ср. у Даля единственное: *Активъ* купца или банка ‘именье, наличность’, оттесняемое в советское время на вторую позицию). Тем самым, интересующее нас слово в его первичном значении (*активист* ‘член актива’) возникает как суффиксальное образование на основе регулярной модели (суф. *-ист*) от значения слова *актив*, появившегося и ставшего основным в советское время.

Слова́ *боец* (*стройотряда*, в знач. ‘член отряда, группы, организованной для выполнения определенной работы, какого-л. задания’ [ТСЯС]), *красный*, в знач. ‘представитель восставших революционных масс, сторонник советской власти’, *партийный* (‘член коммунистической партии’), *штабист* (‘член комсомольского штаба ударной комсомольской бригады, стройки’ [ТСЯС]) советизированными делает их семантика, являющаяся следствием возникновения соответствующего значения у слов, существовавших и существующих в русском языке также и в других своих, не советизированных, хотя бы и оттесненных (для *красный*, *партийный*), значениях.

Не простым и не однозначным может поэтому выглядеть их отличие от другой группы слов, советизированность которых смещается все же, скорее, в сторону не столько семантики, сколько употребления (смещенность

семантики следует из него). Но не окказионального и(ли) каким-либо образом ограниченного, скажем, профессией или средой, а общего речевого употребления, т.е. узуального и типичного. Основное отличие слов этой третьей подгруппы от предыдущей, как представляется, заключается в том, что отмеченность их возникает как следствие не столько знания соответствующих советских реалий (надо знать, что такое штаб комсомольской стройки, что такое советская власть и компартия для советской действительности, какие бывают работы, задания для молодых и т.п.), сколько втянутости в аранжированный, заряженный, коннотирующий контекст. *Гражданин* становится тем, о чем речь, т.е. членом советского общества, частью советского организма и представителем коллектива, когда он воспринимается или тянет за собой такие комбинаторные вариации, как *гражданин страны Советов (Советского Союза), все как один гражданин, настоящий (советский) гражданин, каждый гражданин обязан знать (верить, участвовать, соблюдать, чувствовать, понимать), обязанности гражданина (граждан), советский гражданин должен быть бдительным (показывать пример)* и т.п. С точки зрения значения, это то же, что и *гражданин* как таковой и вне указанных контекстов, т.е. ‘лицо, принадлежащее к населению какого-л. государства, пользующееся всеми правами и исполняющее все обязанности, установленные законами государства’ [ТСЯС]. В рассматриваемых употреблениях оно же, это слово, в неизменяемом и не смещаемом в целом значении, становится знаком, меткой особого назначения, роли, сопровождаемых целым шлейфом позитивно коннотируемых морализаторских, пропагандистских, воспитательных, эмоционально-чувственных и пр. компонентов, в том числе смысловых.

Таким же образом возможно представление слова *каждый*, усиливающего, подчеркивающего важность, ответственность, критичность, политическую или публицистическую остроту момента и обращения в контекстах

типа *Это должен знать каждый! Знать (помнить) всех и каждого. Обращаться к каждому. Каждый обязан обществу, в котором он живет (которое его воспитало)! Дойти до каждого! С мыслью о каждом. Заботиться о каждом. Партийная забота (партия заботится) о каждом. Партийное внимание каждому! Всех и каждого (охватить, это касается). От каждого по способностям, каждому по труду (по потребностям). Каждый – обществу, общество – каждому! Это по силам каждому! В советском обществе найдется дело каждому! Это (должно быть) близко (понятно) каждому! Как и гражданин, слово *каждый* предполагает подразумеваемым смыслом идею советского коллектива как целого, идею такого общественного устройства, которое предполагает сплоченность, единство цели, наличие общих ценностей, единый для всех несомнительный императив морали и поведения.*

Смысл представителя по параметру принадлежности предполагает своим объяснением отнесенность к характеру множества, объединения, коллектива, элементом и частью которого обозначаемое лицо выступает. В определенном смысле это касается слов и других рассмотренных групп, точнее подгрупп, таких, как *боец (стройотряда), партийный, красный, штабист, управленец, низовик, красноармеец, красногвардеец, известинец, вхутемасовец, досаафовец* и др., но там выразительная структура либо семантика слова своей устойчивостью не предполагали необходимость контекстного определения как основного. Для слов, назовем так условно, контекстного ряда, советизированный их смысл для параметра принадлежности следует из типичного употребления, воплощаясь в нем. Не структура и не семантика, осознаваемые носителями вне речевого использования, а привычно знакомый и представляемый контекст становится средством определения того или иного советского коллектива. Контекст не столько вербальный, сколько контекст окружения и погружения. Контекст как знание соответствующего фрагмента

действительности, элементом и объясняющей частью которой является соответствующий коллектив: коллектив советского государства, как организованной и направляемой массы трудящихся, в отношении *гражданин*; советского общества, как объединения сходным образом мыслящих, т.е. идейно, морально, ценностно и устремленно заряженных индивидов, для *каждый* и пр.

Квартирант, соответственно, в контексте сказанного, предстает не как тот, точнее не столько как тот, кто снимает где-то и(ли) у кого-то квартиру, и даже не просто как ‘жилец коммунальной квартиры’ [ТСЯС], а как представитель, часть коллектива таких же, как он, элемент и явление коммунально-общественного существования и нового (а потом и не нового) советского коллективного бытия²⁰. То есть как репрезентант коллективно-советского быта или, что то же, но как бы с другой стороны, бытового советского коллектива. *Кухарка* и *кухаркины дети* не просто как те, кто приходят после 1917 года на смену прежним чиновникам и государственной власти, а как представители нового социального слоя, захватившего или, в зависимости от знания и убеждения говорящего, именем и под предлогом которого большевиками была захвачена власть. *Кухарка, кухаркины дети*, тем самым, воспринимаются как представители не подготовленного, а потому управляемого и направляемого большинства, способного, при условии внушения ему идеи его ведущей и определяющей роли, браться не за свое, но ответственное и серьезное дело, быть ударной силой и рупором, готового, задавая тон, очень многое, по незнанию и недоумию, в государстве и обществе смять, испортить и закричать*. *Под-*

---

* В связи с подобного рода словами может возникнуть вопрос относительно их возможности отнесения к лексике позитива, имеющий отношение, как представляется, не только к диахронической, но и узуальной проекции. Изначальная либо приписываемая их позитивность со временем или в связи с позицией говорящего могла меняться на ироническую, неприязненную и осуждающую, как проявление неприятия, неодобрения, недовольства. Эпатирующий характер номинатива, за которым легко угадывается ведущий лозунг устанавливающей себя новой власти *кто был ничем, тот станет всем*, проявляя себя в представ-

писчик, аналогичным образом, должен восприниматься как представитель советского общества адресатов партийно-советской прессы, как тот, кто ее выкупает, должен ее выкупать, поддерживая и обеспечивая циркуляцию пропагандистского сектора, важное и обязательное звено партийного финансирования и государственной экономики, а также и потому ответственный, правильно ориентированный и сознательный член, объект и участник организованного общественного строительства.

Помимо значимости характера репрезентируемого лицом коллектива, в интересующем нас отношении важным следовало бы также считать некий векторный (он же, видимо, и валентностный) смысл, заключенный в обозначении. Смысл этот можно воспринимать как валентностно-векторный в том отношении, что он исходит от некоего когнитивно-оценочного представления как центра, одновременно и возвращаясь к нему. Проекция этих смыслов, расходясь, определяют семантику советизированных словоупотреблений (чтобы не говорить семантику слов), ощущаемую, чувствуемую, понимаемую, хотя не всегда до конца рефлексированную и осознаваемую в ее характерности и присутствии как дополнение, примесь в сплаве лексического значения. Сходясь, эти проекции, формируют, складываясь в пучок, получаемый из них когнитивно-оценочный центр.

Для слова *подпольщик* таким пучком, предполагая в значении употребления представление о соответствующей организации, активно действующей и сбитой конспиративно в кулак, был бы смысл и коннотация отваги, неподдаваемости, неустрашимой решительности, готовности идти до конца во имя общей революционной, затем советской, как ее продолжение, а потому благородной и светлой, идеи. *Пролетария* можно было бы, соответственно,

---

лении «даже те, о ком принято было думать с точки зрения их социального положения и подготовленности, способны и могут, после захвата большевиками власти, управлять государством», – этот смысл формирует идею, которая легко оборачивает себя двумя полюсами.

воспринимать как представителя класса, наделяемого признаками решительности и твердости, готовности последовательно и активно бороться за светлое будущее всех угнетенных, сознательного и бескомпромиссного, надежного и передового, в его историческом назначении и классово обусловленной психологии, строителя социализма, опору и авангард советского общества. *Рабочего* – как того, кто в силу специфики фабрично-заводского производственного труда, а также своей принадлежности классу, знает себе цену, твердо стоит на ногах, является носителем здравого смысла и верной оценки, наиболее крепкий, устойчивый и надежный в социальном и психологическом отношении представитель советского общества, строитель социализма, воплощаемая в человеческом материале идея начатков создаваемого будущего. Слово *советский* в интересующем нас повороте следовало бы определять и рассматривать как обозначение представителя и сторонника установившейся после октября 1917 года власти и проводящегося ею в жизнь государственного и общественного устройства, идейно, политически, социально и психологически детерминированного в отношении чувства уверенности в своем исключительном праве в связи с этим иметь, устанавливать и решать, хозяина нового строя и положения. Данное представление является следствием последовательного развития семантики слова *советский*. У В.И. Даля слово это, имеющееся в его словаре, трактуется только как ‘к совету, как учреждению, относящийся’ (*Государственный совет. Совет министров. Советские члены*). Значения в ТСУ и последующих словарях – ‘имеющий отношение, связанный с организацией власти Советов и общества’ (1), ‘находящийся, происходящий в СССР, свойственный стране советов’ (2), (а также ‘людям Страны Советов’ в МАС), ‘соответствующий мировоззрению и задачам рабочего класса, преданный советской власти’ (3), ‘связанный с деятельностью в советах как органов управления’ (4) и т.п. – представляют собой развитие семантики слов *совет(ы)*, *советский* в последовавшее за

1917 г. время. *Советский* – как представитель, принадлежащий и наделенный особыми признаками по сравнению с другими, теми, кого так назвать нельзя, этот смысл следовало бы, по-видимому, определять не как значение, а как употребление, складывающееся на базе выделяемых ТСУ четырех взаимосвязанных семантических проявлений и дополняемое соответствующими концептуальными и коннотативными уточнениями. Различного рода другие грани и проявления слова *советский*, неизбежно активного и разнообразного в словоупотреблениях, также можно было бы трактовать не столько в словарно-языковом, сколько в узуально-речевом отношении, поскольку семантика их неизбежно предполагает окрашивающий и вписывающий контекст и позицию говорящего²¹. Хотя, возможно, вопрос этот стоило бы решать исторически*, поскольку меняющиеся и развивающиеся грани его семантики, заметные из сопоставления словарных материалов ТСУ и МАС, не говоря уже о других словарях, несомненно, предполагают проекции времени.

Социалист, определяемый в интересующем нас ключе как представитель течения, направления, учения, стремящегося к построению общества на соответствующих началах, предполагает приписываемыми ему в языке

---

* В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина в своем словаре (ТСЯС) 4-м пунктом, в знач. *сущ.*, для *советский* дают ‘представитель власти, партийный, советский работник’, приводя пример из М. Зощенко *Старые счёты у попа с советскими. Очень уж много обид и притеснений*. Описываемое нами значение употребления тяготеет к данному, представляя собой его продолжение и развитие. Пример из Зощенко предполагает а) отнесенность ко времени периода установления советской власти (20-30-е годы), т.е. в известном смысле является семантически архаизмом; б) позицию говорящего – того, кто советским себя не считает, равно как и ими, *советскими*, не принимается за своего. Нечто подобное можно увидеть и в анализируемом случае – ‘уверенный в своем социальном и историческом праве иметь и решать, преисполненный чувства своей такой отличительности’. При этом позиция говорящего может быть как включающей (*Мы все здесь советские. Я советский. Насквозь советский. Советский в хорошем смысле.*), так и исключаящей (*Чего с него взять, с советского. Советские, они все такие. Я не советский. Отец мой совсем советский. Здесь, я вижу, одни советские собрались.*). А то и другое предполагать позитивные – гордость, поощрение, одобрение, похвалу, негативные – неодобрение, неприятие, осуждение, пренебрежение, иронические – горестные, насмешливые и констатирующие оттенки.

советской действительности проявлениями признаки, связываемые с убежденностью в необходимости упразднения частной собственности как источника эксплуатации, несправедливости и неравенства между людьми. Революционный, решительный, бескомпромиссный характер реализовавшего себя в государственной власти и потому направляющего общественные оценки большевизма *социалиста* первоначального смысла, относимого к запятнавшей себя социал-демократии, объявив *буржуазным*, замещает *социалистом*, приравненным к *большевику*. Понятие *большевик* включает понятие *социалиста*. *Большевик* должен быть *социалистом* по мировоззрению, в то время как *социалист*, действительный, а не буржуазный, организационно не *большевик*, но одобряет и признает правильность действий и методов, поддерживает, а потому также способствует и используется партией более воинствующих, решительных и потому в авангарде стоящих *большевиков*. *Социалистом*, следовательно, в этом контексте, может и должен считаться тот, кто стремится к цели, общей у него с большевизмом, не останавливаясь перед насилием по отношению к представителям угнетающих классов, равно как и всяких других, препятствующих и на пути стоящих (диктатура пролетариата в лице большевистской партии и ее руководства), перед возможными жертвами как неизбежно из этого следующими: *Лес рубят – щепки летят* и *Не разбив яиц, не пригостишь омлета*. Тем самым, *социалист* наделяется признаком непримиримости, беспощадности, классовой нетерпимости в оценке людей и жизненных обстоятельств. *Социалиста* в каждом из представителей советского общества, таким образом, следует воспитать. Каждый *советский* должен быть *социалистом*, ибо этот последний и есть, по своим убеждениям, тот, кто способен в необходимом и заданном направлении действовать, кто готов одобрить, признать целесообразность и правильность, социальную, политическую, историческую, стратегических и тактических мер, приемов, кампаний и мероприятий коммунистической партии

большевиков. В известном смысле, тем самым, *социалист* при таком понимании есть желательный получаемый продукт, орудие достижения цели, опора и человеческий материальный ресурс в отношении как прокламируемых, так и достигаемых целей субъектов власти, а с этим всем и заявляемого ими *opus finitum*.

Сочувствующего в этом ряду можно определять и рассматривать как того, кто, в целом поддерживая, но не являясь для партии власти своим, характеризуется неготовностью принимать и поддерживать всех ее целей и действий безоговорочно и до конца. На *сочувствующего* невозможно рассчитывать, но можно и нужно использовать его психологический, социальный, моральный и творческий потенциал, стараясь, где надо, нейтрализовать возможные в нем колебания, неприятие и неодобрения, особенно их общественный резонанс, манипулируя, изолируя и перетолковывая одно и другое. Признаками *сочувствующего* в рассматриваемом ключе, таким образом, становятся следствия его промежуточной принадлежности к не пролетарской и беспартийной массе стоящих рядом, пассивных, не противоречащих, не врагов, но и не тех, на кого можно и следует положиться, определяемые как нерешительность, колебания, неактивность, при внутреннем согласии и признании, связываемые с необходимостью приложения дополнительных манипулятивных усилий и ограниченными возможностями общественного использования применительно к политическим целям.

Товарищ и *член* (но какой-то сугубо советской организации, объединения, группы – профсоюза, компартии, комсомола, ячейки, актива, кооператива и пр.), применительно к рассматриваемому параметру принадлежности, акцентируют в себе в первую очередь признаки полноты отнесения, бессомнительности вхождения, тождества с коллективом. Эмоционально заряженного единения-тождества в первом случае (для *товарищ*), из чего следует его собственный, побуждающий к этому, императив, либо единения подчеркнуто констатирующего (для *член*), из

чего, в свою очередь, следуют сознательность и ответственность для него как следствия его собственного и добровольного выбора. *Товарищ* при этом воспринимается и должен быть объяснен как советский и свой, принадлежащий всему, что советское, в его общественном целом и по отдельностям различных объединений и групп. *Член* – как относящийся, принадлежащий к данному обществу, организации, коллективу, группе, связанный с ними, их составная и необходимая часть.

Множества и представительства применительно к принадлежности

Рассмотрим в последующем фрагменте проявление параметра принадлежности, на данном этапе пока что вне возможного соотнесения с представленной перед этим семантикой слов. Определение это следует воспринимать как поиск динамизирующего начала, пускающего в движение механизмы производства и восприятия смыслов, которые способны входить, насыщая собой, в семантику явных и скрытых проекций оценочно-когнитивных номинативов – слов языка советской действительности. Соотнесение этих признаков когнитивного целого с узуальной семантикой советизированных слов (какой-то одной из возможных во временном и интенциональном пределе), видится необходимым рассматривать как отдельную и самостоятельную задачу.

Для начала попробуем подойти к проблеме параметра принадлежности с точки зрения представительства – отношения лица к тому коллективу, частью которого он выступает и себя в нем как эта часть обнаруживает. Имело бы смысл для этого обратиться к понятию коллектива. Коллектив, определяемый словами *актив* или *штаб*, *стройотряд*, объединение лиц в представлении единиц типа *РАПП* или *Красный Флот*, *компартия*, либо те, кого относят к таким категориям, как *советские писатели*, *ку-*

харки, сочувствующие, подписчики, или обозначаемые как *члены, товарищи* (любые потенциально возможные советские члены и товарищи = граждане), – все эти группы и виды объединения лиц в организационном, точнее, организуемом своем отношении не одинаковы.

Затронутая проблема номинативной дифференциации, влияющая на характер как понятийного, так и затем лексического и грамматического оформления и представления смыслов и слов, восходит к тому, что в лингвистике принято изучать и рассматривать в приложении к категории и типологии множеств в их отношении к семантике категории числа. Поскольку, однако, не этот аспект проблемы нас будет интересовать, возможную по этому отношению типологию множеств (с представлением человеческих множеств также и в том числе) оставим здесь без внимания, отослав читателей к специально посвященной этим вопросам работе О.Н. Ляшевской²². Необходимым для интересующего нас подхода представляется различение, последовательно ею используемое, дискретных и недискретных множеств (совокупностей). Множества она определяет в отношении к функции, объединяющей членов состава: *артель* (ср. *рабочие*), *делегация* (ср. *делегаты*), *библиотека* (ср. *книги*), *пачка* (ср. *листы бумаги*). И добавляет к этому предполагаемые признаки единства места и обзримого количества элементов, оговаривая, что «Число элементов $a \in \text{rg} \text{ } \rho$ не фиксировано, но каждое понятие включает представление о примерном числе элементов (в норме)».²³

В отличие от множеств, совокупности представляют собой объединения, основывающиеся не на естественных группировках элементов, а на «категориальном членении воспринимаемого человеком мира». «Совокупности – это классы, задаваемые определенным набором признаков. ... Отнесение нескольких предметов к совокупности означает наличие у них общих признаков.»²⁴

Опираясь на представленную в связи с различением множеств и совокупностей логику, попытаемся типо-

логически подойти к интересующему нас объекту – коллективам (объединениям, классам) тех представителей, которые получают обозначение, определяемое нами как принадлежность внутри изучаемой парадигмосистемы. Это типологическое распределение позволит на следующем шаге более точно определить их позиции, место в устройстве параметра и отношения друг к другу. Основу деления должны составлять наборы семантических признаков, воспринимаемые как такие, которые связаны с представлениями о естественных группировках элементов (множества) либо с понятиями, отражающими представление о категориальном членении воспринимаемого человеком мира (совокупности).

В основе рассматриваемого деления лежала бы, в качестве первого противопоставления, оппозиция такого способа представления лиц в отношении к их параметру принадлежности, которое можно бы было представить идеей собрания или собирания, назовем это словом *массивы* (*massiva*), другому способу, полагаемому в идее, которую можно увидеть не в собирании, а в распылении, рассеянии, расхождении, назовем их *дисперсности*, или *дисперсивы* (*dispersiva*). Массивы затем, в свою очередь, можно было бы разделить на *объединения* и *приобщенности* (*приобщения*), а дисперсивы – на *дескриптивы*, или приписываемости (приписанности), и *отнесенности* (отнесения).

Если идею массива дает представление об организуемом множестве представителей, объединяемом по общему основанию и ограничиваемому как внешнее (объединения) либо не ограничиваемому как внутреннее и приписываемое им свойство-ориентир (приобщения), то идею дисперсностей составляет знаковый, отличающий, отделяющий от других (дескриптивы), и потому так же, как и для объединения, внешний характер признака либо, напротив, относящий к единому общему, и потому приобщающий, также отчасти кумулятивный и внутренний, признак не организуемого, не ограничиваемого, а потому

и не множества и в общем-то и не совсем совокупности, поскольку скорее рассыпанности, но какого-то отнесения (отнесенности).

Попробуем эту сложную, может быть, без иллюстрации мысль дать несколько более обстоятельно и на примерах. Первый ряд из представленных четырех мог бы быть составлен из номинативов, объединяемых по признаку обозначения 'тот, кто входит в объединение', является его репрезентантом, и это объединение представляет собой ограниченный и легко осознаваемый в числе своего состава организованный коллектив. То есть, по определению словарей (и здесь мы подходим к понятию *коллектива*), 'совокупности людей' (однако не в строгом значении этого слова, поскольку скорее множества, если исходить из рассуждений об их отличии; МАС, избегая понятия совокупности, дает 'группа лиц'), 'объединенных общей работой, общими интересами' [СИС] (в МАС 'общей деятельностью, общими интересами'). То есть выполнением общей функции и объединенных местом и временем, по крайней мере воображаемыми (если исходить из того, что сказано по этому поводу у О.Н. Ляшевской). К ряду подобных и, забегая вперед, можно сказать, что коллективы в рассмотренном смысле через своих представителей оказались отображены именно в этом первом ряду, следовало бы отнести из отобранных нами слов для параметра принадлежности *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут, кировец, краснопутиловец, напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец, конармеец* (боец Конной Армии Буденного), *конноармеец, жактовец, женотделка, жилтоварищ, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик, управленец, штабист, активист* (член актива), *фабзавкомовец, фабкомовец* (если иметь в виду, начиная от *жактовец*, членов соответствующих объединений, коллективов, а не работников какой-то отрасли).

Номинативы второго ряда, по признаку приобщения, объединяют в качестве обозначаемых тех, кто, может

быть и объединяемые общей деятельностью и интересами, в строгом смысле не составляют ограниченной местом и временем организованной группы. Точнее было бы это определить в отношении отображаемой в значении слова ориентированности, заряженности неким свойством, следующим из отношения обозначаемого словом лица к некоему массиву (не обязательно представляемого числом) ему подобных и так определяемых лиц. Называемый в этом случае проявляет себя не как ‘тот, кто входит’ в объединение, а как ‘тот, кто носитель’ и воплощение объединяющих некую массу подобных ему представителей свойств. К словам подобного ряда можно было бы отнести из отобранных для параметра принадлежности *красный, партийный* (в том числе также и тот, кто не обязательно является членом партии, но выступает носителем ее свойств, проводником и последователем ее целей, идей), *пролетарий* (как один из таких же, как он, пролетариев, носитель и воплотитель, заряженный кумулятив общности массе, к которой принадлежит, а не просто определитель его социального положения в отличие от других, т.е. не пролетариев, что делало бы его дескриптивом дисперсности), *пролетписатель, рабочий, социалист, сочувствующий, активист* (как политически активный), *штабист* (как носитель соответствующих признаков, ср. *типичный штабист*), *управленец* (*обыкновенный управленец*)

Третий ряд можно было бы определить по признаку ‘один из числа таких же, как он’, причем такое его определение не предполагает закрытости ряда, ограничения местом и временем (что может быть следствием речевого контекста, но не лексического значения). В отличие от признаков двух предыдущих рядов обозначаемый соответствующим словом не выступает носителем свойств своей массы, скорее свойств своего положения. Масса таких же, как он, собственно говоря, и не мыслится как некий массив или масса, скорее, наоборот, как рассыпанное, дисперсное проявление во времени и в местах неких

свойств занимаемого такими, как он, положения, воплощением которого, как позиционного проявления и явления (и, соответственно, представителем, одним из таких же, как он), обозначаемый выступает. Из отобранных для параметра принадлежности к этому ряду можно было бы отнести слова *гражданин, каждый, квартирант, койко-больной, подписчик, подпольщик* (как тот, кто занимается подпольной деятельностью), *советский* (как представитель власти), *совписатель, кухарка, кухаркины дети, низовик*,

И, наконец, четвертый ряд представляет лицо в отношении 'тот, кто выступает, обнаруживает себя, проявляет, наряду с другими и равный другим таким же', будучи выделен, взят, обозначен как обособленный и отдельный (дисперсный поэтому) представитель, возможно некоей массы или объединения, коллектива, множества и совокупности: *товарищ* (как свой, представитель советского общества в целом либо какой-то организованной части его, партии, организации, коллектива, близкий по духу, позиции, месту и равный другим), *член* (какой-либо советской организации, объединения, коллектива). Сюда же можно было бы отнести слова *гражданин* и *каждый*, если иметь в виду для них представление типа *Высокое звание (советского) гражданина обязывает* или *Каждый (в Советской стране) способен на подвиг; Это близко сердцу каждого* и т.п.

Необходимым видится выделение еще одной разновидности взятых вне употребления номинативов, объединяющих оба противоположаемых показателя, массива и дисперсности, своего рода дисперсно представляемых массивов, т.е. таких, которые предполагают в обозначаемом проявление признака отнесенности к массе, распыленной, рассыпанной в объединениях как своих представительствах. Масса, объединение мыслится как существующая в виде дисперсных, распыленных, разделенных объединений (коллектив коллективов). На этом основывалось бы отличие, скажем, таких не рассыпанных

(мыслимых как единое) объединений, как ВХУТЕМАС, киностудия имени Довженко, ТАСС, редакция газеты «Известия» и, соответственно, *вхутемасовец, довженковец, тассовец, известинец*, как их представителей, от объединений типа Красная Армия, отряды чрезвычайного назначения, стройотряды, интербригады, Конная гвардия, Красный флот, предполагающих проявления чего-то единого во множественном и реально не одном. К этому пятому ряду можно было бы тогда отнести номинативные единицы *чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадонец, конногвардеец, краснофлотец, жактовец, женотделка, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик* (если иметь в виду, начиная от *жактовец*, работников соответствующих отраслей), *активист, управленец, штабист* (как представители соответствующего общественного звена), *досаафовец, осводовец, осоавиахимовец*.

Переход к номинативам семантики представительных множеств

Проявившие себя в рассмотренных соотношениях отличия совокупности и множества; коллектива, массива и дисперсности; объединения, приобщения, приписанности и отнесенности, в употреблении для некоторых слов предполагающие неполную или неясную реализованность, основываются, как представляется, на том, какой показатель выступает тем объединяющим признаком, на основе которого производится обозначение лица. На том, фактически, какие имеются представления у носителей языка, знающих советскую действительность и ориентирующихся в ней, о подразумеваемом в обозначении лица, стоящим за ним, коллективе. Одно дело, скажем, такое объединение, как завод имени Кирова или редакция газеты «Правда», представителем, членом которых является данное обозначаемое лицо (*кировец, правдист*), как организован-

ного и ограниченного местом и временем коллектива. Другое дело *красноармеец* и *красногвардеец*, близкие первым в идее выразительно значимого, знакового, представительства в отношении таких, как они (Красной Армии, Красной гвардии), при различии характера воображаемой массы, неограниченной и дисперсной, но все же организованной как массив. И третье, отличное от первых двух, представление о массе, стоящее за словами, можно заметить в таких единицах, как *красный*, *социалист*, *кухарка*. Представление, не сразу, не прямо и не обязательно возникающее, поскольку в данном случае на первое место выносятся семантика не то, чтобы представительства, сколько признака, отличающего данное лицо от других. Тем самым, *красные*, *социалисты*, *кухарки* в сознании советского говорящего воспринимаются не столько в объединяющем их массиве-числе, сколько как противопоставляемые не красным, не социалистам и не кухаркам, т.е. так же, как формы единственного числа для отдельных лиц, хотя и то и другое не расчлененно. Стоящие все же за представлением все те, кто красные, социалисты или кухарки, не воспринимаются ни как дисперсности, собственно, ни как массивы, ни, тем более, как организованные объединения-коллективы лиц. Семантику объединяющего их признака можно было бы описать и представить как флукутирующе вычленяющую – разлитую в своем качающемся, неопределенном определении, выделяющем своих представителей из всего числа человеческих (советской действительности) лиц. И, наконец, совершенно иное соотношение с объединяющим большим следовало бы отметить для слов типа *гражданин*, *товарищ*, *каждый*, для которых значение представительства, равно как и изображение о массе-числе может, но не обязательно и не в первую очередь, должно иметь сколько-нибудь ясно воспринимаемый характер. Такое соотношение можно было бы определить как значение наделяюще-выделяющего обособления-выбора из некоей не определяемой далее и не до конца представимой, а потому и не

массы-числа, но скорее чего-то похожего на мыслимый в человекоподобии пространственно-временной проектив действительности, своего рода советизированный антропохронотоп.

Параметр принадлежности, таким образом, содержит внутренне признаки организованного и не организованного, выделяющего, разлитого, приписывающего, отличающего, обособляющего и, напротив, присоединяющего отношения данного к большему – значимому и представляемому в обозначаемом, равно как и нет. Общие, универсальные свойства, накладываясь на свойства, следующие из опосредуемых языковым сознанием представлений советской действительности, объединяясь с ними, дают в своем результате то, что будет предметом определения в описываемой парадигмосистеме.

Вернемся теперь к представлению проекций параметра принадлежности применительно к его советской специфике.

Вид его, не без учета ранее сказанного, но без упорядочивания и разнесения всех составляющих по возможным местам, мог бы быть следующим:

1. Принадлежность большему, включающему в свой состав обозначенное лицо как своего представителя по признаку его вхождения, отношения к коллективу (т.е. ограниченному числом, по месту, времени и организованному объединению, кругу лиц), характеризующему в отношении *вынесения* (особенный, специфический, исключительный, носитель особых, советски значимых либо советской действительностью вызванных к жизни свойств, – тем самым, точка исхода, выдвижения в рассматриваемой пятивалентной схеме): *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут, кировец, краснопутиловец, напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец.*

2. Принадлежность большему по признаку общего обладания свойствами, советски ориентированными или востребуемыми, у массива (т.е. не воспринимаемого как ограниченного временем, местом, числом, не обязательно

также каким-то образом организуемого), определяясь, тем самым, отношением **наделенности** (точка готовности, заряженности, ориентированности, направленности): *красный, партийный, подпольщик**, *пролетарий, пролетписатель, рабочий, советский* (как представитель власти), *совписатель, социалист, сочувствующий, кухарка, кухаркины дети*.

3. Принадлежность большему по признаку отнесенности к организуемому массиву, представляемому, дисперсно и не дисперсно, как коллектив (Конармия, стройотряд, отряд ЧОН, интербригада как отдельная группа лиц) или собрание, объединение коллективов (Красная Армия, отряды ЧОН, стройотряды) – отношение **призвания**, задания, назначения (точка осуществления выхода, ударной направленной силы, реализации, претворения, овеществления революционных заданий социалистического строительства): *чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадовец, конармеец, конноармеец, конногвардеец, краснофлотец*.

4. Принадлежность большему также по признаку отнесенности к коллективу или организуемому массиву, собранию коллективов, как в позиции 3, – через отношение **поддержки**, обеспечения, осуществления, реализации не прямо направленного, а сопровождающего, подхватывающего участия (позиция возвращения как сохранности

---

* Но не как член какой-то подпольной организации, скажем, как в употреблении типа *За этим стояла организованная группа подпольщиков. Это было сделано подпольщиками. Подпольщики действовали осторожно. Подпольщиков выдали гестапо. или Он был и остался (в своей душе) подпольщиком*, т.е. тем, кто, имея опыт и память деятельности в сплоченной, связанной опасностью и общими целями организации, привык мыслить, действовать и чувствовать соответствующим образом, сохранил в себе свойственные таким героям самоотверженность, решительность, порядочность по отношению к товарищам, умение выходить из сложных ситуаций, быть постоянно начеку, не выдавать своих намерений и т.п. В первом случае (член организации) подпольщика следовало бы отнести к первому ряду, как того, кто входит в некое объединение-коллектив, во втором – ко второму, как носителя свойств, объединяющих некую массу таких же представителей.

осуществленного выхода): *досаафовец, осводовец, осо-
авиахимовец, фабзавкомовец, фабкомовец.*

5. Принадлежность большему по признаку представительной отнесенности к некоему воображаемому образованию (представляемому и нет) как к реальности советского общественного устройства, советского общества в целом, его структуре и ее составным частям, – через отношение *охвата* (а потому как бы оформленного общественного советского результата, позиция 5): *гражданин, каждый, квартирант, койко-больной, подписчик, товарищ, член, жактовец, женотделка, жилтоварищ, низовик, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик, управленец, штабист, активист.*

Позиции принадлежности

1.1. Позиция исхода, активизации, выдвижения – заявляющие о себе, о своей отдельной такой особенности, осознающие ее в себе и воспринимаемые как таковые: *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут.*

Деление последующего уровня, представляющегося отражением последовательно ориентированных смыслов – 1) вызванные к жизни советской властью, социалистическими условиями и обществом (выдвинутые ими в своей особенности, позиция активизации выдвижения); 2) заряженные, ориентированные, подготовленные ею (подготовившие себя, заявившие об этом) в своем предполагаемом участии в общем деле революционных преобразований общества и социалистического строительства (позиция заряженности выдвижения); 3) реализующие в своей активно направляемой ими деятельности возложенные на них советским, социалистическим призванием задания и цели (позиция поддержки выхода, направленной ударной силы – поддержка выдвижения); 4) обеспечивающие, сопровождающие, создающие необходимую защиту, расши-

рение, опору в массах (позиция поддержки возвращения – обеспечение, сохранность реализуемого выдвижения); 5) результируемые в своей советскости как получаемые в ее итоге (позиция результата выдвижения), – это возможное деление для рассматриваемых слов следует считать весьма условным.

Предлагаемое, таким образом, деление на 1.1.1. *вхутемасовец*; 1.1.2. *комфут*; 1.1.3. *правдист*; 1.1.4. *известинец*; 1.1.5. *довженковец* не следует рассматривать как единственное. При другом основании деление может быть и другим. Демонстрация в позициях потребует только для того, чтобы на примере слов попробовать показать возможную специфику ориентированных отношений, порядков следования смыслов, для отдельного фрагмента заряженного соответствующими представлениями сознания.

Специфика эта видится как реализующая себя для выбранного расположения следующим образом. *Вхутемасовец* воспринимается в отношении к позиции (1) как тот, кто принадлежал к объединению, группе художников, вызванных к жизни новой эпохой, выдвинувших себя на волне произошедших общественных перемен, заявлявших о себе как о представителях принципиально иного, основываемого ими на социалистических началах искусства (1918-1926 гг.). *Комфут*, соответственно, с позиции заряженности выдвижения (2) – как принадлежащий к тому и такому идейно-художественному и общественному направлению, которое видело, находило себя в особом, преобразующем, мобилизующем, динамизирующем (идея заряда, заряженности) отношении к миру, что объявлялось ими как идейное усиление, коммунистическая ориентация футуризма. *Правдист* – как активно действующий на идеологическом фронте социалистических перемен, представитель ведущего, передового, проверенного редакционного коллектива партийно-советского руководства (поддержка осуществляемого им выдвижения – 3). *Известинец*, соответственно, как представитель своей газеты,

выполнявшей сопровождавшую по отношению к «Правде» роль, поддерживавшей производимые этой первой инициативы и идеологические усилия, мог бы восприниматься в системе советских знаний в отношении обеспечения, сохранности (4) совершаемого «Правдой» поддерживающего выдвижение ударного действия (поддержка поддержки, – обеспечение, защита и сопровождение, своего рода замыкание, обволакивание предшествующего в 3 направленного движения). *Довженковец* в отношении замыкающей схему движения в 5 мог бы быть объяснен с точки зрения идеи охвата (советским киноискусством новой действительности в ее проекции к построению социализма, советского человека и советского общества) и одновременно осуществленной реализации результата, т.е. результировавшей, воплотившей себя советской организации жизни и общества в киноискусстве и студии, носящей имя Довженко, стремившегося в своем творчестве к принципиально новому изображению новой, рожденной советской властью, действительности и ее человека.

1.2. Позицию заряженной, ориентированной готовности можно увидеть, в контексте рассматриваемого, в значениях *кировец* и *краснопутиловец*. Отличие между тем и другим интерпретировалось бы как историческое. Не каждый носитель советизированных представлений, разве что житель бывшего Ленинграда, должен был знать, что «Красный путиловец» и завод имени Кирова, или Кировский, одно и то же промышленное предприятие. «Красным путиловцем» Путиловский завод становится в 1922 году (см. БСЭ-53), после активного участия его рабочих в отражении Юденича в 1919-м, подавлении Кронштадтского мятежа в 1921-м и восстановлении и запуске разрушенного гражданской войной производства. Кировским, в память о Кирове, он становится с декабря 1934 года.

Попробуем, опираясь на взятые из БСЭ цитаты, увидеть вводимый официальным источником информации идейно ориентированный, советской картины мира, харак-

тер возможных предполагаемых (предлагаемых?) соотношений *кировца* и *краснопутиловца* как представителей славного своим советским, а также революционным прошлым коллектива. «Благодаря постоянным заботам партии и правительства «Красный путиловец» сыграл громадную роль в техническом прогрессе социалистической индустрии, в освоении новых видов сложнейших изделий, в завоевании и упрочении технико-экономической независимости СССР. «Красный путиловец» является пионером по освоению в СССР массового производства тракторов.» «17 дек. 1934 заводу присвоено название «Кировский завод». За годы Советской власти завод был оснащён новейшей техникой. Возрос ассортимент и объём продукции. Освоен выпуск мотовозов, тягачей, 30- и 75-тонных кранов, проходческих щитов для метрополитена, моторов для комбайнов и т.д. Коллектив завода сыграл выдающуюся роль в выполнении ленинского плана электрификации. К 1939 заводом выпущено более 150 мощных турбин. ... за достижение высокой производительности труда К. з. награждён ... за образцовое выполнение производственных заданий по укреплению обороноспособности страны он награждён... Во время Великой Отечественной войны (1941-1945) коллектив завода самоотверженно боролся... была создана Кировская дивизия народного ополчения, бойцы к-рой плечом к плечу с частями Советской Армии защищали Ленинград. ... Несмотря на артиллерийский обстрел и бомбёжки, завод досрочно выполнял фронтовые заказы. ... После разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом в короткий срок были восстановлены цехи ... В годы четвертой пятилетки (1946-1950) производственные мощности завода значительно расширены ... Работники Кировского завода неоднократно выступали инициаторами всесоюзного социалистического соревнования и новых методов труда.»²⁵

В сжато концентрированном виде просматриваемую модель соотношений можно увидеть в приветствии Сталина работникам завода: «Поздравляю и приветствую

коллектив рабочих, работниц, инженеров, техников и служащих со 150-летием Кировского (бывшего Путиловского) завода ... завод сыграл историческую роль в революционной борьбе русского рабочего класса в установлении Советской власти и укреплении хозяйственной и оборонной мощи нашей Родины. После Великой Отечественной войны коллектив завода добился серьезных успехов в восстановлении завода и освоении производства важнейшей продукции для народного хозяйства. Желаю Вам, товарищи кировцы, дальнейших успехов в Вашей работе по выполнению заданий партии и правительства» (газ. «Правда», 1951, 3 апреля, № 93, стр. 1)²⁶.

Подчеркивается, называясь прямо, роль в революционной борьбе, в установлении советской власти, в укреплении хозяйственной и оборонной мощи; достижение успехов в восстановлении и освоении продукции народного хозяйства, что далее и в завершении обозначается как выполнение заданий партии и правительства. Порядок по времени, в истории *краснопутиловец* → *кировец*, представляемый как преемственность, движение к последующему, на новом историческом этапе, связываемом с достижениями строительства социализма, обозначается в своем развитии как **переход** от роли в революционной борьбе, в установлении советской власти и в укреплении мощи к дальнейшему укреплению и расширению в восстановлении и освоении (производства важнейшей продукции для народного хозяйства). То есть, тем самым, можно бы увидеть в этом, как осознанно отмеченное, соотношение позиции 2 (мобилизация готовности) с переходом и объединением к 3 (активно действующая направленная сила) и 4 (обеспечение, сопровождение, сохранность). Идея выполнения заданий была отражена в точке 3 для первого уровня членения (*чоновец*, *боец стройотряда*, *красноармеец*, *красногвардеец*, *интербригадовец*). С коллективом *кировцев*, однако, она связывается не прямо, а как дополнение и сопровождаемое последствие, не так, к примеру, как для отрядов ЧОН, строительных, интербри-

гад, Красной гвардии и т.п., специально создаваемых для выполнения соответствующих заданий, в связи с чем может служить дополнительно усиливающей, поддерживающей, но не определяющей позицию для *краснопутиловца* и *кировца*.

На основании сказанного можно было бы интерпретировать их соотношение как 2 с переходом и движением к 3 ($2 \rightarrow 3$) для *краснопутиловца* и дальнейшее, поддерживаемое и расширяемое, усиливаемое на последующем историческом этапе, движение для *кировца* от 3 к 4 с обращением (т.е. $3 \rightarrow 4$, или $3 \leftarrow 4$, или возможно также $3 \leftrightarrow 4$), в зависимости от фазы, характера участия (война, опасность – мирное строительство) или приписываемого, предлагаемого, подразумеваемого значения.

Рассмотренные соотношения, однако, были выведены на основании исторических и отчасти специализируемых сведений. Необходимо было обращение к поясняющим источникам и идеологически ориентирующей информации, в данном случае к БСЭ 1953 года. Сознание носителя советской языковой картины мира далеко не всегда в достаточном объеме располагает для своей ориентации в ней такого рода сведениями как обыденными и повседневными. Не случайным поэтому и не обосновательным представляется вопрос о том, как соотносится идеологически ориентированное, опирающееся на официальный, значение, погружаемое в оболочку в нужном направлении интерпретируемых сведений, с тем представлением, которое бытует в сфере не нагруженного такими сведениями сознания. Отвлекаясь от знания того, что *краснопутиловец* и *кировец* – работники исторически одного завода, а также от того, что роль их в борьбе, установлении, укреплении, восстановлении и пр. была в рассмотренном соотношении сопоставима и от одного к другому переходна, можно было бы предположить, что ассоциативное сопровождение *краснопутиловца*, вследствие какого-то советского объема представлений общего характера, тяготеет к прошлому, к истории, к началу, к становлению и борьбе

(типа *авроровцы – краснопутиловцы – краснофлотцы* как некий общий ряд). То есть, тем самым, к позиции заряженной готовности (2), с осязательным переходом в 3 (направленность усилий). Восприятие *кировца*, как воплощения советской полноты и мощи, – объявленный к 1935 году (после убийства Кирова) построенным в СССР социализм, последовавшее за этим, в ознаменование связываемых с Кировым идей, огромное количество всего его имени как торжество, триумф, необратимость достижений, советский трактор «Кировец», – все это подводило бы к позиции ударной силы (3) и обеспечения (4), каким-то образом взаимодействующим и связанным. Тем самым, на основе не обремененных дополнительными знаниями представлений и по другому мотивирующему основанию можно получить соотношение такое же, как и в предыдущем случае, может быть, с меньшим несколько акцентом к 3 у *краснопутиловца* и к 4 у *кировца*. Не стоило бы на одном примере обобщать, но подобное совпадение представляется не случайным, будучи следствием некоего резонирующего единства, хотя и строящегося нередко на разных основаниях, – картины действительности, существующей в советских головах, и картины, намеренно создаваемой источниками информации и пропаганды, прорисовываемой в своих значениях и мотивациях.

1.3. Позиция поддержки выхода направленной силы выдвигалась бы в проявлениях значений у слов *напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец*. Дальнейшее различие между ними можно представить как воплощение представлений о большей – меньшей активности (чтобы не говорить агрессивности) первых трех в отношении отстаиваемых ими идейных принципов, а также о роли всех четырех применительно к делу строительства социализма в СССР и всего того, что с этим вопросом связано.

Первые три, с учетом сказанного, могли бы выступить как соотносимые между собой в таком порядке:

1.3.1. *Пролеткультовец* – как тот, кто собой открывает следующий за ним ряд, отнесением себя, **выдвигает**

жением к новой, подчеркнуто пролетарской, культуре, с идеей намеренного отделения, непризнания, неприятия всего прежнего и другого, как своего рода начатая, объявляемая точка отсчета инокультурного проявления и бытия.

1.3.2. *Напостовец* – как тот, кто всегда «На посту», начеку, в своей **мобилизующей** себя и других **готовности** стоящий на страже завоеваний нового общественного и литературно-художественного развития, способный в этом, следуя принятым на себя групповым обязательствам, к решительным и бескомпромиссным действиям.

1.3.3. *Рапповец* – известный своими непритязательными и беспощадными методами политизированной борьбы со всеми, кто объявлялся РАППом идейно и классово чуждым, упорный, твердый, решительный в своих агрессивных действиях и проявлениях, уверенный в своей исключительности и правоте, а потому выступающий в роли **ударной, направленной силы** истинно социалистического, по-настоящему пролетарского, направления в советском искусстве.

1.3.4. *Тассовец* – воспринимаемый в ином временном измерении по сравнению с тремя первыми, по роли и по своему отношению к *известинцу*, представляя с ним внутренне общий (советской языковой картины мира) функциональный парадигматический ряд, мог бы быть отнесен к позиции сохранения, обеспечения, защиты, не нападения, тех идеологических, политических, информационно-идейных и агитационно-пропагандистских рубежей, которые не он создает, не он формирует, но он отстаивает и ограждает.

В группе 2 массива заряженной направленности дальнейшее подразделение можно представить следующим образом:

2.1. К позиции исхода относился бы *пролетарий* как тот, кто причина, повод, начало начал. Основа, краеугольный камень, открывающий новую эру в истории, воплощение смысла и провозвестник, ключевая идея того,

что должно наступить, руками и во благо которого все делается. Тот, кто отрывает новое и обрывает связи с прежним, несправедливым, основанном на подавлении и угнетении, социальным устройством. *Пролетарий* при этом воспринимается не столько как некто отдельный и наделенный определенными свойствами представитель массива, сколько как воплощаемая в нем идея.

2.2. К позиции заряженной наделенности можно было бы отнести значения, отображаемые в словах *красный*, *партийный* и *пролетписатель*. Различие между ними укладывалось бы в последовательность 2.2.1 с переходом в 2 (1 → 2) для *красный* – как исходной точки имеющегося в нем заряда, начала признака (1), и постоянной готовности, следующей из него (2); 2.2.2 с переходом в 3 (2 → 3) для *партийный* – готовность, как условие и показатель партийности, постоянная необходимость быть в центре событий и начеку (2), связываемые с направленным проявлением в участии (3); 2.2.4. для *пролетписатель* – позиция, предполагающая поддержку, обеспечение действий, осуществляемых во имя революционных, преобразующих, социалистических целей и идеалов.

2. 3. Группу позиции действия, ударной направленной силы можно представить в последовательности 2.3.1. *рабочий* – как тот, кто составляет основу, причину, исход (1) и вместе с тем основную силу (3) направленного преобразования общества с точки зрения своей принадлежности большему, по основанию его наделенности (2); 2.3.2. *подпольщик* – заряженный, постоянно готовый к возможному действию (2 с переходом в 3).

Отношения между тремя остальными значениями, отнесенными к данной группе (*советский* как представитель власти, *кухарка*, *кухаркины дети*), будут зависеть от вероятной их интерпретации.

Кухарка, если определять ее как представителя неподготовленных масс, не ориентированных и в целом далеких от реализации государственных дел и задач, на которых, однако, новая власть ориентируется в своих расче-

тах ее для подобных целей использовать, такая *кухарка* может быть определена в напряжении между точками 2 и 4 ($2 \leftrightarrow 4$) – заряджение, мобилизация (2) как поддержка (4) возникающей в соединении того и другого необходимости действия, применения ударной силы (3), но скрыто, не прямо, а потому не проявлено (из чего следует неясность позиции 3, но ее имплицитная неизбежность из направляемых друг к другу 4 и 2).

Кухаркины дети, как следствие и продолжение предыдущего, могли бы быть интерпретированы в таком же взаимодействующем расположении, но последующих, точек 3 и 5 ($3 \leftrightarrow 5$) – как ударная сила, те, кто используются и действуют (3), представляя собой достижение советской власти, ее социальный и воплотивший себя результат (5), из чего, как подразумеваемое следствие, возникает стоящая между ними 4.

Советский (как представитель власти) мог бы быть интерпретирован в отношении 2.3.(4 ← 5) – как тот, кто, будучи прямым порождением, воплощенным итогом советской власти, в силу неотъемлемой связи с ней, является тем, кто ее неизменно поддерживает, на кого она может в любых своих действиях и начинаниях положиться.

2.4. Группу позиции обеспечения можно представить в такой последовательности: 2.4.2. *совписатель* – как вызванный к жизни советской властью, а потому ей преданный, готовый действовать, мобилизуя и направляя в нужное ей идейное русло народные массы, воспитывая и подготавливая их соответствующим путем; 2.4.3. *социалист* – как тот, кто в силу своих убеждений должен и может проявлять себя в необходимом действии; 2.4.4. *сочувствующий* – как тот, кто в целом готов оказать поддержку, на кого, в определенных условиях, можно рассчитывать и полагаться.

3. В группе массива призвания как точки ударно-направленной силы дальнейшее подразделение можно было бы показать в соотношениях вертикали и горизонта-

ли (см. табл.), смысл которых усматривался бы в развертывающемся уточнении от 1 к 3 для вертикали и от 1 к 2 по первому, 1 к 4 по второму и 1 к 3 по третьему ряду для горизонтали.

3.1.	1. <i>чоновец</i>	2. <i>красногвардеец</i>		
3.2.	1. <i>боец стройотряда</i>	2. <i>конногвардеец</i>	3. <i>красноармеец</i>	4. <i>краснофлотец</i>
3.3.	1. <i>интербригадовец</i>	2. <i>конноармеец</i>	3. <i>конармеец</i>	

Объяснением такого расположения может служить нижеследующее:

3.1. В точке 1. *чоновец* – как позиция вынесения, отрыва от прочего, начало, поставленность надо всем и во всем, вне всего; в точке 2. *красногвардеец* – обособленность, претворяемая в идею готовности для выполнения заданий, к которым призвана Красная гвардия.

3.2. Позиция готовности – в ее начале, обособлении для 1. *боец стройотряда*; в ее напряжении, силе готовности для 2. *конногвардеец*; в ее действии в 3. *красноармеец* и в обеспечении, обороне внешних, морских, странственных рубежей для 4. *краснофлотец*.

3.3. Позиция активного действия, направленной силы выхода – в ее особенности, отдельности, специфичности в *интербригадовце* (1); в готовности действовать (2) в *конноармейце* и в собственно действии (3) в *конармейце* – как более динамичном, а потому и частотном номинативе по сравнению со своим вариантом, отнесенным поэтому к точке 2.

4. Группа массива поддержки, сопровождающего, а не прямого участия (позиция возвращения как сохранности осуществленного выхода) могла бы выглядеть в своих составляющих следующим образом (незанятость позиций 4.1., 4.3. и 4.5. для параметра принадлежности в группе поддержки отнюдь не случайна):

4.2.1. *досаафовец* – как выделяемый, отмеченный, стоящий особо (1), в своей мобилизующей его (2) на поддержку, содействие (4) авиации, армии и флоту и ожидаемой, вероятной и добровольно им выбранной (2) деятельности; 4.2.2. *осводовец* – как готовый и подготовленный (2) для возможной в случае необходимости (2) деятельности по защите, спасению (4) граждан от бед на воде; 4.2.3. *осоавиахимовец* – как направленный (3) в своей предполагаемой, ожидаемой (2) деятельности по защите-содействию обороне и авиационно-химическому строительству (4). Отличие ДОСААФ от ОСОАВИАХИМ, выглядящее как малосущественное, состоит в перемене акцентов: добровольное общество, авиация, армия, флот, в первом случае, и без добавления «добровольный» в названии, оборона, авиационно-химический, во втором. Смещение в сторону большей у ОСОАВИАХИМ по сравнению с ДОСААФ направленностью, акцент в сторону не столько направленности, сколько отдельности положения в мобилизации на содействие для ДОСААФ, позволяют дифференцировать их представителей в указанном отношении, соответственно, как 4.2.3. и 4.2.1. для одного и другого.

4.4. Аналогичным образом незначительное смещение акцента в сторону большей в своем охвате для *фабзавкомовца* представительности по сравнению с меньшей *фабкомовца* позволяют для них различить внутри 4.4. позицию 2., как мобилизующую, для первого, и позицию 4. – как обеспечивающую и поддерживающую, с объединением того и другого в подразумеваемом 3., для второго.

5. Принадлежность большему по признаку представительной отнесенности к некоему образованию внутри советского общества в целом, его структуре либо ее составным частям как достигнутый результат предполагало бы в своих составляющих примерно такое возможное подразделение:

5.1. Достигнутый результат в его изначальной точке в порядках 1. *гражданин* (как исходное); 2. *каждый*

(мобилизуемое); 3. *товарищ* (направленно-силовое); 4. *член* (поддерживающе-обеспечивающее).

5.2. Достигнутый результат в его точке мобилизации в расположениях 1. *женотделка* (особенность ролевого структурного назначения); 2. *сельсоветчик* (мобилизующее в его готовности); 3. *управленец* (нацеленное на желаемый результат); 4. *низовик* (поддержка снизу, обеспечение надежности); 5. *правленец* (оформленная результативность).

5.3. Достигнутый результат в его точке вершины как направляемого к цели структурного устройства: 1. *политотдельщик* (выделенный, наделенный особыми полномочиями); 2. *политотделец* (он же, с акцентом к организующей мобилизации); 3. *активист* (как член актива, тот, кто призван, назначен, избран для действия); 4. *штабист* (член комсомольско-молодежного штаба, призванный обеспечивать и поддерживать необходимую деятельность); 5. *рабочкомец* (воплощение идеи рабочего управления, его итог, ощущаемый результат).

5.4. Достигнутый результат с позиции поддержания, обеспечения порядка созданного: 1. *квартирант* (исходное, начало, точка имеющегося – данное как представитель того, что есть); 2. *койко-больной* (организуемое, упорядочиваемое, считаемое, представляемая единица счета); 3. *жактовец* (активно действующее, распоряжающееся); 4. *жилтоварищ* (имеющий, располагающий, а потому заинтересованный, обеспечивающий и поддерживающий – гарант жилищного и не только жилищного руководства); 5. *подписчик* (опора имеющегося людского ресурса, его оформляемый к нужному виду и проявлению результат).

5.5. Достигнутый результат как итог итога, желательная оформленность создаваемого устройства общества в своих возможных проекциях оказались незанятыми.

Параметр нужности в парадигматической перспективе

Кумулятивность vs. аддитивность, противопологаемые как основания отличия параметра, определенного нами как нужности, от рассмотренного в своих проявлениях параметра принадлежности, связываемые с имманентным для принадлежности либо приписываемым для нужности отношением к большему – коллективу, группе, объединению, множеству – отображаются в различающем их характере данного отношения. Если в параметре принадлежности заложена и дает себя ощутить идея включения, а потому представительства, то параметр нужности предполагает нечто иное. Нужный воспринимается в отношении к группе включенного большего (что, впрочем, и не всегда обязательно) как занимаемая позиция и осуществляемая функция, придающая смысл, сообщающая движение данной сфере общественной деятельности. Средства массовой информации и пропаганды постоянно подчеркивают эту общественно значимую черту, связывающую всех сидящих и находящихся на своих местах с необходимостью общего действия во имя стоящей перед советским обществом и народным хозяйством цели.

Количественный состав параметра, неслучайно по этой причине обширный, не позволяет с достаточной подробностью остановиться на анализе отдельных случаев с целью выявления всех возможных дифференцирующих признаков. Ограничимся в этой связи методическим представлением задачи. Следствием такого проективного представления могло бы быть не описание, а вписывание единиц параметра в полученную в результате обобщения парадигму. Основанием парадигмы были бы две пересекающихся проекции к третьей, представляющие в своем пятивалентном для каждой из них различении, значение определяемого номинатива, точнее занимаемое им место – в параметре и парадигме целого (парадигмосистеме опи-

сываемого фрагмента советизированной языковой картины мира).

Основу пятивалентного различения позиций для каждой из трех проекций составляет общая, принятая в качестве определяющей для парадигмы целого и составляющих ее подпарадигм, идея запуска, сообщения движения, запуска в ход в пяти выделяемых фазах – выхода, напряжения, направленной силы, обеспечения и достижения. Тремя проекциями, в условиях рассматриваемого параметра, можно считать а) советское общество в его целенаправленном устремлении социалистического строительства (система целого); б) данное объединение, организацию, коллектив ограничиваемые каким-то признаком-показателем (проектив системы целого, ее составная часть); в) сферу, область, проективное поле деятельности (составная часть устремления целого). Четыре точки, с учетом двувершинности первой (советское общество // в его устремлении), раскладывающейся на показатель массы-числа и заряженную модальность желаемого построения (оптативный императив финитива, конечной цели советского общества, – соответственно, квантум и модус его состава), с их отражениями в проекциях к б) и в), – эти четыре точки предполагают, объединяясь, пятую, вбирающую их в себя. Точкой этой является человек, лицо, единица части и целого, называемая и определяемая номинативом, словом и словосочетанием изучаемого языка. В основе проекций, тем самым, с учетом сказанного, но уже как бы не к горизонтали, а к вертикали, лежит тот же принцип пяти позиций, взаимодействующих и внутренне связанных между собой в соотношениях и показателях.

Пять указанных фаз разворачивающегося и направляемого движения-запуска в зависимости от того или иного параметра, а также проекций внутри него, могут проявлять себя, обнаруживаясь и представляясь, по-разному. Более или менее точное определение признаков описания будет зависеть от предполагающих соотношения распределений всех составляющих, что не всегда дости-

жимо (если вообще достижимо) при изолируемом от целого рассмотрении некоторого фрагмента. В связи с этим предпринимаемые нами попытки подобного определения носят характер условный и не окончательный.

Рассмотрим возможный характер предполагаемого по трем проекциям пятивалентного в пересечении (5 x 5) описания на примере такого слова, как *агроном*. Три указанные проекции для него будут а) в отношении к советскому обществу, занятому социалистическим созданием – обеспечением того и другого (общества в его созидании) посредством своего в этом общем процессе участия продуктами сельского производства, точнее было бы говорить, способствование нормальному ходу, течению, осуществлению такого обеспечения; б) в отношении к части, показателю квантум состава целого, это был бы советский колхоз, совхоз, коллектив сельскохозяйственных производителей, *агрономом* которых он выступает; в) в отношении сферы, области проявления в деятельности, показателю модус состава целого, это было бы полеводство, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, обеспечение ее производства. Объединяющей, фокусирующей точкой, искомой позицией в парадигме параметра, таким образом, можно вывести необходимость его, *агронома*, как того, кто своей ролью, позицией в коллективе способствует осуществлению стоящих, ставящихся перед ним как советским сельскохозяйственным коллективом задач социалистического строительства (по обеспечению советского общества сельхозпродукцией). Роль его в этом способствовании представляется ролью внутри коллектива, распространяющей себя, проявляемой в нем. Как обеспечивающий обеспечение, в сельхозколлективе, *агроном* может рассматриваться в отношении ведущего, управляющего, знающего, того, без которого невозможен нормальный процесс сельхозпроизводства, фактически это его запускающий, исходная точка движения (1).

Позиция *агронома*, следовательно, может в параметре нужности представляться в том отношении, что это ведущая, запускающая точка движения (1) по обеспечению (4) производства (3) сельхозпродукции (4). Первая точка позиции (1) выводится из отношения к сельхозколлективу, роли в нем (проекция б). Вторая, по обеспечению (4) – из отношения к советскому обществу в его квантум и модус (проекция а). И третья, производства (3), по отношению к сфере, области, проективному полю деятельности (позиция в). В итоге всего получаем такое его представление, которое бы укладывалось в комбинацию признаков 4.1.4., с позицией, местом 1 на пересечении горизонтали и вертикали 4 : 4 (см. табл.). Смысл подобного представления заключался бы в том, что $a : в$, через общество и сферу деятельности, концентрируются, соединяясь, в б-роль объясняемого в его деятельности с точки зрения советской действительности лица. Квантум и модус целого отражен в проекции *а*; модус целого – в проекции *в*, а квантум части с ее собственным проективным модусом – в *б*. На этом основана логика предлагаемого порядка дальнейшего представления.

Позиция *председателя*, соответственно, могла бы быть определена комбинацией 2.3.1. – как ведущая, открывающая, *предстоящая*, *председательствующая* роль (1, для проекции *б*) в мобилизации возглавляемого им коллектива (2, для проекции *а*, в отношении к системе целого, советскому обществу в его целевом устремлении) с направленностью к выполнению ставящихся перед возглавляемым им коллективом задач (3, для позиции *в*, в отношении области проявления в деятельности).

Позиция *плановика* определялась бы комбинацией 3.5.2. – как организующая в производственном коллективе (2, для проекции *б*) его целенаправленную деятельность (3, как проявление к проекции *а*) в ожидаемом результате (5, в отношении к сфере деятельности, т.е. к *в*).

Пограничника можно было бы представлять комбинацией 4.2.3. – как активного действующего (3, для про-

екции $\bar{b}$, в отношении к группе, квантум состава целого) по защите советских границ (4, в проекции к a), всегда готового дать отпор, обязанного быть начеку, в состоянии постоянной бдительности (2, в отношении к v , т.е. сфере его проявления в деятельности).

Дальнейшее представление номинативных единиц характеризуемого параметра нужности предполагает сходную в своей основе и процедуре модель, в связи с чем, для наглядности, имело бы смысл отразить его в виде таблиц(ы) (см. далее). По горизонтали позиции точек отображают проекцию a , по вертикали – проекцию v . Проекция $\bar{b}$ – показатель роли для квантум состава целого, как ближайшая и внутренне характеризующая, отмечалась бы цифрой в клетках пересечений.

$\begin{matrix} a \\ v \end{matrix}$	1	2	3	4	5
1				3. горняк	
2			2. деятель*	3. <i>пограничник</i> 4. дружинник	
3		1. <i>председатель</i>		1. звеньевой** 2. <i>экономист</i>	2. инженеры человеческих душ
4	3. <i>высотник</i>	3. <i>монтажник</i> 5. <i>кадровик</i>	1. землероб	1. <i>агроном</i> 3. <i>полевод</i>	2. <i>воспитатель</i>
5		4. <i>мастер</i>	1. <i>бригадир</i> 2. <i>плановик</i>		

* (политический, общественный, партийный, профсоюзный, заслуженный)

** (на производстве)

Значения некоторых единиц (обозначены в табл. курсивом) можно было бы отобразить, с опорой на пара-

метризацию признаков в индексах, примерно следующим образом:

Кадровик (2.4.5.) интерпретировался бы как тот, кто описывает, следит, наблюдает имеющуюся кадровую обстановку (5, идея сложившегося результата для б) в целях лучшей организации, поддержания ее в состоянии готовности (2 для проекции а) ради целей обеспечения (4) производственного процесса.

Мастер (2.5.4.) – как тот, кто поддерживает, служит обеспечением (4, для б) состояния рабочей готовности (2, для а) коллектива для выполнения им возложенных на него задач, для достижения необходимого результата (5, для в).

Бригадир (3.5.1.) – как тот, кто руководит, направляет (1 для б) работу (3, для а, осуществление производства) своих подчиненных на выполнение поставленных перед ними задач (5, для в, достижение результата).

Монтажник (2.4.3.) – как тот, кто своей работой, проявлением в действии (3, для б) формирует, создает необходимые сооружения (2, для а), цель которых служить обеспечением (4, для в) последующего производственного процесса.

Высотник (1.4.3.) – как тот, кто выполняет работу (3), рискуя жизнью, в исключительных по сравнению с другими условиях, на высоте (1), обеспечивая, тем самым, возможность реализации (4) каких-то заданий.

Полевод (4.4.3.) – как тот, кто, работая в поле, возделывая, обрабатывая его (3), обеспечивает (4) страну продуктами сельскохозяйственного производства (4).

Экономист (4.3.2.) – как тот, кто, будучи специалистом в финансово-материальной сфере (2), способствует (4) осуществлению (3) стоящих задач.

Воспитатель (5.4.2.) – как тот, кто, воспитывая, формируя подрастающие поколения, готовит (2) строителей будущего (5) страны, обеспечивая, тем самым, преемственность и продолжение (4).

Дальнейшее подразделение для большей наглядности (но не подробности) можно было бы произвести в три этапа, определив вначале возможное распределение, но без пояснений, номинативов по пяти вертикальным позициям – в отношении *a*, т.е. к советскому обществу в целом в его целевом устремлении (см. табл. ниже). Затем – в отношении к *b*, к полю деятельности (последующая табл.). И, наконец, в отношении к *b̄*, коллективу (завершающая табл.). Условным критерием подразделения в пяти точках было бы уже многократно характеризовавшееся представление обозначаемого словом (словосочетанием) как 1) того, кто открывает движение, сообщает ход, начало, наблюдает его, стоит впереди, смотрит вперед (придание хода движению); 2) того, кто организует, мобилизует, собирает движение либо тех, кто должен, призван его совершать, придает направление, осуществляет этап подготовки, выводит на подготовительную позицию (придание напряжения); 3) того, кто действует, осуществляет движение, производит его, выполняет, реализует намеченное, наполняет, насыщает действием (реализация силы осуществления); 4) того, кто обеспечивает, сопровождает, поддерживает осуществляемое движение, придает ему защитный характер, предохраняет его (поддержка защитной силой); 5) того, кто собирает, окончательно формирует, результирует, формулирует, подводит, получает, доставляет итог (достижение, получение, предоставление результата).

кооператор кормач*	комму- нальник	караку- левод	культпросвет- работник	общество- вед
совслужа- щий	комму- нальщик	каучу- ковод	культработник	производ- ственный
спец	леспро-	козовод	милиционер	прораб
трудящийся	мовец	коно-	нарпитовец	профсоюз-
глашатай	просве-	плевод	профработник	ник
(революции)	щенец	кроли-	трудолик**	работ-
гонец (рево-	хозяй-	ковод	финработник	ник***
люции)	ственник	кукуру-	вахтовик	сбытовик
звеньевой	агитатор	зовод	дозорный	сеносдатчик
			(молодой,	

(пионер) рабочие- изобретатели комгруппорг комиссар комсорг контрпропа- гандист новатор передовик	горнист барабан- щик знамено- сец вожатый избач книгоно- ша культур- меец культорг культур- ник массовик массовик- затейник организа- тор педагог- организа- тор политрук пропаган- дист трибун (револю- ции)	куровод марало- вод соболе- вод табако- вод тутовод цитру- совод черве- вод	границы, ру- бежей, неба) мичуринец наставник	снабженец совработник хлебосдат- чик военкор нотовец**** полквоен- кор
--	--	--	--	---

* Работник колхоза, совхоза, на обязанности кото-
рого лежит кормление животных. [ТСЯС; БАС]

** *Разг.* Учитель труда в школе. [ТСЯС]

*** (ответственный, номенклатурный, руководя-
щий, партийный)

**** Человек, работающий в соответствии с тре-
бованиями, установками научной организации труда
(НОТ). [ТСЯС]

а в	1	2	3	4	5
1	глашатай гонимый (ре- волюции)	просве- щенец горнист	кукуру- зовод соболе-	вахтовик дозорный	прораб нотовец

	рабочие-изобретатели новатор передовик	барабанщик знаменосец трибун (революции)	вод кроликовод		
2	звеньевой (пионер) комгруппорг комиссар комсорг	коммунальник коммунальщик агитатор организатор педагог-организатор	козовод куровод	профработник трудовик финработник	профсоюзник совработник
3	кооператор спец	леспромовец хозяйственник массовик массовик-затейник	каракулевод каучуковод	мичуринец наставник	производственник сбытовик сенокосчик хлебосдатчик
4	кормач трудящийся	вожатый избач книгоноша политрук	коноплевод мараловод табаковод тутовод	милиционер нарпитовец	работник снабженец
5	совслужащий контрпропагандист	культурмеец культторг культурник пропагандист	цитрусовод червевод	культпросветработник культработник	обществовед военкор полквоенкор

а в	1	2	3	4	5
1	1. глашатай 2. гонец (революции) 3. рабоче-изобретатели 4. новатор 5. передовик	1. горнист 2. барабанщик 3. знаменосец 4. просвещенец 5. трибун (революции)	2. кроликовод кукурузовод (3.) 4. соболевод	1. дозорный 3. вахтовик	1. прораб 2. ноговец
2	1. комиссар 2. комсорг 3. комгруппорг 4. звеньевой (пионер)	1. агитатор 2. организатор 3. педагог-организатор 4. коммунальщик ⁷ 5. коммуналистик ⁷	2. козовод 3. куроковод	1. профработник 2. финработник 4. трудовик	2. совработник 4. профсоюзник
3	2. кооператор 3. спец	1. массовик 2. массовик-затейник 3. лес-промовец 4. хозяйственник	2. каракулевод 3. каучуковод	1. наставник 3. мичуринец	1. хлебо-сдатчик 2. сено-сдатчик производ-ственник (3.) 4. сбытовик
4	3. трудящийся 4. кормач	1. политрук 2. вожа-тый 3. книго-ноша 4. избач	2. конопле-вод 3. мараловод 4. таба-ковод 5. туюто-вод	2. милиционер 4. нарпитовец	3. работник 4. снабже-нец

5	3. совслужащий контрпропагандист (4.)	1. пропагандист 2. культторг 3. культтармеец 4. культтурник	2. червевод 4. цитрусовод	культпросвет-работник (2.) 4. культработник	2. обществовед 3. полковник 4. военкор
---	---	--	------------------------------	---	--

При соединении данных последней таблицы с материалом, представленным ранее (*агроном, председатель, пограничник* и др.), получающиеся совпадения в позициях, предполагали бы (как и в другом каком-нибудь аналогичном случае) либо перераспределение внутри позиций с учетом возникших соотношений, либо дальнейшее различие на последующих подуровнях с уточнением перемещающегося характера входящих определений. Характер и процедура таких уточнений были показаны ранее, в связи с чем останавливаться на них еще раз не имело бы смысла. Из сказанного следует относительность, точнее соотносительность, получаемых определений, связанная с идеей взаимодействующих узлов единого целого – описываемой парадигматики, предметом которой являются не слова и не семантика слов, а те семантические определители советского позитивного представления о человеке, которые отражаются, могут затем отражаться в семантике слов, но различным образом, в далеко не всегда однозначных и точных соединениях как в исходных своих, вертикальных, значениях, так и в значениях речевого и текстового, узурального или контекстного, употребления.

Причастность / поставленность описываемой парадигмосистемы

Третья пара параметров предполагает своим проявлением отнесенность к устройству системы с позицией

обозначаемого лица как деятеля в этой системе. Отличие между причастностью и поставленностью, отчасти предполагающее противоположение динамического, точнее заряженного динамикой, проявления проявлению статическому, с отнесением к месту, а потому заряженности динамикой не предусматривающего, это отличие отображает соотношение внутренне свойственного, исходящего от себя, тому, что в структуре, находится в ней, в силу наличия для нее характерных позиций, ролей и мест.

Причастность / поставленность, в связи со своей непосредственной отнесенностью к устройству, очень сильные в своем объяснительном отношении к описываемой парадигмосистеме параметры. В известном смысле их можно было бы воспринимать как отображающие порядок и логику установления системы. Порядок и логику установления ее самой, а также порядок и логику, как отражение, ее парадигматического описания. Пользуясь этим свойством рассматриваемых параметров, попробуем, теперь изнутри, от системы себя устанавливающей, становящейся как бы, советской действительности, присмотреться к порядку и логике используемых для описания в качестве фаз ее становления и позиций устройства семантических признаков.

Причастный, как свойство, приписываемое советскому человеку, его обладателю, следует понимать в отношении его приобщенности чему-то важному, нужному – определяющему, окрыляющему, необходимому для советского общества, всех советских людей (в аспекте установления и становления советской системы). Этим важным и определяюще сущностным могут быть какая-то стройка, почин, производство, строительство, освоение (= расширение) пространства. Этим существенно важным, как открывающим, как в себе содержащий в зачатке исток и начало всего дальнейшего, было и представлялось первособытие Октября и последовавшего сразу за этим установления советской власти. В силу такой его непреходящей значимости, в этом событии, как в первоначале, мож-

но было увидеть в свернутом виде идею, в ее ступенях и фазах, того, что затем себя воплотит, отражаясь на каждом этапе в последующих шагах. Шаги эти осуществляются обществом в его совокупном советском целом, а также и одновременно каждым его представителем и в объединяемых по коллективному признаку составных частях. Советское общество, советского человека, любое советское объединение-коллектив, тем самым, можно и следовало бы рассматривать как входящие и составляющие элементы рассматриваемой системы. Это был бы количественный, числовой ее показатель, или квантум ее, заряжаемый связанным с ним показателем модуса – целенаправленного стремления к достижению цели, построению общества, т.е., тем самым, себя самого, но на новом этапе и в новом виде.

Начало и смысл такому финитному устремлению системы, в ее оформляющем постепенно и постоянно развитии через движение, продвижение к целевому концу, – начало, идея и смысл всего этого были положены, а потому должны себя обнаруживать, давать себя ощутить, уже в первоисточке, обозначаемом как событие непреходящей важности. Революционным, по объявляемому духу и замыслу, нелегитимном, по своему существу, захвату и расширению, распространению, внедрению идейной и политической власти. Революционность и нелегитимность, себя дополняющие, переплетаясь и замещаясь, находят свое отражение (первое – как ассертивный мотив и заряд, второе – как апологетическая необходимость) в самой системе, ее устройстве и расширении, а также как первопричина всего последствия. Имело бы смысл поэтому для определения смысла описываемых параметров его в соответствующем ключе рассмотреть.

Причастный, как внутренне свойственный, имеющий отношение к системе (ее структуре, созданию, появлению), возможен в таких проекциях:

- начала, появления, создания – искра, пламя, возгорание, заря, горение:

- точка исхода (начало начала – искра, факел, призыв, начало революционного пробуждения, предвещающего будущий революционный подъем), в качестве возможного примера для разбираемого случая в контексте обозначения человека это может быть *искровец*;

- наполнение (начала смыслом, придание ему значения, мобилизация сил, – пробуждение сознательности в массах, организация масс, их подъем, придание направления, нацеливание, поддержка, обеспечение будущих действий созданием Красной гвардии и революционных бригад): (*профессиональные*) *революционер(ы), большевик(и)*;

- устроение (структурирование начала – революционное движение, массовый подъем, охват): *восставший, восставшие* (солдаты, рабочие, матросы);

- расширение (продолжение начала – пламя, луч, прожектор, подхват): *авроровец*;

- действие, проявление (начала) в действии и достижение его результата: *взятие (Зимнего дворца), смена правительства (Которые тут временные – слазь!)*;

обозначения-символы: Искра, Аврора, Луч, Революция, Заря, Зарница, Молния, всполохи, мировой пожар, вспышка (негодования, возмущения);

- обеспечение достигнутого начала, закрепление результата, его продолжение и подхват – борьба, одоление противника (*в боях за...*):

- точка исхода: создание Красной армии, ее создатели, организаторы;

- расширение: гражданская война – *буденовец, чапаевец, щорсовец*;

- устроение: укрепление обороноспособности;

- наполнение (как одно из возможных): проверка в Великой Отечественной войне – отстоять, не сдаться, бороться до последнего: *матросовец*;

- действие: победа, одоление: *воины-победители*;

Бой, Борьба, Победа, Одоление

- укрепление (сила, работа, труд): исходное – распространение (число) – создание обязательной основы, без чего нельзя, создание структуры жизненного обеспечения – автомобили, тракторы, комбайны, хлеб: *автомобилестроитель, комбайнстроитель, кораблестроитель, хлебороб* (ср.: *землероб* – хлеб и земля), наращивание, увеличение, норма+1, почин: *стахановец, бусыгинец, кривоносовец, злобинец, ипатовец, многостаночник, пятисотник, скоростник, ударник*;

- расширение, распространение (пространство):

- начало освоения пространства (точка, исход) – *первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик, космонавт, покорители космоса (Вселенной), летчик, чкаловец, челюскинец*;

- освоение пространства (распространение, расширение, число) – *целинник, покоритель целины, полярник, сибиряк, новосел, папанинцы* – прибывший, чтобы освоить;

- строительство объектов освоения пространства (устроение, закрепление) – *бамовец, турксибовец, каналоармеец, дальстроевец, метростроевец* – утверждающий строительством объектов освоение пространства;

- наполнение;

- действие;

- развитие, продолжение, подхват (время, переход, эстафета, поколения, следование, развитие новых качеств): *гайдаровец, тимуровец, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), дети партии* (комсомольцы, ср., как отличие в детях: *все лучшее детям* и

дети разных народов), наследник (Октября), правнук (Ленина), продолжатель (гениальный, учения, дела Ленина) и пр.

О причастности в ее отношении к системе

Причастность, тем самым, в своих проявлениях в человеке, будучи связана с системой в различных ее составляющих, потенциально может быть обнаружена в исторически значимых фазах установления, закрепления, сохранения, развития и достижения этой системы – советской власти и советской истории. Каждая точка, каждый этап ее становления, от начала к открытому в своем недостигнутом завершении концу, может быть внутренне подразделен и развернут в последовательности собственных проявлений начала с его продолжением и развитиями – к достигнутому / недостигнутому, но предполагаемому завершению и концу, подхватываемому в последующем каком-то начале и разворачиваемом в своих продолжениях, развитиях, переходящих к началам и продолжениям концах и т.п. Устройство, тем самым, будучи матричным, в каждой точке своей может быть как развернуто в продолжение и на глубину, так и не обозначено, не проявлено номинативно, своего рода купировано в общественном и языковом сознании носителей советской картины мира. Проявленность или нет, развернутость или оборванность какого-либо узла зависят от многих причин, определение и рассмотрение которых не входило в задачу, поскольку причины могут быть и политическими (например, отсутствие в номинативах точки исхода для создания Красной Армии, связываемого с деятельностью Троцкого), и идеологическими (меняющиеся задачи, программы, ориентиры), и социопсихологическими (что-то не отражается, поскольку не воспринимается и как явление поэтому не осознается), и другими. Сама проявленность / непрояв-

ленность может быть значимой и показательной, но ее отследить, последовательно отобразить, с тем чтобы затем объяснить в значениях, поводах и причинах, имело бы смысл, определив в отношении к целому, после его выведения и описания. Для нашей задачи представляется важным своего рода пунктирное прохождение, приближение к этому целому, определение в нем того, что должно бы быть и что может быть определенным образом номинативно отражено, поскольку имеется в собранном материале.

Этот собранный материал для причастности представляет, как, впрочем, и все остальное, далеко не полный список возможных в параметре единиц. Полным подобный список быть и не может, являя собой вкрапленные, выборочные отображения номинативно осознаваемых, освоенных и поэтому воплощаемых элементов концептуальной системы, осознанно воспринимаемой коллективным носителем советской картины мира далеко не во всех узлах. Распределение этих выборочно отображающих целое элементов может осуществляться в плоскости одного измерения – для актуального (осознаваемого) восприятия, со связями парадигматико-виртуального соотношения между ними как единицами языка (советизированного русского языка), равно как и с подразделением измерений на темпоральную, концептуальную, идеологическую, политическую, социальную, историческую или другую какую-то глубину. Попробуем пояснить эту мысль на примерах.

Выбранные нами номинативные единицы причастности, такие, к примеру, как *авроровец*, *буденовец* (боец Первой Конной), *искровец*, *матросовец*, *стахановец*, *многостаночник*, *ударник*, *первоцелинник*, *геолог-разведчик*, *космонавт*, *челюскинец*, *бамовец* и др., могут быть определены и распределены по позициям точек в их отношениях друг другу с точки зрения места каждого представляемого ими признака в парадигмосистеме советской языковой картины мира. И могут быть определены и

распределены в представлениях, скажем, как такие, которые репрезентируют знание пропагандистской советской картины мира в ее проекции к советской истории, ее этапам и достижениям в ее героях. И эти же единицы в их признаках, но как-то еще представляемых, могут быть определены и распределены в виртуально-парадигматических соотношениях как репрезентанты иного знания – советской общественной психологии, советского образа мысли, советских идейных манипуляций и искажений истории, советской неискаженной истории, советской идеи-мечты, советского коммунизма, советского воспитания человека и т.д. В чем-то и как-то выражаемые номинативно-вербальными единицами смысловые признаки могут пересекаться, но далеко не полностью и не во всем, представляя в своих комбинациях каждый раз для каждого вертикального построения какую-то собственную парадигматическую фигуру. Не просто сразу было бы определить поля этих предполагаемых пересечений, хотя их идею и смысл должны были бы составлять понятийные узелки советской языковой картины мира, обусловливаемой привычными, узуальными для советской действительности, речевыми и текстовыми словоупотреблениями. Предпринятое нами в данной работе парадигматическое описание семантики советского позитива задумано было как приближающее к этой задаче. Одним из искомым выходов такого исследования хотелось бы видеть, в частности, распознавание, узнавание, а с этим, как следствие, диагностирование советски заряженных элементов, ориентиров и признаков речевого высказывания. К мысли о признаках советизированности речевого высказывания в связи с семантикой и устройством параметра на примере причастности имело бы смысл возвратиться после ее (причастности) рассмотрения.

Выбранные слова, как номинативные единицы параметра, можно было бы подразделить, к примеру, следующим образом:

причастный (чему-то важному, нужному – стройка, почин, производство, строительство, освоение, расширение, овладение новым, захват):

- начало, инициальность, исход (легендарность, бой, борьба, переворот, обрыв со старым, обращение к новому, способствование ему, созидание его, своими сердцами, делами, руками – партиципация и абруптив: лат. *abruptio, girtum* ‘отрывать, срывать, вырываться; внезапно прерывать, прекращать; ломать, разрушать’, в том числе и также ~ *pontem* – ‘мост’, как сжигание мостов в своем замысле, – причастный можно и следует понимать как часть, неотъемлемое и свойственное, порождение системы, часть и орган общего организма): *авроровец, буденовец* (боец Первой Конной), *искровец, матросовец, чапаевец, щорсовец*;

- продолжение-подхват и развитие (нового отношения к труду как обрыв со старым, партиципация и абруптив) – отдача всего себя, максимально и полностью, неустанное увеличение, наращивание способностей, потенциала, дел, результата, отсутствие предела, нежелание останавливаться, постоянное (само)раскручивание, человек-машина, действующий механизм, вечный двигатель, пламенный мотор – *стахановец* и последователи, другие, такие, как он, – *бусыгинец, кривоносовец, злобинец, ипатовец, многостаночник, пятисотник, скоростник, ударник*;

- производство, обеспечивающее самодостаточность советской системы: *автомобилестроитель, комбайнстроитель, кораблестроитель, хлебороб*;

- появление и развитие в продолжениях нового отношения к людям, обществу, действительности, будущему – *гайдаровец, тимуровец, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), дети партии* (комсомольцы), *наследник (Октября), правнук (Ленина), продолжатель (гениальный, учения, дела), революционер* (как начало, источник, образец подобного отношения);

- освоение пространства (земного, воздушного, водного, космического) и новых с ним и на нем человеческих масс – как дальнейшее развитие, закрепление и обеспечение захваченного, расширение, раздвигание границ, рубежей:

- начало освоения пространства (точка, исход) – *первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик, космонавт, покорители космоса (Вселенной), летчик, чкаловец, челюскинец;*

- дальнейшее его освоение (продвижение от начальной, исходной точки, увеличение, наращивание количества) – *целинник, покоритель целины, полярник, сибиряк, новосел, папанинцы* – прибывший, чтобы освоить;

- строительство объектов освоения пространства (устроение, закрепление) – *бамовец, турксибовец, каналоармеец, дальстроевец, метростроевец* – утверждающий, закрепляющий, захваченное, имеющееся, строительством объектов на нем, включающий его в сферу действия, в партиципирующий обиход;

- действие, реализация участия (партиципированного проявления).

Проекция параметра причастности

Начало, исход и следующее за этим развитие идеи причастности определяют себя в проекциях установления, распространения, утверждения и результирования (овеществленного, субстанционального результата) советской системы – в ее начале, исходе установления и следующего затем расширения по указанным точкам. Проекция этого становления к советской истории дает представление о развитии заложенной в ней идеи советской системы, с необходимостью ее реализации в достигаемом. Историко-философский, или историософский, можно и так это опре-

делять, аспект проблемы, для нашей задачи оборачивался бы аспектом концептуального управления. Этапы и значимые периоды советской истории, всенародные стройки, почины, кампании, действия, мероприятия, включаясь и подключаясь к системе, интерпретировались бы для сознания носителей советской картины мира в нужное для системы русло. Причастность, как свойство, наиболее тесно с системой связанное, повторяет в своих семантических следствиях воплощения этого концептуального историко-философского результата.

Причастность, тем самым, возможно представить, по крайней мере, в двух положениях – как развертывающуюся от точки исходного последовательность системной истории (логика советской истории в ее преподнесении для сознания) и как каким-то образом связанную с этим первым, но более отвлеченную, а потому менее «историчную» и более «языковую» константу. Исходя из сказанного, можно было бы получить две накладывающиеся проекции определяемой причастности – с позиции социотемпорального разворачивания системной идеи, отмечаемого в осуществляющих эту идею людях (персонифицируемая история) и с позиции мироустройства советской системы, того, чем и что она есть для тех, кто ее собой воплощает, кто ею, для нее и в ней, как вольно, так и невольно, живет. Первое уже отчасти было представлено, дадим его ниже в развернуто-уточненном виде. Второе, знакомое по представлениям предыдущего, отобразит отношение к первому и послужит задаче предпринимаемого описания парадигмосистемы для рассматриваемого параметра советской причастности.

«Историософское» наполнение	«Концептуально-языковое» определение
<p>Исток, начало, открывающий первый, ведущий за собой всех других авангард, впередистоящий, образец для последующих: <i>авроровец, искровец, буденовец, стахановец, ударник, дедушка Ленин, революционер, первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик</i></p>	<p>Выдвижение (исход): <i>авроровец, искровец, чапаевец, щорсовец, революционер, первопроходец, первоцелинник, геолог-разведчик, гайдаровец, тимуровец, челюскинец, полярник, папанинцы</i></p>
<p>Подхват – почина, какой-то системно важной идеи, повторяя подвиг, идя вслед за кем: <i>матросовец, бусыгинец, шпатовец, гайдаровец, тимуровец, продолжатель, чкаловец</i></p>	<p>Собирание (мобилизация готовности): <i>буденовец, стахановец, ударник, бусыгинец, шпатовец, многостаночник, скоростник</i></p>
<p>Расширение – воплощение получившей начало системной идеи в своем дальнейшем развитии-продолжении: <i>чапаевец, щорсовец, кривоносовец, злобинец, дети партии (о комсомольцах), правнук (Ленина), космонавт, покорители космоса (Вселенной), летчик, челюскинец, целинник, покоритель целины, полярник, папанинцы, бамовец, турксибовец, метростроевец</i></p>	<p>Поддержка выхода направленной силы: <i>продолжатель, чкаловец, кривоносовец, злобинец, дети партии (о комсомольцах), покорители космоса (Вселенной), целинник, покоритель целины, метростроевец</i></p>
<p>Усиление – сила и мощь, опора, гарантия, оправдание, неуклонность и продолжение продолжения: <i>многостаночник, скоростник, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), автомобилестроитель, комбайностроитель, кораблестроитель, хлебороб</i></p>	<p>Обеспечение надежности (безопасность, сохранность): <i>матросовец, дедушка Ленин, летчик, бамовец, турксибовец, автомобилестроитель, комбайностроитель, кораблестроитель, хлебороб, сибиряк</i></p>
<p>Закрепление, утверждение системной идеи в ее результате, несомненность: <i>пятисотник*, наследник Октября, сибиряк, новосел</i></p>	<p>Достижение результата: <i>правнук (Ленина), космонавт, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), пятисотник, наследник Октября, новосел</i></p>

* Участник движения машинистов – передовиков железнодорожного транспорта, обеспечивавших пробег локомотивов дальностью 500 км в сутки при безаварийной работе. [ТСЯС; МСЭ]

Исходя из закладываемой в противоположение левой и правой части логики соотношений, можно было бы предположить такое примерно определение (не обязательно осознаваемое в деталях и до конца) того, что слева, и того, что справа:

Авророва левой части – как того, кто, будучи членом экипажа «Авроры», причастен к началу, легендарному выстрелу, ставшему первым сигналом новой эры, воплотившей себя в создаваемой советским народом советской системе (причастность ее провозвестию).

Авророва правой части – как того, кто причастен (будучи членом того же легендарного экипажа, но это уже не так важно) начавшемуся подъему, выходу из состояния покоя, пробуждению новых, заявивших о себе, своем праве, сил, начавших затем свое дальнейшее продвижение (*славный путь* в «историческом» восприятии) к поставляемой цели – *построению социализма и коммунизма*.

Искровца левой части – как того, кто своими делами, работой, участием, посвящением, был причастен к созданию и распространению в массах идей, пробудивших сознание угнетенных к необходимости революционных, вплоть до насильственного свержения, перемен, со сменой власти и несправедливого строя на справедливый и лучший, ведущий к созданию социализма и коммунизма (причастность к призыву, возбуждению того положения, которое обеспечит возможность установления советской системы).

Искровца правой части – как того, кто причастен к началу начал, кто стоял у самых истоков того зарождающегося, вызываемого к жизни подъема, который в последующем оказался способным себя овеществить как вы-

шедшее из состояния покоя, пробудившееся движение направляемых к поставляемой цели сил.

Чапаевца левой части – как того, кто своим боевым участием и проявленным героизмом в гражданской войне, причастен к достигнутой в результате победе советской власти над силами контрреволюции, открывшей возможность для расширения, претворения в жизнь революционных идей Октября, для построения социализма и коммунизма в советской стране.

Чапаевца правой части – как того, кто причастен к началу, исходу сил выдвижения в их обеспечивающей возможности реализации защитной поддержке, кто причастен всем тем, кто в начале, при зарождении, а потому в особо опасный и трудный период, когда решаются судьбы, стоит вопрос быть или не быть, кто отстоял, защитил, обеспечив возможность дальнейшего продвижения к намечаемой цели.

Буденовца левой части – как того, кто, будучи бойцом Первой Конной, стоял у истоков славного боевого пути доблестных воинов Красной, а затем и Советской, Армии, в ходе гражданской войны и затем проявив, показав себя как отважный, не знающий страха, не боящийся трудностей, верный славному своему командиру боец за советскую власть, беспощадный к ее врагам, дав, тем самым, пример для всех последующих поколений не только советских воинов, но и всех советских людей.

Буденовца правой части – как того, кто готов всегда поддержать, кто всегда начеку, в состоянии постоянной готовности, на кого можно рассчитывать, кто представляет собой ту потенциально имеющуюся силу советских людей, которая есть порождением создаваемой, вызванной к жизни системы, будучи одновременно обеспечением для реализации ее самоё.

Челюскинца левой части – как того, кто, будучи участником первого рейса по Северному морскому пути на пароходе «Челюскин», в 1933-1934 гг. [ТСЯС], причастен к распространению, расширению, освоению про-

странства, к выходу советской державы к водам Северного Ледовитого океана, закреплению ее на этих своих рубежах, укреплению своей силы и мощи, кто причастен к возможности передвижения по этим морям, обеспечению связи, доставке грузов между портами и пр.

Челюскинца правой части – как того, кто, будучи первопроходцем, причастен к исходу, истоку, началу, выдвиганию сил дальнейшего освоения водных, морских пространств далекого севера, его неисчерпаемых богатств и нераскрытых еще, не использованных возможностей.

Бамовца левой части – как того, кто, так же, как и *челюскинец*, но в ином отношении и иной связи, будучи участником всесоюзной стройки, причастен к распространению, расширению, освоению пространств, закреплению советской державы на самых дальних своих рубежах, укреплению ее силы и мощи.

Бамовца правой части – как того, кто, принимая участие в таком важном строительстве, как Байкало-амурская магистраль, причастен к укреплению и обеспечению безопасности, обороноспособности, технической и транспортной оснащенности советской системы, способствуя обеспечению надежности и сохранности, защищенности ее достижений.

Различными по своему насыщению могут оказываться, тем самым, и парадигматические ряды в своих соотношениях того и другого. Ряды левой части предполагают соотношения, отличающиеся по виду, смыслу, характеру от возможных рядов правой части.

Первым таким рядом, включающим значения причастности в ее проекции к советской истории, распределяя их по местам первоисточка (1), начала (2) и продолжения в подхвате (3), дальнейшем разворачивании (4), освоении (5), обеспечении (6) и закреплении (7) мог бы быть для левой части 1) *искровец* – 2) *авроровец* – 3) *чапаевец* (*буденовец*, *щорсовец*) – 4) *стахановец* (*бусыгинец*, *ипатовец*, *кривоносовец*, *злобинец*, *скоростник*, *многостаночник*, *пятисотник*) – *матросовец* – 5) *целинник* (*покоритель*

целины, полярник, папанинцы, бамовец, турксибовец, метростроевец) – б) *автомобилестроитель (комбайностроитель, кораблестроитель, хлебороб)* – 7) *наследник Октября (внуки (революции, Ильича), внучата (Ильич), дети партии)*.

Отмеченные в соответствующих позициях единицы следует воспринимать как не единственные, не жестко и не полностью покрывающие представляемое ими место, способные вступать в иные отношения.

Другим таким рядом для левой части может быть парадигма ударничества: *ударник – стахановец – бусыгинец, ипатовец, кривоносовец, злобинец – скоростник – многостаночник – пятисотник*. Или ряд парадигмы первопроходчества: *искровец, авроровец, революционер* (того или тех в советской истории, кто зажег, возбудил, понес первым факел, открыл, способствовал открыванию новой страницы и новой эпохи) – *первопроходец* (того, кто первый, идет впереди, открывает, прокладывает пути для идущих следом) – *геолог-разведчик* (того, кто отважно, не взирая на трудности, открывает для родины необходимые залежи ископаемых, закладывает возможность их разработки) – *первоцелинник, покорители космоса (Вселенной)* (того, кто первым едет, отправляется осваивать новые рубежи) – *гайдаровец, тимуровец* (того, кто своим отношением к поручению, к делу, к людям, своим посвящением, заботой о старших, о младших, о слабых показывает пример остальным) – *челюскинец, полярник, папанинцы, метростроевец, турксибовец, бамовец* (того, кто, не взирая на суровые испытания, в трудных условиях севера, далекой Сибири, полярного круга, под землей, прокладывает пути, одолевает, осваивает пространства для всех советских людей, для последующих поколений) – *новосел* (того, кто первым едет на еще не освоенные, не обжитые человеком места, смело включаясь в процесс их начавшегося, заданного первостроителями, освоения-обживания). Ряд парадигмы последователей, продолжателей, верных сынов (подхват заложенного в славном начале и развитие

в не менее славном продолжении): *авроровец, буденовец, стахановец, дедушка Ленин, революционер – продолжатель (гениальный, дела Ленина) – чкаловец – гайдаровец, тимуровец – дети партии, внуки (революции, Ильича) – внучата (Ильича) – правнук (Ленина)*. Или ряд парадигмы тружеников, создателей, строителей, тех, кто своим трудом обеспечивает, создает народное благополучие, строит будущее: *ударник, стахановец, многостаночник, скоростник, первоцелинник – целинник, покоритель целины, новосел – сибиряк – автомобилестроитель, комбайностроитель, кораблестроитель, хлебороб*.

Парадигматические ряды правой части могли бы выглядеть для некоторых слов-репрезентантов примерно следующим образом:

- ряд неуклонного победного движения вперед и вверх (от выстрела «Авроры» до освоения космоса): *авроровец – буденовец – чкаловец – матросовец – космонавт*;

- ряд революционного, преобразующего действия, движения в создаваемой системе: *революционер – искровец – стахановец (многостаночник, скоростник) – первоцелинник (папанинцы, челюскинец) – наследник Октября*;

- ряд одоления, преодоления сопротивления, препятствия, победы над врагом, помехами, препятствием: *чапаевец (щорсовец) – буденовец – чкаловец – матросовец – внуки революции*;

- ряд освоения, расширения, распространения создаваемого, включения в него все новых сфер: *первопроходец (первоцелинник, геолог-разведчик, полярник, челюскинец, папанинцы) – стахановец (бусыгинец, ипатовец, многостаночник, скоростник) – покорители космоса (Вселенной), целинник, покоритель целины, метростроевец – летчик, бамовец, турксибовец – внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), пятисотник, наследник Октября, новосел*;

- ряд достижения, участием, активным проявлением, трудом: *авроровец (искровец, революционер, первопроходец) – стахановец (ударник, бусыгинец, ипатовец, мно-*

гостаночник, скоростник) – продолжатель (дела Ленина), целинник, метростроевец – летчик, бамовец, турксибовец, автомобилестроитель, комбайностроитель, кораблестроитель, хлебороб – внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), наследник Октября, новосел.

Возможны также и другие вписывающиеся в позиции пяти точек, по-разному соотносимые между собой, ряды, заполненные и не заполненные в номинативных единицах. Такие, например, как ряд почина, начала новых отношений в новых поколениях, в молодежи, в детях, производимого ими преобразования в сознании людей (*гайдаровец, тимуровец – ... – дети партии – ... – внучата Ильича*) или ряд стальной закалки, твердости, выдержки, несгибаемости, свойственных советским людям (*чапаевец, полярник, папанинцы – ... – целинник, метростроевец – бамовец, турксибовец, сибиряк – космонавт*), или другой какой-нибудь не менее значимый и важный, но не пронизывающий собой всю парадигматику соотношений, ряд. Отношения между представленными и не представленными рядами могут быть включающими, параллельными, производящими, отношениями общего и частного, развития-подхвата, проекции к какой-то сфере и т.п. Парадигматическая их системность, обуславливая возможность проявления и развития того либо иного ответвления и частного, существует как концептуальная потенция, порождающая матрица сознания, мотивирующая и вписывающая все возможное в себя. Далекое не обязательно при этом она выражается в составляющих элементах, а в номинативных единицах (сгустках смысла) воплощается не полно, лишь какими-то представляющимися значимыми репрезентантами. Парадигматическая системность дискурсивна, будучи вписана в постоянно развертывающийся текст, контекст советского мировоззрения, воспитания (воздействия) и действительности. Во всем объеме целого она, эта системность, обнаруживает и воссоздает себя. Анализируемые единицы отображают ее лишь в самой малой части, мозаично рассыпанными смысловыми сгуст-

ками осознаваемого и объективированного в связи с этим восприятия.

Дальнейшее подразделение по точкам в левой и правой частях таблицы, с учетом сказанного и на основе выявляемой логики, могло бы выглядеть примерно следующим:

Левая часть таблицы

Начало (1)

1.1. *искровец* – 1.2. *авроровец* – 1.3. *буденовец*

2.1. ...

3.1. *первопроходец* – 3.2. *геолог-разведчик* – 3.3.

первоцелинник

4.1. ... 4.2. *ударник* – 4.3. *стахановец*

5.1. ... 5.2. *революционер* – 5.3. ... 5.4. ... 5.5. *де-*

душка Ленин

Правая часть таблицы

Выдвижение (1)

1.1. *искровец* – 1.2.
революционер

2.1. *авроровец* – 2.2.
чапаевец 2.3. ... 2.4. *щорсо-*
вец

3.1. *первопроходец* –
3.2. *геолог-разведчик* – 3.3.
первоцелинник

4.1. ... 4.2. *полярник*
– 4.3. *челюскинец* – 4.4. *па-*
панинцы

5.1. ... 5.2. *гайдаро-*
вец – 5.3. *тимуровец*

Искровец левой части занимает позицию 1.1. для (1) как точка исхода в начале начала, т.е. тот, кто, как провозвестник, открывает собой все остальное и последующее. *Авроровец*, соответственно, как мобилизующий, со-

бирающий, вызывающий к жизни начало начала. *Буденовец* – как ударная, направляемая сила (3) его достижения (этого 1. для (1) – начало начала). Подобным образом следует воспринимать все последующее в представленной схеме. *Авроровца* – 2.1. для (1) правой части – как мобилизующего своим сигналом, зовом силы намеченного выдвигания. *Чапаевца* – как того, кто своей готовностью, решительностью, подвигом (как по-движением, следующим за выдвиганием первой фазы) причастен к намеченному в 2. для (1) (мобилизация готовности в отношении начала) результату, обеспечением и поддержкой которого в точке 4 воспринимается *щорсовец* (победа в гражданской войне на окраинах и в тылах – Украина).

Левая часть таблицы

Подхват (2)

1.1. *продолжатель*

2.1. *гайдаровец* – 2.2. ... – 2.3. *тимуровец*

3.1. ... – 3.2. *ипатовец* – 3.3. ... – 3.4. *бусыгинец*

4.1. ... – 4.2. *матросовец* – 4.3. *чкаловец*

Правая часть таблицы

Собирание (2)

1.1. *буденовец*

2.1. *ударник* – 2.2. ...

– 2.3. *ипатовец*

3.1. *стахановец* –

3.2. ... – 3.3. *многостаночник* – 3.4. *бусыгинец* – 3.5.

скоростник

Продолжатель (гениальный, дела Ленина) левой части может быть определен как начало начала в подхвате той идеи, которая связывалась в общем советском сознании с именем Ленина как основателя партии и государства, определяющего своим указанием, руководством, вождением (*гениальный вождь*) системные действия всех

остальных. В связи с такой его исключительной ролью последующие позиции ряда 1. для (2), видимо не случайно, оказались не занятыми. *Гайдаровца* левой части имело смысл отнести к позиции 2.1. в силу его роли стоящего впереди, зачинателя, для движения (*Гайдар шагает впереди*), видящего свою задачу в мобилизации, подготовке будущих сил, т.е. сил, еще только мобилизуемых к действиям в будущем. По той же причине *тимуровца* возможным представилось отнести к проявлению в действии (забота о людях, помощь старшим, добрые дела, отмечающие это движение) того же мобилизующего по своему смыслу движения, что и в *гайдаровце*, но на последующей, в поддержке выхода, фазе. *Ипатовец* и *бусыгинец*, представляя собой проявления идеи подхвата почина в действии, соотносимы по признаку того, кто действует, используя метод, дающий эффект (ипатовский метод), т.е. мобилизует(ся) к выполнению, и того, кто вводит, продолжает движение, начатое Стахановым, в автомобильной промышленности, как последователь А.Х. Бусыгина, поддерживая, распространяя и расширяя начатое. *Матросовец* и *чкаловец* отнесены к 4. как защитники Родины, надежная опора, гарантия ее безопасности, повторив собой – подвиг (позиция 2) А. Матросова и направляемую силу ударного проявления в действии (позиция 3) В. Чкалова.

Логика правой части отображает идею движущегося проявления направленной силы от точки 1 в его движении и исходе к точке 5 в своем завершении в достигнутом стремлении к нему. В связи с этим *буденовца* можно воспринимать как начальную точку мобилизующего начала. *Ударника* и *ипатовца* – как точки такой же мобилизации в ее исходе и действующем проявлении. Последующий ряд представляет собой отражение той же идеи мобилизации в действии – в позициях к ее началу (*стахановец*), проявленной силе (*многостаночник*), обеспечению (*бусыгинец*) и результату (*скоростник*).

Левая часть таблицы

Расширение (3)

1.1.1. *чапаевец* – 1.1.2. *щорсовец*

1.2.2. *злобинец* – 1.2.3. *кривоносовец*

2.1. *полярник* – 2.2. *челюскинец* – 2.3. *папанинцы*

3.1. *летчик* – 3.2. *космонавт* – 3.3. *покорители космоса (Вселенной)*

4.1. *целинник* – 4.2. *покоритель целины* – 4.3. *бамо-веец* – 4.4. – *турксибовец* –

4.5. *метростроевец*

5.1. ... – 5.2. *дети партии* – 5.3. ... – 5.4. *правнук*

Ленина

Правая часть таблицы

Поддержка выхода (3)

1.1. *продолжатель*

2.1. *чкаловец* – 2.2. ... – 2.3. *зло-бинец* – 2.4. *кривоносовец*

3.1. *покоритель целины* – 3.2. ... – 3.3. *целинник* – 3.4. *метростроевец*

4.1. *покорители космоса (Вселенной)* – 4.2. ... – 4.3. ... – 4.4. *дети партии*

Отнесение *чапаевца*, *щорсовца*, *злобинца* и *кривоносовца* к точке начала для расширения предполагает идею прорыва, рвущегося в бой, стоящего впереди, образца героизма в отношении *чапаевца*, с тем же самым, но более в сторону твердой готовности биться и защищать для *щорсовца*, мобилизованность в проявлении, применительно к тому же началу, в сторону собирания к действию (злобинский метод подрядной работы) для *злобинца* и действия в действии, удвоенной силы действия (инициатор повышения вдвое скорости грузовых поездов) для *кривоносовца*. Отнесение *полярника*, *челюскинца* и *папанинцев* к точке 2 раскрывает идею последующего подхвата внутри расширения, проявляющегося в готовности, мобилизации силы в точках ее начала, кумуляции и направле-

ния к действию. Позиции остающихся точек как проявления направленной силы (3), обеспечения (4) и достижения в результате (5), во избежание повторений, можно оставить без комментариев.

Дальнейшие подразделения представим как иллюстрирующий систему материал, полагая, что механизм продвижения смыслов по уровням и позициям точек был показан.

Левая часть таблицы

Усиление (4)

1.1. ... – 1.2. ... – 1.3. *многостаночник* – 1.4. *скоростник*

2.1. *внуки (революции)* – 2.2. *внуки (Ильича)* – 2.3. ... – 2.4. *внучата (Ильича)*

3.1. *кораблестроитель* – 3.2. *комбайностроитель*

–

3.3. *автомобилестроитель* – 3.4. *хлебороб*

Правая часть таблицы

Обеспечение (4)

1.1. *матросовец*

2.1. *турксибовец* – 2.2. ... – 2.3. *бамовец* – 2.4. ... – 2.5. *хлебороб*

3.1. *летчик* – 3.2. ... – 3.3. ... – 3.4. *сибиряк*

4.1. ... – 4.2. ... – 4.3. ... 4.4. ... – 4.5. *дедушка Ленин*

5.1. *автомобилестроитель* – 5.2. *комбайностроитель* – 5.3. *кораблестроитель*

Левая часть таблицы

Закрепление (5)

2. *наследник Октября*

3. *пятисотник*

4. *сибиряк*

5. *новосел*

(в силу небольшого числа единиц в этой части возможным представилось показать их в соотношениях по вертикали, без отнесения к горизонтали, поскольку нет соответствий, позволяющих их каким-либо образом уточнить; то же самое следует отнести и к позициям достижения результата для правой части)

Правая часть таблицы
Достижение результата (5)

- 1.1. *внуки (революции, Ильича) – 1.2. правнук (Ленина) – 1.3. ... – 1.4. внучата (Ильича)*
2. *наследник Октября*
3. *космонавт*
4. *пятисотник*
5. *новосел*

Причастность в ее контекстном проявлении

Причастность системе как семантический признак рассматриваемого параметра характеризуется той особенностью, что ее отличает некая внутренность подключения к единицам, часто не в языке, а в употреблении, в речи и тексте, дающая себя ощутить. Система представлений, типичная для советского мировосприятия, мироощущения и, тем самым, мировоззрения, действует как бы отдельно от слов, присутствуя в сознании до и после употреблений, наслаиваясь на их семантику, встраиваясь в нее. Вопрос о действии этих внутренних ощущений и представлений достаточно сложен для описания. Не замахиваясь поэтому на эту сложность отделения выражаемого от формы, лишь для иллюстрации отмеченных в отношении причастности особенностей, с целью их отличения от тех, которые будут свойственны поставленности, как признаку внешнего подключения и потому более явному, можно было бы показать отражение характеристик, связываемых с причастно-

стью, на примере одного употребления, почти никак себя не проявляющего как советское. Опытом определяемой причастности было выведено особым образом переплетающееся соотношение признаков, охарактеризованных как революционность (прорыва, прерывания, обрывания с прежним, отказ от него и выход к новому в *абруптиве*) и нелегитимность (присваивания, освоения не принадлежащего себе, выдавание его за свое, положенное и надлежащее, связываемые с необходимостью подтверждения данного права в *аффирмативе*, что можно рассматривать также как следствие скрытого социального *дезацензива* – боязни непризнания, неодобрения, неуверенности, страха быть исключенным, отвергнутым, предполагающие необходимость компенсаторных следствий и проявлений).

Понимаемую таким образом «революционно-нелегитимную» заряженность речевого и текстового употребления можно было бы определять как его «советскость» в ее отношении к причастности советской системе. Попробуем увидеть ее отражение на следующем примере, взятом из МАС (т. II, с. 224):

Алька сказал, что у него на квартире собираются ребята – бывшие одноклассники, что-то вроде мальчишника – поболтать, отчитаться друг перед другом, кто кем стал. Щербановский, Ловцы трепангов.

Советской действительностью создаваемый и ощущаемый контекст проявляет себя в самых различных признаках и сторонах приведенного высказывания, в органике его целого, поэтому отделение от нее в последовательности чего-то одного, а затем другого, третьего, дальнейшего впечатления об общем не создаст. Такое отделение понадобится для аналитической по своему замыслу иллюстрации, заключавшейся в поиске вероятных, способных себя проявить показателей охарактеризованной революционно-нелегитимной причастности. И, что не менее важно, показатели эти, действуя в своей совокупности в советизированном ключе, в других контекстах, не

заряженных советской причастностью, организуясь по-другому, в каком-то ином задаваемом тоне, могут быть показателями каких-то иных характеристик, не обязательно советских. Эти различия, однако, не будут входить в решаемую задачу. Ограничимся поиском характеризующей причастности.

Алька сказал – Ванька сказал – Маслов сказал – Иван Иванович / Иваныч сказал – Леня сказал – Саша сказал – Шурик сказал – Федор сказал... Каждый из приведенных примеров введения какого-то далее следующего за этим развития представляется заряженным в отношении возможной, предполагаемой как типовая, в том числе и советской действительности, коммуникативной среды. Эта среда может быть производственной, компанийской, внутрисемейной, родственной, приятельской, дружеской и т.п. Не будем входить в обусловленности того либо иного выбора, ограничившись указанием на то, что форма личного имени *Алька* в наибольшей степени тяготеет к возможному, заключаемому в ней представлению о компанийской свойскости, близости, свойственности, принадлежности кругу ровесников – молодых парней и девчат, с их представлениями об отделяющем их от других, от старших, окружения, собственным кодексом (= кодом) поведения и отношений, между собой, друг к другу, в своем кругу, равно как и вне его. Указанная черта может быть охарактеризована, минуя опосредования, как проявление абруптива, т.е., в своем исходе, того, что было определено как признак советской системной революционности.

В общем контексте знаковым представляется также *сказал*, могущее быть воспринятым как проявление, признак авторитетности утверждения, его неотменимости, несомненности – *сказал*, и все тут, как точку поставил. Совсем другие могли бы возникнуть оттенки, если бы он *сообщил, рассказал, пояснил, говорил, объяснил* или *как я узнал от Альки*. Это *сказал* в продолжающемся далее контексте вписывается в органику свойств проявления аффирматива – необходимости утверждения, подкрепления

надлежащего права, в данном случае на то, что свое (у *него на квартире*), чем он способен, может, вправе распоряжаться, о чем открыто и прямо заявлять. И, в связи с этим, как продолжение аффирматива, поскольку *его, у него на квартире и собираются* – квартира эта, что подчеркивается, его (хотя, может быть и скорее всего, родительская, но в том и состоит аффирмативный смысл того, как об этом говорится). А потому он вправе, утверждением, заявляемом, *сказанном*, на ней, по своему вызову, желанию и выбору, кого захочет собирать. *Собираются ребята* – сбор, собирание, собрание, слет, съезд, коллективность и *на квартире (у кого-то) собираться*.

И то и другое можно было бы рассматривать как признаки революционности и абруптива – «конспиративности собрания», отделенного, обособляющего(ся) от других, только свои, для своих, и в этом отделении вместе действующие и думающие, как группа, молодые, юные, ровесники, единомышленники, мальчишки, мужское посвященное инициальное свое. *Бывшие и одноклассники*, без долгих объяснений ‘бывшести’ и ‘одноклассничества’, ‘школы’ (школьных годов, учения, обучения, пионерии, комсомолии, школьничества, школьного товарищества, школьной дружбы, школьной ностальгии, связываемой с бывшестью как тем, что когда-то и забываемо было и чего на всю последующую жизнь остается, отпечатывается, дает себя почувствовать неизгладимый след, – *учительница первая моя* и пр.), – в отношении советски значимых и знаковых знаний-представлений эти *бывшие и одноклассники* ложились бы, тем самым, в ряд «революционности» и абруптива.

Что-то вроде мальчишника – как не до конца, не в полной мере акцептируемое, воспринимаемое и одобряемое советское свое, а потому требующее оправдания в этом *что-то вроде* (аффирматив) и неизбежно следующего за этим абруптива самого *мальчишника*, как «революционного», переворачивающего, отрывающего, обрывающего от других и от того, что было, наступило после

состояния *бывшего*, противопоставления себя, своего мужского общества и коллектива, собрания посвященных и друг с другом связанных (общими воспоминаниями, школьной дружбой как объединяющей и отделяющей их в абруптиве деятельности).

Поболтать и *отчитаться* – такое же контрастное соединение абруптива в *поболтать*, с подчеркнuto несерьезным, отделяющем от всего остального и серьезного, в своем кругу, внешне выглядящим пустым, времяпрепровождения в болтовне, возможно камуфлирующей для других, скрывающей от посторонних глаз-ушей что-то непонятное для них свое, и аффирматива в *отчитаться* – советски заряженном и определенном, предполагающем необходимость постоянного (само)оправдывания и доказывания своих способностей, своих возможностей, претензий, прав, как следствия сомнений в них, общественно-го наблюдения и постоянного контроля. Ср.: *отчитаться* – *перед обществом, перед (советскими) людьми, перед самим собой, перед товарищами, перед (всем) собранием, перед народом, перед партией, перед родиной (которая тебя вырастила, дала образование, воспитала), в своих делах, в совершенном, достигнутом* и т.п., – необходимость отчета, внутреннего самоотчета, (постоянного) самоконтроля, как апологетическая необходимость и, неизменно, следствие нелегитимности, точнее внутренне нелегитимизированного, а потому имплицитного, но беспокоящего, будоражащего, тревожащего, постоянного самооправдывающего(ся) определения себя как такового и себя в кругу и в окружении других. Показательно при этом не случайное в начале *поболтать*, переходящее в контекст-синоним *отчитаться*. Не просто *поболтать*, так только выглядит, что *поболтать*, поскольку *поболтать* для советских – это слишком мало и далеко не все, и не так просто, и мало ли что за этим всем (ср.: *болтун находка для шпиона, хватит болтать, пора работать* и т.п.). Поэтому еще и также в этом *поболтать* должно быть что-то важное и большее, чтоб оправдать, как в *от-*

читаться, тем самым, показав другим, и *друг перед другом* (как перед совестью и теми, кто тебя знает, знал, был близким – аффирматив в абруптиве), кто ты и что ты и *кто кем стал*. В этом *кто кем стал* – кем быть и кто есть кто – также ощутимо, видимо, наглядно воплощаемо советское аффирматива, необходимости убедить других и доказать. Свое определение во времени, в последующем после бывшего (т.е. отношение к будущему, а в настоящем прошлому), необходимость определения и доказательства себя в кругу своих, своего места среди них и сознательности выбора – *с кем ты, за кого ты* и, следовательно и тем самым, *кто ты*, свой или не свой, советский или контра, надежен или нет (*кто не с нами, тот против нас* – революционность и абруптив).

Если бы все сказанное в анализируемом предложении было оформлено иначе, скажем, хотя бы для примера так: *Алек (Саша) сказал, что он у себя на квартире устраивает встречу (вечеринку, сборище, сабантуй(чик), собирается компашка) – придут те, кто с ним учился, такой вечер, только в мужской компании, поговорить, повспоминать, рассказать о себе, о своих успехах.* (или как-нибудь еще), – то представленных в разборе аффирмативов-абруптивов повторить и обнаружить вряд ли бы удалось. Таким образом, не факт, не событие, а его оформление, представление в высказывании делают их ощутимо, значимо советскими, советизированными, и таково и в этом внутреннее свойство анализируемой причастности системе.

Характеристика параметра поставленности

Поставленность ведет себя иначе. Ее признаки связываются с внешним отношением к системе, функционирование которой обуславливается наличием определенных мест, назначением, направлением к которым, откоманди-

рованием с наделением соответствующими полномочиями и обязанностями осуществляется, обеспечивается ее работа, необходимое, желательное, требуемое, задаваемое (извне и сверху) движение в ней. Лицо, обозначаемое той или иной номинативной единицей, предполагающей либо допускающей отнесение ее к поставленности, следует рассматривать как место назначения, место поставления в системе, позицию, способную, в соответствии с пятью предложенными точками, оказаться тем, что обеспечивает 1) включение в систему либо включение системы, как правило, ее какой-то части, – вход, запуск, начало движения, предвидимого для занимаемой позиции; 2) мобилизацию готовности, организацию, собирание, кумуляцию сил предполагаемого состава; 3) поддержку выхода направляемых на достижение цели сил, ее возможное осуществление в действии; 4) обеспечение надежности, сохранности, защиты производимого движения, а также сил и средств его осуществления; 5) достижение результата, осуществление, получение, обладание достигнутым. Поставленный к месту действует, как правило, не сам, организуя, направляя, собирая тех, кто, собственно, и производит действия, кто призван, предназначен к этому. Система действует и проявляет себя в действии как организуемая конструкция работающих человеческих объектов, достигая ставящейся перед ними цели под направляющим и организующим воздействием поставленного к этому лица.

Трудность и неоднозначность отнесения номинатива к точке связывается с невозможностью выбора в целом ряде случаев ведущей функции как определяющей для занимающего позицию лица. В связи с чем распределение единиц будет иметь характер допускаемого условный, через соответствие к позициям других. При этом позиции этих взаимодействующих других следует воспринимать в опосредованном и смещенном отношении, поскольку в представляемых номинативах невозможно выводить цепочку некоего одного движения в системе. Движение это следует воспринимать как общее, единое в совместном

устремлении к цели. Иначе говоря, слова, к примеру, *генсек*, или *групкомсорг*, или *завкадрами*, равно как и другие, не должны, не могут и не будут соотноситься с обозначениями тех, кто входит, в условиях реальности, в область совместного с ними, осуществляемого в единой деятельности, профессиональной сфере общего движения. Над кем стоит *генсек*, кем руководит, кого организует *групкомсорг*, кто взаимодействует, сотрудничает с ними, развивая, направляя задаваемое ими движение, этих лиц, ни в их отдельности, ни в совокупности номинативы не отражают. Тот и другой, тем самым, как и все прочие, выступают обозначениями ролевых позиций к целому для всей системы.

В целях его обозримости возможные для описания уровни и подуровни покажем не одновременно, а в последовательности.

I. Вход, включение в систему, открывание, запуск движения:

генсек, главный (конструктор космических кораблей), *зам, заместитель, замзав, зампред, командарм, командир, комбат, комбриг, комвзвода, комдив, комкор, комполка, комроты, комэск, комэска, первый* (руководитель), *староста*

II. Собираение, кумуляция сил дальнейшего проявления, мобилизация готовности:

агроуполномоченный, двадцатипятитысячник, групкомсорг, группорг, завклубом, завлит, завуч, замполит, куратор, ответсек, оторг (ответственный организатор), *партгруппорг, парторг, пионервожатый, проректор, профгруппорг, профорг, профорганизатор, профуполномоченный, спорторг, физорг*

III. Поддержка выхода направляемых на достижение сил, их возможная реализация в действии:

возвращенец («Тот, кто возвращается из города в сельскую местность, чтобы жить и работать там.» [ТСЯС]), *вожатый-производственник, дежурный, инструктор, клубный работник, кружковод, пионеринструктор, политбоец, политинструктор, политинформатор, продовольственник* (член продотряда), *санитар, секретарь, технорук, техред, физрук, художник*

IV. Обеспечение надежности, защиты, поддержки выхода направляемого к достижению движения сил:

вохровец, домоуправ, домоуправляющий, завгар, завкадрами, завхоз, завэтажом, классный, классрук, особист, паспортистка, помдеж, помкомзвода, помнач, помощник, помполит, продкомиссар, райпродкомиссар, управделами, управдом, чекист

V. Достигнутое, его охват, обладание, осуществление, получение результата:

депутат, заседатель (народный), кавторанг, нарком, начдив, политком (комиссар), политпросвет (работник), политпросветработник, политпросветчик, политработник, полпред, предгориспокома, предзавком, предисполкома, предправления, председатель, предсельсовета, предсовнаркома, предсовнархоза, предфабкома, судья (народный), трибуналец

Сомнения в обоснованном отнесении к соответствующим позициям могут вызвать номинативы, стоящие в одном ряду, внешне и внутренне между собой не согласующиеся. Так, к примеру, не слишком оправданным может выглядеть в группе включения (I) совмещение таких единиц, как *генсек, главный, командарм, командир, первый*, с одной стороны, и *зам, заместитель, замзав, зампред*, с другой, с добавлением к этому *старосты* (сельского, деревенского, как управляющего, и школьного или вузовского, как ответственного за дисциплину и порядок). При всей условности и относительности предложенного

подразделения хотелось бы обратить внимание на то, что позиция предполагает не должность и социальный статус, а место в действующей системе, т.е. ее запускающую в данном случае роль. С этой точки зрения позиция генерального секретаря, задающего начало движения, мало чем отличается от такой же задающей роли, пусть и второго по своему положению и значению по сравнению со стоящим первым над ним, заместителя, зампреда, зама, выполняющих на отведенном им участке такую же, запускающую ход движения, роль. Различия между ними, достаточно уловимые, можно было бы определять в связи с этим как различия последующих уровней.

Такими последующими уровнями, двумя, как представляющиеся достаточными для описания, могли бы быть уточнения а) роли поставления, связываемой с позицией-местом, и б) степени активности участия, вхождения в действие, втягиваемое в сферу задаваемой местом роли и реализуемое не самим поставленным лицом, а теми, над которыми или к которым он поставлен.

Роль поставления могла бы представляться в следующих отношениях:

1) решающий, определяющий, задающий, располагающий исходным, распорядитель, расставляющий, поставляющий (поставщик) задания – диспонтент²⁷;

2) проводящий, наблюдающий, курирующий, разводящий – своего рода мобилизатор;

3) ответственный за исполнение;

4) обеспечивающий реализацию;

5) сводящий в результат, охватывающий, синтезирующий, собирающий.

По степени участия, вхождение в исполнение, связываемое со сферой роли, представляется возможным выделить:

1) устанавливающего;

2) приделывающего;

3) включаемого (включенного) в исполнение;

- 4) отвечающего за производимое;
- 5) приставленного к результату.

Исходя из представленного различения ролей вход, включение в систему, тех, кто производит запуск (I), можно было бы подразделить на последующем уровне в таких соотношениях:

1. *генсек, первый, комдив*;
2. *зам, командир, комкор, комэск, комэска*;
3. *главный, зампред, комбат, комполка*;
4. *замзав, командарм, комбриг, комроты*;
5. *заместитель, староста, комвзвода*.

Ряды образуют представления о лицах, точнее занимаемых ими позициях, которые, связываясь с некоей идеей, на основании более или менее не противоречащих ей впечатлений, допускают или же предполагают ту либо иную соответствующую позиции проекцию. Тем самым, *генсек, первый, комдив* воспринимаются как те, кому свойственна, советским языковым сознанием и знанием действительности, роль стоящего над всеми и за всем – что делается, должно производиться, от кого зависит, но не осуществление (в точке 3), не разделение ролей (в точке 2) для исполнения, а само исходное, запуск того и тех, кто далее, затем, на следующем шаге разделяет, распределяет роли для дальнейшего за этим исполнения. Этот запуск, инициирование через посредство выстраивающихся в поэтапный ряд посредников предназначенной к исполнению цели следовало бы понимать как такое, которое воспринимается как свойственное определяемому более других и по сравнению с другими. Иначе говоря, *генсек* понимался бы как тот, кто (пред)определяет и от кого зависит – последующее и направленное, направляемое, осуществляемое, реализуемое совместное движение масс трудящихся, советских организаций, предприятий, коллективов. Аналогично *первый* и *комдив* воспринимались бы как те, кто проявляют себя в сфере отводимого им дей-

ствия таким же образом, над которыми (в принятии соответствующих решений) никто не стоит, кто сам решает, и запускает все последующее.

Отнесение номинативной единицы к точке может связываться как с более или менее устойчивым характером сложившихся о называемом представлений, так и с возможным смещением акцентов в представлениях о нем. Так, *командир, главный, комбат, комполка, командарм, комбриг, комроты, староста, комвзвода* были распределены по соответствующим местам исходя из первой названной причины, а *зам, комкор, комэск, комэска, зампред, замзав, заместитель* – из второй. *Командир*, тем самым, воспринимается как лицо, тяготеющее по своей роли к значениям точки 2 – организующий, мобилизующий в своих подчиненных готовность к действиям, подвигающий их на задание, тот, кто в первую очередь разводит и раздает, чем что-то другое, в приделенной ему сфере. *Главный* (конструктор), а с этим *комбат, комполка*, эту роль свою для своего положения определяют, прежде всего, в контексте ответственных за исполнение спускаемых сверху, назначаемых заданий. *Командир*, согласно имеющимся о нем представлениям, обладает более разнообразным полем руководящей деятельности, воспринимаясь как стоящий над подчиненными в менее предопределенной роли, командующий ими в отношении как придаваемых заданий, так и возможного выбора их исполнения. В то время как *главный, комбат, комполка*, в первую очередь, предполагают связь, отношение к заданию, и в нем, как наделяемые соответствующей ответственностью, должны проявлять свою руководящую роль, будь то конструирование космических кораблей для *главного* или задачи, стоящие перед полком, батальоном, для двух последующих.

Аналогичным образом *командарм, комбриг, комроты* можно было бы, опираясь на те же типичные о них представления, интерпретировать в первую очередь как тех, кто обеспечивает реализацию порученного задания,

гарантирует осуществление его. И производит это на самом выходе, почти что в результате, что неизбежно включает значения предыдущих точек (прежде всего 3 и 2), концентрируясь, однако, на точке обеспечения выхода (4). Соответственно *староста* и *комвзвода*, как отвечающие за все и про все, собирающие и отчитывающиеся, синтезирующие самые разные стороны поручаемой деятельности, отвечающие в целом, как за таковое и общее состояние группы и взвода, те, кто ближе других к своему коллективу, – тяготеют по этой причине к вбирающей все это точке 5.

Касаясь вопроса скорее акцентов, чем собственно представлений, заложенных в обозначаемом, с учетом знания, актуализируемого к советской действительности, хотелось бы рассмотреть представляющееся не существенным различие эквивалентных обозначений типа *зам*, *зампред*, *замзав*, *заместитель*, с одной стороны, и не слишком активных в употреблении *комкор*, *комэск*, *комэска*, с другой (в этом втором ряду два последних обозначения также и эквивалентны, но, в силу их неактивности, их различие имело бы смысл производить на последующем уровне). *Зама*, в силу его динамичности по сравнению с полной формой (*заместитель*) и обобщенности по сравнению с двумя другими, можно было бы воспринимать как тяготеющего к точке мобилизующего (2). Соответственно, *заместителя*, в силу его большей обстоятельности, предполагаемых в полном обозначении, – относить к позиции синтезирующего, охватывающего, включающего и сводящего, отвечающего за все (5). *Зампред* и *замзав* тогда бы распределились по точкам 3 и 4, как для себя акцентным, – ответственный за исполнение, придающий направление, определяющий возможные действия (*зампред*) и более близкий к исполнению, гарантирующий, обеспечивающий его (*замзав*). Меньшая по сравнению с другими активность для языка советской действительности названий *комкор*, *комэск* и *комэска* предполагала бы, в данном случае, отнесенность их скорее к точке мобилиза-

ции (2), т.е. начальника как разводящего, мобилизатора и проводника, без знания уточняющих представлений о роли.

С учетом предполагаемой степени проявления дальнейшее подразделение в пяти позициях запускающего (I) можно было бы выстроить следующим образом:

1. задающий, располагающий – диспонт:
  - 1.1. *генсек* (в позиции устанавливающего);
  - 1.2. *первый* (в позиции приделывающего);
  - 1.3. *комдив* (в позиции включенного в исполнение);
2. проводящий и разводящий – мобилизатор:
  - 2.1. *командир* (устанавливающий);
  - 2.2. *комкор* (приделывающий);
  - 2.3. *комэск* (включаемый в исполнение; относимый к позиции 3, как более активный и динамичный по сравнению с обеспечивающим осуществление в непосредственно-разговорном *комэска*);
  - 2.4. *комэска* (отвечающий за производимое);
  - 2.5. *зам* (приставленный к результату);
3. отвечающий за исполнение:
  - 3.1. *главный* (устанавливающий);
  - 3.2. *зампред* (приделанный и приделывающий);
  - 3.3. *комбат* (включаемый в исполнение);
  - 3.4. *комполка* (ответственный за производимое)
(отличие между *комбатом* и *комполка* укладывается, тем самым, в представление о большей заряженности динамичностью и близости к действию, полю военных действий для первого и большей ответственности за совершаемое, за достигаемый всем полком результат, за обеспечение активного, действенного состояния вверенной его командованию войсковой единице для второго);
4. обеспечивающий реализацию:
  - 4.1. *командарм* (устанавливающий);

- 4.2. *замзав* (приделенный и приделяющий);
- 4.3. *комроты* (включаемый в исполнение);
- 4.4. *комбриг* (ответственный за производимое);
- 5. собирающий, синтезирующий, охватывающий:
- 5.2. *заместитель* (приделяющий);
- 5.3. *комзвода* (включаемый в исполнение);
- 5.4. *староста* (отвечающий за положение дел).

Внутренние и не случайные соотношения между уровнями и по уровням таких единиц, как *генсек* (1.1.) – *командир* (2.1.) – *главный* (3.1.) – *командарм* (4.1.) или *первый* (1.2.) – *зампред* (3.2.) – *замзав* (4.2.) – *заместитель* (5.2.); *комдив* (1.3.) – *комэск* (2.3.) – *комбат* (3.3.) – *комроты* (4.3.) – *комзвода* (5.3.); *комэска* (2.4.) – *комполка* (3.4.) – *комбриг* (4.4.) – *староста* (5.4.), равно как и другие возможные и выводимые, могут рассматриваться как парадигматические. Предполагающие, иными словами, развертывание распределяемых представлений чего-то общего, какой-то собирающей идеи советского представления к системе.

Подразделение единиц для группы мобилизации (II), с учетом представления о выполняемой функции, на следующем уровне можно представить примерно следующим:

1. *пионервожатый, проректор* (позиция определяющего, располагающего исходным);
2. *группорг, замполит, партгруппорг, парторг* (позиция разводящего);
3. *агроуполномоченный, завлит, ответсек, оторг, профуполномоченный* (позиция ответственного за исполнение);
4. *двадцатипятидесятничник, завклубом, завуч, профгруппорг, профорг, профорганизатор, спорторг, физорг* (позиция обеспечивающего реализацию);
5. *группкомсорг, куратор* (позиция синтезирующего, сводящего в результат).

Наиболее представительной в этом ряду оказалась позиция обеспечивающего реализацию (4), что можно связывать с особенностями группы собирания сил для проявления в дальнейшем. Мобилизация, подготавливание, собирание, организация (II) тех, кому предстоит исполнять назначенное, концентрируется для поставленного на необходимости обеспечивать реализацию. По этой причине *пионервожатого, проректора* следовало бы воспринимать в первую очередь как лицо, занимающее определенный пост, иными словами, скорее по должности, чем по характеру выполняемых функций, как отвечающего и отчитывающегося, того, с кого спрашивают и на которого возлагают обязанности. *Группкомсорга, куратора*, соответственно, как отвечающего за все и про все, роль которого состоит в собирании и охвате, необходимости ориентироваться и вмешиваться, входить, во все вникать. Таким же образом, в его ролевом, должностном, исполнительном, партиципирующем, развороте можно было бы интерпретировать каждого, с учетом закладываемых, не до конца определенных функций. Относительность отличий поэтому следовало бы рассматривать как валентностно-парадигматическую, а сами отличия – как соотносительные, воспринимаемые в отношениях друг к другу.

Дальнейшее подразделение в пяти позициях группы II могло бы быть таким:

1. определяющий, располагающий исходным:
  - 1.4. *пионервожатый* (отвечающий за производимое);
  - 1.5. *проректор* (приставленный к результату);
2. мобилизующий, разводящий:
  - 2.2. *парторг* (приделяющий);
  - 2.3. *группорг* (включаемый в исполнение);
  - 2.4. *партгруппорг* (отвечающий за производимое);
  - 2.5. *замполит* (приставленный к результату);
3. ответственный за исполнение:
  - 3.1. *профуполномоченный* (устанавливающий);

- 3.2. *завлит* (приделяющий);
- 3.3. *ответсек* (включаемый в исполнение);
- 3.4. *оторг* (отвечающий за производимое);
- 3.5. *агроуполномоченный* (приставленный к результату);
- 4. обеспечивающий реализацию:
  - 4.1. *завклубом* (устанавливающий);
  - 4.2. *завуч* (приделяющий);
  - 4.3. *двадцатипяти тысячник* (включаемый в исполнение);
    - 4.4.3. *физорг* и 4.4.5. *спорторг* (отвечающие за производимое, с акцентом к включению в исполнение для одного и приставленности к результату для другого);
    - 4.5.2. *профорг*; 4.5.3. *профгруппорг*; 4.5.4. *профорганизатор* (приставленные к результату, с отличием, относимым к контекстам употребления, которое может быть определено в отношении большей нацеленности на функцию кумуляции (2) для первого, на функцию партиципации (3) для второго и функцию отвечающего (4) для третьего);
- 5. позиция синтезирующего, сводящего в результат:
  - 5.1. *группкомсорг* (устанавливающий);
  - 5.4. *куратор* (отвечающий за производимое).

Подразделение единиц остающихся групп поставленности, с учетом сказанного о соотношениях и акцентных различиях, можно было бы дать как возможную иллюстрацию, без дальнейшего объяснения позиций и предлагаемых выборов, что немного бы добавляло к производимому описанию.

III. Поддержка выхода направляемых сил:

- 1. *политбоец**, *политинструктор*, *секретарь***, *технорук*;

2. *вожатый-производственник, инструктор, пионер-инструктор;*

3. *клубный работник, кружковод, техред;*

4. *возвращенец, дежурный, санитар, физрук;*

5. *политинформатор, продовольственник, худрук.*

-----

* Коммунист, направленный на политическую работу в армию [ТСЯС].

** Выборной руководитель партийной, комсомольской и других общественных организаций [ТСЯС].

1. задающий, расставляющий, поставляющий:

1.1. *секретарь* (устанавливающий);

1.2. *политинструктор* (приделяющий);

1.3. *технорук* (включаемый в исполнение);

1.4. *политбоец* (отвечающий за производимое);

2. мобилизующий, организующий:

2.2. *инструктор* (приделяющий);

2.4. *пионер-инструктор* (отвечающий за производимое);

2.5. *вожатый-производственник* (приставленный к результату);

3. ответственный за исполнение:

3.2. *клубный работник* (приделяющий / приделенный);

3.3. *кружковод* (включаемый в исполнение);

3.4. *техред* (отвечающий за производимое);

4. обеспечивающий реализацию:

4.1. *физрук* (устанавливающий);

4.3. *возвращенец* (включаемый в исполнение);

4.4. *дежурный* (отвечающий за производимое);

4.5. *санитар* (приставленный к результату);

5. синтезирующий, собирающий:

5.1. *политинформатор* (устанавливающий);

5.2. *худрук* (приделяющий);

5.3. *продовольственник* (включаемый в исполнение).

IV. Обеспечение надежности направляемого движения сил:

1. *домоуправ, домоуправляющий, завгар, управдом*;
2. *завхоз, завэтажом, класный, класрук*;
3. *помдеж, помкомвзвода, помнач, помощник, помполит*;
4. *вохровец, продкомиссар, райпродкомиссар, управделами*;
5. *завкадрами, особист, паспортистка, чекист*.

1. задающий, расставляющий, поставляющий:
1.1. *управдом* (устанавливающий);
1.2. *домоуправ* (приделяющий);
1.3. *завгар* (включаемый в исполнение);
1.5. *домоуправляющий* (приставленный к результату);

2. мобилизующий, организующий:
2.1. *завэтажом* (устанавливающий);
2.2. *завхоз* (приделяющий);
2.4. *класный* (отвечающий за производимое);
2.5. *класрук* (приставленный к результату);
3. ответственный за исполнение:
3.1. *помнач* (устанавливающий);
3.2. *помощник* (приделяющий / приделенный);
3.3. *помдеж* (включаемый в исполнение);
3.4. *помкомвзвода* (отвечающий за производимое);
3.5. *помполит* (приставленный к результату);
4. обеспечивающий реализацию:
4.1. *продкомиссар* (устанавливающий);
4.2. *райпродкомиссар* (приделяющий / приделенный);
4.3. *вохровец* (включаемый в исполнение);
4.4. *управделами* (отвечающий за производимое);
5. синтезирующий, собирающий:

- 5.1. *завкадрами* (устанавливающий);
- 5.2. *особист* (приделяющий / приделенный);
- 5.3. *паспортистка* (включаемый в исполнение);
- 5.4. *чекист* (отвечающий за производимое).

V. Достигнутое, его охват, обладание, получение результата:

1. *нарком, начдив, полпред, председатель;*
  2. *кавторанг, политпросвет (работник), политпросветработник, политпросветчик, политработник;*
  3. *политком (комиссар), предправления, предсельсовета, предсовнаркома, предфабкома;*
  4. *депутат, заседатель (народный), судья (народный), трибуналец;*
  5. *предгориспокома, предзавком, предисполкома, предсовнархоза.*

1. задающий, расставляющий, поставляющий:

- 1.1. *нарком* (устанавливающий);
- 1.2. *начдив* (приделяющий);
- 1.3. *полпред* (включаемый в исполнение);
- 1.4. *председатель* (отвечающий за производимое);
2. мобилизующий, организующий:
  - 2.1. *кавторанг* (устанавливающий);
  - 2.2. *политработник* (приделяющий);
  - 2.3. *политпросвет* (включаемый в исполнение);
  - 2.4. *политпросветработник* (отвечающий за производимое);
  - 2.5. *политпросветчик* (приставленный к результату);
3. ответственный за исполнение:
  - 3.1. *предправления* (устанавливающий);
  - 3.2. *предсовнаркома* (приделяющий / приделенный);
  - 3.3. *предсельсовета* (включаемый в исполнение);
  - 3.4. *предфабкома* (отвечающий за производимое);

- 3.5. *политком (комиссар)* (приставленный к результату);
- 4. обеспечивающий реализацию:
  - 4.1. *судья (народный)* (устанавливающий);
  - 4.2. *заседатель (народный)* (приделяющий / приделенный);
  - 4.3. *депутат* (включаемый в исполнение);
  - 4.4. *трибуналец* (отвечающий за производимое);
- 5. синтезирующий, собирающий:
  - 5.1. *предгориспокома* (устанавливающий);
  - 5.2. *предисполкома* (приделяющий / приделенный);
  - 5.3. *предзавком* (включаемый в исполнение);
  - 5.4. *предсовнархоза* (отвечающий за производимое).

Представленное описание, при дальнейшем пояснении, с учетом прорисовки реально имевшихся соотношений, может позволить дать обстоятельное объяснение местам и ролям в советской действительности таких институтов и руководителей при них, как профсоюзы, комсомол, культурный (клубы), спортивные секторы, армия и пр., что выходило бы за рамки поставленной задачи.

Семантика параметров для проявления действователя

К представлению действователя, в порядке описанных соотношений, можно прийти исходя из первоначальной идеи носителя необходимого признака, идеи, далее, репрезентанта, или достойного представителя советского социума в разных его частях, идеи деятеля системы, необходимого ей и в ней, и, наконец, активного производителя. Действователь, тем самым, становится завершением продвижения от точки начала в отдельном, как отдельности сингулятива, через количество, множество, переход к включающему, охватывающему числу в

представителях квантитатива, через точку строения, организации и устройства системы (структуратива) к точке действия, проявления в действии, к агентиву.

Указанную идею можно было бы выразить следующим, представляющим ход характеризуемого продвижения, порядком:

точка начала (один, отдельность, *сингулятив*) > число (распространение, увеличение, группа, объединение, коллектив, представители, *квантитатив*) > строение, структура, организация, система, устройство (*структуратив*) < наполнение структуры смыслом > действие, проявления в действии, функционирование системы, в системе и для системы, функциональный *агентив*.

Обратить внимание в данном случае следовало бы на предшествующий завершению и не обозначенный ранее компонент – наполнение смыслом, направляемый в обе стороны, к устройству системы, с ее предварениями в квантитативе и сингулятиве, и к завершению в действии, агентиве. Компонент этот можно представить стоящим над построением, равно как и в его глубине, пронизывающим, облекающим, охватывающим собой. И можно представить так, как это представлено в схеме – предшествующим завершению, втягивающим в себя идею предыдущего, и вводящим смысл того, что стоит, оказывается перед ним. Своего рода мост, приводной ремень движения от одного к другому и одного в другом. Последнее, т.е. действитель и агентив, приобретает смысл, тем самым, в соотношении и контексте трех предшествующих, как обобщение и насыщение предшествий.

Принятая для описываемого представления парность имманентного кумулятива и придаваемого аддитива оборачивается для действителя соотношением действующего либо задеиствуемого (организуемого) лица. Действующего в нужном направлении, с должным участием, силой, отдачей, т.е. самозабвенно, преданно и не щадя себя. Задеиствуемого – втягиваемого, призываемого,

ставящегося, в какое-то занятие, движение, мероприятие, объединение, т.е. во что-то, куда-то и с какой-то целью. Все это, как первое, так и второе, следуя из запущенной системы, вращается вокруг идеи построения социализма и коммунизма, коммунистического общества как финитной цели.

Действователь, тем самым, в своем определении должен представляться как осуществляющий то, что следует из его свойств обладателя советских признаков (1), принадлежности советскому коллективу, вхождения в него (2) и из отношения, сопричастности к советской системе (3). Все это, соответствующим образом ориентируя, пробуждает в нем силу и способность необходимого проявления в действии, т.е. действия. **Действование**, таким образом, следовало бы воспринимать не столько как собственно действие и даже не столько как проявление в действии, сколько как ориентированное устремлением к нужному действию и проявлению в действии отношение к нему. Отношение, допускающее восприятие в начальной фазе выхода из состояния покоя (1), пробуждение – в точке исхода. Как мобилизуемую готовность (2) к проявлению. Как разворачивание направляемых к исполнению сил (3) и как поддержку, обеспечение (4), защиту их, для достижения результата (5).

Человек, при таком понимании, предстает как желательный образ, идея стремления в императиве для направляемых к достижению цели масс и как средство, орудие и материал. Отнюдь не случайно такой человек в своем множестве обозначается словом *масса*: гр. *μάσσω* ‘месить’ > лат. *massa* ‘глыба, ком, кусок’ > *массив* ‘большое пространство чего-л. однородного’, от фр. *massif* ‘тяжеловесный’, *масса* ‘материя, субстанция, величина, определяющая ее инертные и гравитационные свойства; мера инертности тела по отношению к действующей на него силе и источник поля тяготения’; *масса* ‘вещество в виде густой или полужидкой смеси чего-л.’; *масса* ‘множество, огромное количество чего-л.’ и, наконец, *массы* –

‘широкие круги населения, народ’ [Вейсман; ЛРС; СИС]. То есть как то, что составляет материю людского множества как множества массы тяжеловесного вещества, с его инерцией, тяжестью, источник поля какого-то к нему тяготения, что предполагает значением *месить* – давить, мять с целью придать необходимые свойства.

Для человека как представителя массы идея дейстования внутренне может восприниматься как результат оказываемого воздействующего давления на него, но в модальности достигаемого оптата, представляемого в советском случае как модальность реальности, т.е. индикатива, времени будущего-настоящего. Того настоящего, в котором зерна, ростки и начала будущего, которые надо видеть, насаживать и растить. Человек этой массы-массива есть человек оптата равного индикативу времени настоящего, существующего в своем устремлении к будущему. И в этом также закладывается его идея как действателя и дейстования как проявления через смещение категорий времени, настоящего-будущего, в настоящем будущем, и модальности – индикатива как оптата.

Тем самым, необходимо учитывать три отождествления, взаимодействующих и совмещаемых: 1) человека-массы как формы существования множества подобных и равных ему; 2) индикатива как оптата, желаемого, предпочитаемого тому, что реально; 3) настоящего-будущего, существующего для сознания не как действительность бытия, а как действительность устремления к обозначенной цели. Равно как и будущего, воспринимаемого как конечная цель устремления человеческого массива в воображаемом настоящем к нему. То есть – как неопределенная форма финитного состояния оптативного агентива. Человек при таком понимании выступает как форма заряженно-движимой к цели массы, а эта масса – как смысл существования человека.

Параметральные признаки отмеченного единства должны содержать показатели множества однородного,

мыслимого и существующего в совокупном единстве и на огромном пространстве людского массива, из чего следуют представления о квантитативе совокупного целого (глыба, ком) очень большого объема и величины в проекции к столь же большому, тянущемуся во все стороны и во всю ширь, пространству. Эти признаки, определяемые по показателям ‘множественное’ (multum), ‘однородное’ (homogeneum), ‘существующее’ (vivum, existuum), ‘совокупное’ (conjunctum), ‘единого целого’ (integrum), ‘огромное’ (magnum), ‘пространственное’ (extentum), ‘людское’ (hominum), можно рассматривать как исходные для последующих, представляемых в отношении к силам воздействия с целью желаемого побуждения к действию – действованию и задействию так понимаемых человеческих масс.

Ряд, таким образом, будет составлен из показателей воздействующего на массы агента силы как диспониента финитной и промежуточных целей закладываемого к осуществлению движения в побуждаемых к этому массах. Рассматриваемое действие и человека как действующего следует, в связи с этим, воспринимать в подобном ряду. Действие было бы проявлением его как носителя признаков нужным образом сформированных масс, что обнаруживает себя в состоянии (для позитива) постоянной готовности воспринимать сообщаемый ему воздействующим агентом заряд, реагируя на него ожидаемо-предсказуемым образом. Смысл, в конечном итоге, связывается с идеей необходимости продуцирования такого *массива* массы и человека массива-массы, который был бы массивом открытым и восприимчивым для заряжения, запуска к действию и движению, которое необходимо для осуществления заряжения, запуска к действию и движению и т.п. Финитная цель всего этого, состоящая в создании направляемой к своему собственному созиданию массы, может выглядеть как самоценная и лишенная очевидного смысла с уходящей и отодвигаемой всякий раз перспективой и стремлением в бесконечность. Конечным

итогом для масс представляется при такой постановке вопроса не что иное, как обладание достигаемыми в процессе такого создания свойствами. По достижении этих свойств, для массы и человека массы как действующего в указанном направлении, должно себя исчерпать и закончиться намеченное к этому продвижение. Обладание свойствами, таким образом, полагается во главу угла, становится необходимым истоком, желаемым образцом, а также и вместе с тем и желательным результатом.

За схемой такого движения, вне ее и над ней оказывается воздействующий на массу агент. При ясности роли такого агента, скрытой оказывается его собственная финитная и опосредующая ее промежуточная цель (либо цели). Обладание необходимыми свойствами, полагаемое для достижения в отношении человека масс, в отношении агента оказывается не столь актуальным. Для него актуальным, из схемы, должна быть способность осуществления своей направляющей и запускающей роли. Способность, поддерживаемая и обеспечиваемая позицией, его **поставлением** к ней. Агент, тем самым, становится позиционером, обладателем места, позиции в создаваемой структуре. Обладатель позиции объявляется обладателем необходимых свойств, достигая позиции и укрепляясь, ставясь на ней, утверждаясь именно на таком основании. А обладатель свойств, только стремящийся стать либо предстать таковым, движется в этом стремлении идеей и целью быть и стать, в конечном итоге, обладателем искомой позиции, а не свойств. Позиция, следовательно, предполагает свойства по умолчанию, а свойства стремят себя воплотить в позицию, найти в ней свое оправдание. Одно тесно связывается с другим и предполагает другое. И это еще одна, сообщающая движение, субъективно финитная, цель – для действия и действующего, в отношении его самого.

Возвращаясь к идее параметра действия / за-действия, признаки первой фазы, начала действия следовало бы воспринимать и описывать как его от-

правную точку, запуск, исход (1), с последующими отображениями в фазах мобилизуемой готовности (2), выхода направляемых сил (3), их поддержки-обеспечения (4) и достигаемого результата (5). Признаки эти втягивают в орбиту своего проявления признаки, выведенные по показателям ‘множественного’ (multum), ‘однородного’ (homogeneum), ‘существующего’ (vivum, existuum), ‘совокупного’ (conjunctum), ‘единого целого’ (integrum), ‘огромного’ (magnum), ‘пространственного’ (extentum), ‘людского’ (hominum) материала-объекта как массы массива и вещества. По показателям действующего на эту массу агента воздействия и диспозитива целей закладываемого к достижению движения эти признаки следовало бы рассматривать как распределяющиеся в параметрах.

Сложность известного уровня отвлеченности не позволяет с необходимой наглядностью отобразить рассматриваемую парадигмосистему без обращения к воплощающему ее языку. В связи с чем все дальнейшее, предполагающее определение признаков и значений параметра действия для кумулятива и задействования для аддитива, будет показано с привлечением номинативных примеров.

Описание кумулятива действителя

К кругу действующих, в нужном направлении и с должным участием, силой, отдачей, самозабвенно, преданно, были отнесены объединения признаков, ощущаемые в номинативах *боец (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции), борец, борец (за народное счастье), защитник (рубежей, отечества), страж (границы, неба, рубежей), витязь (красный), вожак (комсомольский, молодежи, настоящий), пахарь (юный, голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный), подруга (боевая и в лозунге сто тысяч подруг на трактор, т.е. та, с которой действуют вместе,*

рядом, совместно, дружно, понимающая, поддерживающая, на которую можно положиться, рассчитывать, верная, настоящая), *профактивист, созидатель (народсозидатель, созидатель нового мира), строитель (социализма, новой жизни), творец, трудящийся, труженник, часовой (границ, рубежей, воздушных границ, порядка).*

Прежде чем разнести, как это делалось ранее, представленные единицы по соответствующим ячейкам признаков, с определением и уточнением их параметральной семантики, попробуем на материале нескольких из отобранных показать, уточнив, ряд особенностей самой процедуры. Процедуры, а тем самым характера, соотношений исходного ряда (признаков человека массива-массы в его проявлениях к *multum-homogeneum, vivum-existuum, conjunctum-integrum-magnum, extantum-hominum*) и ряда, рядов, уточняющих признаков с заряжаемым их включением к действию, или действованию.

Для начала рассмотрим проекции первой группы номинативов *боец – революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции* и он же, *боец*, как потенциальное представление обо всем таком с включением перечисленного в объединении, совокупности. То есть как единицы вариативных проекций и единицы инвариантного целого в интересующем нас языке. Рассматриваемый *боец* перечисленных, равно как других подобных им, сочетаний – *боец* агента, т.е. проявляет себя как действитель, в отличие от бойца принадлежности и наделенности (квантитатива и сингулятива), описанных ранее. Из этого следуют некоторые особенности его восприятия и понимания, которые необходимо учитывать. Вероятные для него характеристики представителя соответствующего объединения (о военнослужащем или члене военизированной организации по словарям), показателя принадлежности (квантитатива), будут отличны от агентивных. Равно как отличными от тех и других будут и показанные в отношении наделенности (сингулятива): ‘тот, кто своими действиями, своим

участием в... проявил себя как наделенный ... качествами'; 'тот, кто проявил себя как наделенный бойцовскими качествами – настойчивостью, упорством, умением бороться до конца, способностью действовать по-боевому' – относящиеся к составляющему наделенность значению активизируемой направленной наступательности (заряженной силой и волей готовности необходимым образом действовать); 'тот, на кого можно и следует полагаться, поскольку, будучи, в случае необходимости, ударно-опорной силой направленного революционного, преобразующего движения-действия, способен, проверен, в том отношении, что обеспечивает возможность осуществления, выхода этого действия от себя, из себя вовне' – относящиеся к подзначению обеспечение выхода заряженной силой и волей готовности.

Признаки агента следует представлять в отношении к действию. Иными словами, *боец революции* должен восприниматься как тот, кто соответствующим образом действует, действовал, способен к действию, заряжен им, направлен на действие, устремлен к достижению, поддерживает, обеспечивает выход, начало, осуществление, проявление его. А потому ли, что, будучи членом какой-то военной организации или в силу участия и обладая какими-то определенными свойствами как у бойца, для агента не важно.

Оттолкнемся при определении интересующих нас признаков от дефиниции, предлагаемой в [ТСЯС], тем более, что взятые для описания сочетания привлечены из него: **БОЕЦ**, йца, м. 1. *Борец, тот, кто отстаивает что-л., передовик, активист в какой-л. области.* == **Боец революции (краснозвездной гвардии, за дело рабочего класса)**. Патет. ... == **Боец социалистического фронта**. Патет. ... == **Боец за высокое качество продукции**. Патет. ... == **Боец на фронте просвещения**. Патет. ... ****Красный боец**. Патет. *О революционере, защитнике советской власти, в т.ч. воине-защитнике*. В свою очередь слово *борец*, используемое в качестве определяюще-

го эквивалента, синонима для *бойца* толкуется в отношении 'тот, кто борется во имя защиты, осуществления чего-л. (обычно передового, прогрессивного)'²⁸.

Вопрос, который должен заинтересовать в связи с представлениями об агентиве, один из возможных вопросов, можно было бы сформулировать в отношении вероятных и для параметра актуальных отличий, имеющих для него значение, т.е. дифференцирующих, различительных признаков для него, между, скажем, *бойцом революции* и *бойцом за дело рабочего класса (бойца красной гвардии)* хотелось бы отнести к принадлежности, т.е. к параметру квантитатива), тем и другим и *бойцом социалистического фронта, за высокое качество продукции, на фронте просвещения, красным бойцом* и т.п. Одни ли и те же признаки следует видеть во всех этих видах бойцов, и тогда их отличие создавалось бы плоскостью вероятного проявления? То есть во всех этих случаях дело бы шло об одном и том же наборе, типе, виде обозначаемого позитива для человека и разницы между ними не было бы никакой, – боец он везде и во всем боец, и лишь обстоятельства, время и место делают из него бойца революции, за дело рабочего класса либо чего-то другого. Отвлечемся от явно метафорических переносов – *бойцов социалистического фронта, за высокое качество продукции, на фронте просвещения*. Поставим вопрос иначе. Равен ли в наборе своих семантических признаков тот боец, который *боец революции*, бойцу, который *за дело рабочего класса*, а эти два бойцу, который *социалистического фронта, за высокое качество продукции* и т.п.? Как хотелось бы думать и как представляется в рамках поставленной нами задачи, равно как и в отношении ощущаемых свойств в изучаемом языке, различие между ними есть, и это различие недостаточным было бы представлять как следствие неизбежной диффузии, соединения идущих друг другу навстречу признаков, сочетающихся в единице аппликативно – от *революции*, от того, что она содержит и предполагает, к *бойцу*, равно как и от *социалистического фронта, высокого ка-*

чества и пр. все к тому же (или все же другому) *бойцу*. Следствие или причина того или иного объединения слов, но все эти виды возможных *бойцов* представляются разными и если не полностью различающимися в составе предполагаемых признаков, то все же в какой-то имеющей смысл и свое значение части. Довольно широкий спектр семантических проявлений заложен, впрочем, и в определении ТСЯС: ‘борец, тот, кто отстаивает, передовик, активист’ можно рассматривать далеко не только как уточнения одного другим и одного через другое, но и как акценты, признаки слова в своих значениях и проявлениях.

Попробуем теперь разрешить непосредственно интересующий при описании вопрос – чем отличается тот *боец*, который при *революции*, от того, тех других, которые будут при чем-то другом? Отвлечемся на время от тех включений, которые вносят в семантику слова признаки от *революции*, *социалистического фронта* и пр. Сконцентрируемся на признаках, направленных в сочетаниях от *боец* – ‘такой, который (при революции, при чем-то другом)’.

Бойца революции можно было бы определить как такого уже состоявшегося, проявившего себя в прошлом, а потому находящегося в состоянии покоя, действителя, который действовал и, следовательно, способен действовать, во имя исходной и поворотной идеи, исходной по отношению к устремлению к финитной цели и поворотной по отношению к смене общественных и политических обстоятельств, к замене одной действительности на другую, не советской и досоветской на ту, которая будет советской. *Боец революции*, тем самым, боец обрыва и замещения, т.е. боец абруптива. Как таковой, он обладает качествами не просто бойца как борца, а готового верить, открытого и открывающего, участвующего в исходе, втягиваемого и втянутого (историей, обстоятельствами, но и предрасположенностью к этому собственным качествам) в центростремительный, становящийся центробежным поток – революции и затем становления советской действи-

тельности с их движением к финитной цели, построению социализма и коммунизма.

Из всего этого следуют признаки, качества *бойца революции* как 'того, кто является действующим, направляемым, руководствующимся внутренним императивом, активного, устремленного к достижению результата преобразователя существующего (существовавшего в прошлом) порядка вещей во имя обеспечения возможностей реализации в некоем отдаленном, не видимом будущем для него самого, той финитной цели, которая меряется глобальной величиной всеобщего блага'. Центром, ядром представленного в порядке определенных признаков значения, тем центром, который соотносим с ведущей идеей описываемого *бойца*, было бы отношение преобразователя, но ведомого, направляемого агентом цели извне. Наведение смысла такого преобразователя-действующего к идее бойца предполагало бы представление о его готовности по команде, по требованию, к применению силы, к воздействию, вплоть до физического, военного, вооруженного, т.е. боевого, использования необходимых ресурсов и средств, и, если шире и отвлеченнее, к борьбе, принуждению, одолению и уничтожению противящихся других.

Тем самым, в итоге по признакам получаем набор, состоящий из представления в центре идеи готовности по императиву к силовому воздействию на тех, кто препятствует, во имя преобразования, изменения существующего положения вещей для достижения поставленной, ставящейся и исходящей от агента императива, финитной цели. Признаки 'множественного' (multum), 'однородного' (homogeneum), 'существующего' (vivum, existuum), 'совокупного' (conjunctum), 'единого целого' (integrum), 'огромного' (magnum), 'пространственного' (extentum), 'людского' (hominum), определенные ранее как исходные, присутствуют в этом всем, заключаясь и распределяясь по-разному в идее силового воздействия (multum, homogeneum), в идее тех, кто препятствует (vivum, existuum, conjuc-

tum, hominum), в идее преобразования всего этого как существующего положения вещей, уточняясь и определяясь признаками второго ряда, включающими, вбирающими их в себя, по показателям, соответственно, действующего на массу массива (воплощаемого и представляемого для данного случая в идее *бойца*) агента и диспониента финитной и промежуточных целей для достижения результата. Агента возможного к своему объявлению императива-толчка для достижения результата преобразования, каузируемого агентом и осуществляющегося участием, действиями, действованием *бойца*. Интересующий нас *боец (революции)*, таким образом, может быть определен как действитель в смысле идеи готовности к охарактеризованному и стимулируемому агентом порядку и роду активных переломных действий. В связи с чем, в этой точке определяющей для него готовности (состоявшейся в прошлом для наступившего и ожидаемого будущего), как имеющий воспитательное значение позитив-образец для последующих поколений, может быть отнесен, в совокупности обозначенных признаков, к позиции мобилизующего / мобилизуемого, или заряженности готовностью действовать в охарактеризованном смысле. То есть к позиции 2 пяти-тактного устремления рассматриваемого параметра.

Боец за дело рабочего класса от бойца революции, отвлекаясь от правых распространителей смысла, отличается в первую очередь признаком не актуализированного в нем абруптива. Это не столько преобразователь, готовый действовать по зову императива, сколько надежный и стойкий борец (во имя защиты, осуществления, по определению в ТСЯС). Акцент его смысла, центр характеризующих признаков относился бы, собственно, не к идее готовности, открытой к принятию императивного зова и действию в заданном направлении, сколько к идее внутренней силы, потенции и способности, предрасположения и призвания к высокой, ответственной миссии, роли спасающего, совершающего и выносящего рабочие массы из темноты угнетения к свету освобождения, спра-

ведливости и добра. *Боец за дело рабочего класса* – тот, кто всегда начеку, в боевой готовности, но понимаемой не в отношении готовности действовать по мобилизующему толчку, а в отношении бдительности, внутренней собранной мобилизованности, осуществившей, реализовавшей и постоянно реализуемой в нем самой готовности к выходу из состояния покоя, к запуску для движения собственных сил. Меньшим значением в связи с этим обладать будет и скрыто не объявляемая финитная цель. Этот *боец* будет действовать предположительно в направлении не столько преобразования форм существующего, сколько поддержки осуществленного выхода движимых к своему освобождению сил – *multum, homogeneum, vivum-existuum, conjunctum-integrum, magnum, extantum-hominum* здесь понимаются в отношении производителей общего материального блага, т.е. *productor*, а не *consumptor*, по показателю в первую очередь *magn.prod.* Тем самым, значение этого вида *бойца* может быть начато в определении от точки 4.1. в предполагаемом для него описании, т.е. в позиции обеспечения выхода движимых сил (4) с проекцией их к ожиданию выхода из состояния покоя, возможному запуску в каждый какой-то момент (1). Роль агента и диспониента для проявления этого вида бойца состоит в идее общей мобилизации к действию через запуск движения в ход. Боец – значит призванный, мобилизуемый и поставленный к осуществлению какой-то задачи, в том числе и прежде всего боевой, тем самым, действующий по какому-то общему плану, исходящему не от него. Агент в этом случае проявляет себя через общее действие и широкий подразумеваемый контекст, не как прямо действующий и на такого бойца направленный. Отсюда его, бойца, большая отвлеченность от явно советской ангажированной значимости и большая, чем в первом случае, обобщенность роли.

Боец социалистического фронта акцентирует своим смыслом идею ударничества, готовности действовать самозабвенно, преданно, не щадя себя, не жалея сил. Это

боец точки 2 с переходом в 3 – мобилизация постоянной готовности к проявлению в действии, предполагающем неуклонное, постоянное, поступательное развитие (построение общества, социалистическое строительство как действие). Вместе с тем это боец достижения, почетный участник общественного движения-устремления, отмеченный своим активным участием как званием, зарекомендовавший себя с соответствующей стороны, достигший своими действиями, проявлением в общем действовании, каких-то видимых результатов, позволивших так его характеризовать (значение позиции 5).

Боец за высокое качество продукции воплощает в себе мотив неуклонности, постоянства стремления, упорства в достижении поставленной цели. Мобилизуемая готовность, как общая составляющая, претворяется в нем в идею неостановленности, неуспокоенности, постоянства бдительности, но не во имя предотвращения каких-то грозящих опасностей, не для борьбы с противниками, не ради преобразования существующего. Это бдительность в отношении недопущения, непопустительства, ненарушения необходимого представления о лучшем (претворенное воплощение достигаемого в общем стремлении будущего) – применительно к производимому, результируемому в осуществляемом действовании, продукту. Воспитательное значение такого бойца состоит в своего рода смыкании двух позитивных мотивов – мотива движения к светлому будущему освобожденного человека труда (финитная цель всего предприятия) и мотива продукта его труда как меры высокой цели и пробы и одновременно как средства в таком своем качестве достижения цели. Семантика такого рода бойца могла бы описываться точками напряжения между 1 и 3 с их вершинным объединением в 2: напряженная неуспокоенность в точке 1 через силу активной мобилизации в 2 разрешает себя в постоянстве стремления к 3. Это поиск, волнение с интенсивной разрядкой в необходимости постоянно усовершенствованного действия. Те его качества, которые делают из него бойца по внутренним

предрасположенностям (в силу неуспокоенности в поиске и устремлении к лучшему в нем самом), а не по назначению, месту и роли, дают возможность вывести очень важный, если не определяющий, признак идеи бойца как инварианта. Боец – это в первую очередь тот, кто по внутренним своим качествам (как в разбираемом случае) либо качествам, для него предписанным, должен быть в постоянной готовности к бою, т.е. готовым («боеготовым») действовать по команде, императиву, без переспросов и уточнений, без размышлений и взвешиваний и, что самое главное, без выяснения причин. Боец в этом смысле и качестве предстает, таким образом, как **действительный немотивированный императив**.

Боец на фронте просвещения обнаруживает способность, определяемую со стороны агента и диспозитора как необходимо предписываемую, в крайнем случае желаемую, воспринимать любое порученное задание, а также свою общественную позицию и социальную роль как неуклонно осуществляющуюся, производимую всеми борьбу. Этот *боец* центром смысла имеет такое действие, которое, направляясь ко благу всеобщего достижения, складывается своей частью на это благо, как в сотах пчелиного улья и сложных сооружениях муравьев. Только в единстве (*integrum*) множественного и однородного (*multum-homogeneum*) как совокупного (*conjunctum*) становится достижимой огромность (*magnum*) пространственного как временного, тянущегося (*extentum*) людского (*hominum*) массива на будущие века. Муравьиность усилий описываемого рода бойца, привязывая рассматриваемую для него идею к труду, полагая труд, строительство как боевую задачу, что-то вроде сооружения пирамид, при котором нет места для категориального проявления свойства каждого, но только совместность массива усилий не различаемых по своим отдельностям боевых элементов объединенного множества имеет свой смысл и дает результат, – эта идея отображает и воплощает себя в напряжении точек 2 и 4 с вершиной в 3. Пирамидальность как

формирующий общее представление смысл предполагает не только проекцию поступательности с последовательным усилением при движении вверх и вперед*, но и закладываемое в его мотивацию внутреннее позиционное ощущение того, что нижние этажи людского пространственно-временного массива служат поддержкой и материалом для следующих этажей. Позиция точки 2 предполагает готовность к действию в его стимулированном развитии, с передачей, как эстафеты, другим, что, равно как со стороны таким образом действующего (нацеленного к такому действованию, направленного к нему в точке 3 как точке необходимого и постоянного устремления), так и со стороны принимающих эстафету обеспечивает (4) его продолжение во времени и пространстве людского (*extentum-hominum*) для нового и последующего движения от 2 к 4 через, в посредстве и в смысле идеи и цели, 3. То есть действие, имеющее своим смыслом воспроизведение, воспроизводство, последствие в новом действовании, подобном по замыслу, но на новом пространственно-временном для людского массива этапе.

Красный боец («о революционере, защитнике советской власти, в т.ч. воине-защитнике» в соответствии с ТСЯС) может быть охарактеризован как действитель в отношении позиции обеспечения (4) в ее поддержке и сопровождении собственно действия (3), т.е., тем самым, в направленности от 4 к 3 (3 ← 4). *Красный боец* – констатация, утверждение наличия, существования, присутствия в происходящем такого готового действовать в случае надобности преданного бойца, который не подведет, который на страже, на которого можно рассчитывать как на силу, способную защитить, оградить, обеспечить.

Для идеи и смысла *бойца* как инварианта, как следует из описания, важным, тем самым, объединяющим разные проявления, становится представление о готовно-

---

* О «вверх и вперед» как важной, существенной составляющей в модели советизированных представлений позитива говорилось ранее в связи с номинативом *летчика* со ссылкой на работу Д. Вайса²⁹.

сти, понимаемой и разворачивающейся в различных своих ответвлениях – как открытости действию императива, как внутренней собранности, мобилизованности, готовности к выходу из состояния покоя, к запуску для движения собственных сил, как готовности действовать самозабвенно, преданно, не щадя своих сил, как готовности постоянства бдительности с переносом на производимый необходимый продукт, как бдительности общей совместной и разделяемой всеми и каждым ответственности, предполагающей дальнейшее самовоспроизводство, как бдительности позиции общей защиты и обеспечения достигаемого и достигнутого на каждом возможном этапе такого пути. Расходящиеся от общего их собирающего, вбирающего в себя и разводящего центра перечисленные виды готовности в разных соотношениях и сочетаниях предполагают проекции все тех же пяти точек исхода с его выдвиганием, выходом из себя (1), кумуляции, мобилизации, собирания, сжимания внутренних сил и средств (2) для дальнейшего выхода в осуществляемом проявлении-действии (3), обеспечиваемого необходимым для этого сопровождением и защитной поддержкой (4) для достижения предполагаемого результата (5). Объединяющим, центробежно-центростремительным, вбирающим и испускающим вероятные смыслы-проекции, пунктом рассматриваемого инварианта *бойца*, в отношении описываемой модели парадигматического представления советской действительности, будет признак, условно отмеченный термином боеготовность, понимаемая как внутренняя предрасположенность действовать реактивно, побуждаясь императивным толчком, без включения сдерживающих, тормозящих, преобразующих, претворяющих, искажающих исходный посыл, рефлексий и побуждений. Признак этот, иными словами, предполагает выключение сферы эго-контроля, руководящего целями достижения себя для себя, с замещенным включением, подключением этой внутренней сферы контролю внешнего – эго агента и диспониента, объявляемого и представляемого как воплощение социально-

го, общего эго движущихся к тому же самому и совместному в своих целях массивов трудовых человеческих масс.

Последующие проекции кумулятивного действователя

Для более полного понимания описываемых значений и описательной процедуры имело бы смысл рассмотреть, может менее обстоятельно, для контраста и иллюстрации, ряд других примеров. Возьмем для этого пары *борец* и *борец за народное счастье*, с одной стороны, *подруга*, которая *боевая* и которая в лозунге *сто тысяч подруг на трактор*, с другой (в сопоставлении с возможной, если таковая себя проявляет, *подругой*, но не вообще, а подругой действия, подругой как действитель – инвариантной для боевой и с теми, той, что на трактор, и им подобным). И сопоставим две эти пары (тройки) с группой *пахарь* – который *юный*, *голубой нивы*, *зеленой нивы*, *моря*, *воздушный* и *пахарь* всего этого и с этим другим подобным как объединяющий их инвариант.

Если *бойца* как действителя, в различных его проявлениях, объединяла идея готовности действовать, руководствуясь внешним немотивируемым императивом^{*}, то *борца* такого же агента можно было бы воспринимать как того, кто борется в 3 знач. *бороться*, согласно МАС – ‘отстаивать, добиваться осуществления’. *Борец* в ТСЯС толкуется в отношении и с упором защиты: «1. Тот, кто борется во имя защиты, осуществления чего-л. (обычно передового, прогрессивного). == Стойкий (пере-

---

^{*} Что не следовало бы понимать как отсутствие мотивации как таковой. Мотивация есть, но она в своей сути и постоянно одна – всенародное благо. Речь идет о готовности действовать, не требуя каждый раз объяснений, не верифицируя и не подавая рефлексии их обоснованность и соответствие действительному положению вещей.

довой) борец революции (за рабоче-крестьянскую революцию). Патет. *О защитнике (в том числе воине-защитнике) Советской власти в первые годы ее существования.»*

Борца, таким образом, имело бы смысл определить в отношении постоянства силы, направленной в нем постоянно (на что в связи с этим можно рассчитывать, полагаться, что в нем использовать и запустать) на обеспечение и защиту, поддержку (отстаивания) выхода движущихся, направленных на достижение, сил. Его позиция, следовательно, распределялась бы между точками 3 и 4, с выходом из 3 к 4 и обратным, поддерживающим и стимулирующим в нем использование действующих и заряжаемых сил в направлении к 3, т.е. в схеме это выглядело бы как $3 \leftrightarrow 4$, от 3 к 4 и затем, в поддержку и побуждение к действию, от 4 к 3.

Как следовало из представления инварианта *бойца*, такое общее воплощение далее, в вариантах, реализуемых словосочетаниями (но не только и не обязательно только ими), способно потенциально распределять себя, уточняясь в позициях всех пяти точек с дальнейшими переходами между, того же уровня, и переходами к – для последующего. То есть по схеме $N \rightarrow N_i$, равно как и $N \leftarrow N_i$ или $N \leftrightarrow N_i$ (для того же уровня) и $N.N_i...$ (для последующего). Иными словами, если *бойца* как агентивного инварианта составляло описанное соотношение $2 \leftrightarrow 3$, а его варианты *боец (революции)*, *боец (за дело рабочего класса)*, *боец (социалистического фронта)*, *боец (за высокое качество продукции)*, *боец (на фронте просвещения)* и *боец (красный)* можно было бы представлять как различного рода соотношения от этой исходной для них позиции ($2 \leftrightarrow 3$) точек 2, 4.1., $2 \rightarrow 3.5$, $1 \rightarrow 2 \leftarrow 3$, $2 \rightarrow 3 \leftarrow 4$ и $3 \leftarrow 4$, то нечто подобное можно было бы представлять и для *борца* – инварианта и вариантов.

Отвлечемся на время от слов и возможных на их основе словосочетаний, обозначающих интересующий нас советский людской позитив, подойдя к рассматриваемой в

данный момент проблеме с теоретической стороны, с точки зрения построения. Теоретически можно принять, что если существует некоторый инвариант, определяемый к какой-то точке как точке исходного и ведущего для него, то его варианты могли бы распределяться далее как дополнения, расширения от нее. Не задумываясь над соотношениями точек в реализациях, можно было бы предположить такое переключаемое и переходящее с одной позиции на другую наличие смыслов, которое допускало бы схему валентностно-векторных соотношений инварианта и вариантов. Иными словами, если принять, что ведущей точкой в исходе для инварианта *бойца* была бы позиция 2 (кумулятивный агентив не ищущей мотивации боевой, т.е. запускаемой императивом, готовности (2) к действию в 3), а для инварианта *борца* – точка 3 (постоянство направленной силы (3) на достижение, обеспечение и защиту в 4), то теоретически их возможные варианты распределяли бы себя по пяти позициям на последующем уровне, как включенном для них, с возможным дальнейшим определением в тех же пяти позициях на каждом следующем уровне. То есть, теоретически, существует возможность, помимо *бойца*-инварианта для 2 кумулятивного агентива, вариантов *бойца* 2.1., 2.2., 2.3., 2.4., 2.5., каждый из которых может иметь потенциально 2.1.1., 2.1.2., 2.1.3., 2.1.4., 2.1.5. в 2.1.; 2.2.1., 2.2.2., 2.2.3. и т.п. в 2.2. и т.д., с дальнейшим по уровням уточнением 2.1.1.1., 2.1.1.2. и т.п. для 2.1.1. и т.д.

Язык, естественно, не использует и не реализует всех возможных теоретических вариантов, и не в этом поиске состояла бы наша задача. Речь идет о потенции и процедуре – вариантного поиска и представления. Исходя из этой чисто теоретической предпосылки, можно было бы, не уточняя соотношений и лишь намечая входы, увидеть, предположить такое валентно-векторное распределение *бойца* в рассмотренных ранее разновидностях:

боец (2) – 2.1. *боец революции* (боец идеи преобразова-

- теля, ведомого императивом: 2.1.2....)
- 2.2. *боец за дело рабочего класса* (боец призыва к миссии – постоянной готовности к мобилизующему толчку: 2.2.4.1...)
  - 2.3. *боец социалистического фронта* (боец готовности действовать самозабвенно во имя достижения общей цели: 2.3.2.5....)
боец за высокое качество продукции (боец неуспокоенного поиска в движении к совершенству: 2.3.1.2.5...)
боец на фронте просвещения (боец обращенной поддержки: 2.3.4.5....)
  - 2.4. *красный боец* (боец защиты и осуществления: 2.4.3....)

Рассматривавшийся перед этим *борец*, как инвариант, отнесенный к позиции 3 в ее переходе к 4, теоретически также возможный для вариаций в распределениях 3.1., 3.2., 3.3. и т.д., как бы мог себя проявлять в точках для взятого ему в пару *борца за народное счастье*? Не имея парадигматического контекста соотношений, как для примеров *бойца*, его можно было бы определить в позиции точек 1.2.5.4. как беззаветно (1) преданного (2) далекой цели (5) освобождения (4) масс, без дальнейшего их уточнения в связях и положениях.

Возвращаясь к идее парадигматического контекста, небезынтересным было бы сопоставление таких коррелирующих и воспринимаемых как синонимы единиц, как *боец революции*, *борец революции* и *солдат революции*. Отличие между ними укладывалось бы в распределение отношений готовности, т.е. 2, для *бойца*, с переходом, направленностью к позиции 3 (2 ↔ 3), постоянства направленной силы (3) осуществления и защиты (3 ↔ 4) для *борца* и защиты, поддержки, обеспечения (4) выхода направляемых сил (3), или 4 → (3) для *солдата*.

Таким образом, между *бойцом* – *борцом* – *солдатом* (которые *революции*) виделось бы валентное соотношение позиций точек 2 – 3 – 4, что могло бы парадигмати-

чески предполагать, для полноты картины, также позиции 1 и 5 (возможно, не реализованные). Открывающую и заключающую позиции общего ряда – кого-то, кто проявляет себя как 1 – 2 – 3 – 4 – 5 чего-то совместного и развивающегося для языкового сознания осуществлении *революции* в ее (про)движении в реализующих ее как возможность и достижение человеческих массах массива *extentum-hominum* как цели (5), средстве (2), толчке (1), материале (3) и оболочке (4) необходимого действия.

Подруга, которая *боевая*, соответственно, могла бы интерпретироваться, в отличие от той, что *сто тысяч подруг на трактор*, с учетом сказанного, как позиция 4 с поддержкой в 3. То есть как оболочка (4) того материала (3) для действия, которая, будучи рядом, поддерживает, обеспечивает, своим соучастием, необходимое достижение в 5 (4 → 3). *Подруга в сто тысяч подруг на трактор*, воспринимаемая как материал (3) распространения мобилизующей (2) инициативы-толчка (1) для масс (multum-homogeneum vivum-existuum conjunctum-integrum magnum-extentum hominum, с акцентами на подчеркнутом), инициативы-толчка, уже кем-то начатого предполагаемого действия, с расчетом, уверенностью на такую поддержку как готовность-подхват, – такая *подруга* была бы подругой позиции 3, уточняемой через 2 к 1 как 4. Формулой это значение можно было бы передать как (3 → 2 → 1) ← 4, с подразумеваемым направлением к 5, или, тем самым, для полного вида [(3 → 2 → 1) ← 4] → {5}. Из чего следовало бы существенное уточнение для процедуры, предполагающее наличие всех пяти точек полного представления, распределяемых в разных своих комбинациях и соотношениях, с вынесением одних как ведущих и ядерных и подразумеваемым, поддерживающим присутствием других. Разбираемые полные формулы могли бы при этом иметь ориентированный, или комбинаторный (как в представленном случае), и не ориентированный, или общий, системный, вид, предполагающий последовательность ряда от первой позиции к пятой через вторую,

третью и четвертую, с отображением их соответствующих ролей и соотношений. Этот не ориентированный, общесистемный вид для *подруги* в *сто тысяч подруг на трактор* можно было бы передать таким образом: $[(1 \leftarrow 2 \leftarrow 3) \leftarrow 4] \rightarrow (5)$. И, соответственно, такие же две формулы для *подруги*, но боевой: $(4 \rightarrow 3) \rightarrow 5 \{2 \rightarrow 1\}$ и $(1 \leftarrow 2) \leftarrow (3 \leftarrow 4) \rightarrow 5$.

Значения, передаваемые в аналогичных формулах *пахаря* – который *юный* (сельский школьник, работающий летом в колхозе), *голубой нивы* (рыбак), *зеленой нивы* (работник лесного хозяйства), *моря* (морской рыбак), *воздушный* (летчик сельхозавиации) и как таковой, т.е. инвариантный, можно было бы представлять как проективы такого действующего, который проявляет черты отдающего всего себя, не жалея сил, не считаясь со временем и усталостью, беззаветного труженика тому, чем является *нива* советского представления. *Нива* этого представления является тем, что требует в необходимые для себя моменты посвященного действия на ней в его начале (пахота и посев), продолжающимися за этим постоянной мобилизации, развития и поддержки (обеспечение будущего, растущего урожая, забота о нем) во имя необходимого достижения в сборе и получении. Если, включаясь и действуя, себя ей не посвящать, не жалея труда, сил и времени, нива не даст или мало даст из того, что могла бы дать и должна давать во имя общего достижения, в том числе и в конечном итоге финитной, цели. Нива, тем самым, становится знаком советского посвящения как абсолютного, полного, безусловного, не допускающего никаких оправданий, поглощения человека как материала и представителя, части массива массы ею же этой массой во имя сообщаемой ей скрытым агентом и диспонентом цели движения – продвижения к результату. Идея *пахаря*, соответственно, вращается вокруг того, кто действует и способен, приучен веками, воспитан, направлен действовать в отношении средства материи потенциального результата указанным безусловным образом, не требующим, кроме

внутренней, собственной мобилизации и зарядки, никаких дополнительных побудительных стимулов, понукающих импульсов и толчков. *Пахарь*, таким образом, может быть интерпретирован как беззаветный и преданный делу труженик в позиции 3, находящей поддержку в 2, т.е. 3 ($\leftrightarrow$ 2), с не актуализируемыми, не слишком существенными, в силу его отдания, не требуемыми как необходимые стимулы и проявления, позициями в точках 1, 4 и 5, относимыми к делу и только через это дело к нему.

Юный пахарь, соответственно, может быть интерпретирован как проекция указанного 3 ($\leftrightarrow$ 2) к обеспечивающему необходимое и возможное продолжение материала – скажем, [3 ($\leftrightarrow$ 2)] $\leftrightarrow$ 4. *Пахарь голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный* не отличались бы в этом случае как *пахари*, т.е. как посвященные труженики в рассмотренном отношении, дифференцируясь применительно к *ниве* – тому, чем является для советского представления нива водного, лесного, морского, воздушного и с этим, в исходе, земного – хозяйственного, отдающего свой урожай, пространства-массива и потому соответствующего приложения сил для работы, действия на нем советского человеческого хозяйственного пространства-массива. Совмещение того и другого – хозяйственного людского и хозяйственного стихии, водной, лесной, морской, воздушной, земной (в их агентивной интерпретации) – давало бы искомый смысловой результат, определение и понимание которого предполагало бы необходимость позиционного распределения этих стихийно-хозяйственных величин. Иными словами, необходимо было бы поискать ответ на вопрос, чем в указанном отношении являются (были?) земля, вода, лес, море, воздух как объекты хозяйственного воздействия и получения, т.е. как *нивы*, для изучаемой парадигмосистемы. Не вдаваясь в излишние объяснения (что потребовало бы обращения к широкому материалу и могло бы стать отдельной задачей), можно было бы, бегло и непдробно, увидеть в земле основу и своего рода центр хозяйственно-агентивного приложения

сил человека. В стихии воды (водоемов, рек, озер, прудов и т.п.) – то, что, будучи ее, т.е. земли, неотъемлемой частью, вместе с тем, как хозяйственная отдельность, обеспечивает собой, своими плодами, человека труда, дает ему необходимое подтверждение-силу. В стихии леса можно было бы усмотреть мобилизующее и мотивирующее воздействие на хозяйственную стихию советского человека (ср. понятие *русский лес, леса, лесные пространства, массивы, пущи, богатство леса* и пр.). В стихии моря – выход и облекающий, обтекающий результат, а в стихии воздушных пространств – исток и исход, своего рода космизм, окрыленного советского человека, с хозяйственной ролью этих пространств как того, что дает возможность воздействующей реализации через них соответствующих усилий на землю. Значения каждой из перечисленных здесь стихий, в том числе и агентивно-хозяйственные значения, множественны, включают взаимодействие разных позиционно-векторных составляющих. В обобщении можно было бы показать их позиционное соотношение в следующей схеме:

1 воздух			или (в зависимости от возможной пози- ции, равно как и какой-то другой):	4 вода		
лес 2	земля 3	вода 4		воздух 1	земля 3	море 5
море 5				лес 2		

Пахарь голубой нивы, тем самым, в ключе его неразрывной хозяйственной связи к стихии воды, водных, засеиваемых, вспахиваемых и дающих свой урожай, пространств, представлялся бы как 3 ($\leftrightarrow$ 2) $\leftrightarrow$ // 4. Что отличало бы его от *пахаря зеленой нивы* в его отношении 3 ($\leftrightarrow$ 2) $\leftrightarrow$ // 2; *пахаря моря* 3 ($\leftrightarrow$ 2) $\leftrightarrow$ // 5 и *воздушного пахаря* 3 ($\leftrightarrow$ 2) $\leftrightarrow$ // 1, без уточнения всего возможного и дальнейшего.

Характер зависимостей, порядков и отношений определяющих то или иное значение признаков обуславливается коррелятивно, в соположениях и взаимосвязях с другими, выступающими как связываемые в каком-либо отношении и в какой-то, в том числе узуальный, момент. Движимость определяемых значений в ячейках и связях точек парадигматической сети предполагает возможности таких допущений. Внеконтекстное и внесвязанное, не соотносимое ни с какими другими в рассматриваемый момент, своего рода системное для смыслового кода, семантического языка советской действительности, не будет полностью независимым и необусловленным. Эта наиболее снятая, вне полагаемая форма значения единицы, допуская возможности реализации в том или ином повороте, вместе с тем имеет свой собственный, пусть не всегда до конца обозначенный и понятный в своих составных элементах, заряд. Говоря конкретно, можно предположить различное насыщение какой-либо единицы в зависимости от ее положения в употреблении, в мысли, в воображении, в памяти – синтагматического, парадигматического, контекстного, виртуального, языкового и речевого – в соотношении и связи с другой какой-либо или другими какими-то, ей подобными, единицами. Рассматривавшиеся *пахарь, подруга (боевая, сто тысяч которых на трактор), борец, боец, борец за народное счастье, боец революции, за дело рабочего класса* и пр. по-разному могут восприниматься в своих семантических признаках в зависимости от того, где и как, по какому поводу и в каких положениях они могут быть реализованы для сознания либо в речи. *Боец*, равно как и что-то другое, как было уже замечено, может быть воспринят и, соответственно, определен как обладатель признаков (наделенный), как представитель какого-то объединения, коллектива (принадлежащий, репрезентант) и как действитель, в значениях составляющих признаков агентива. То есть ряда, предполагающего кумулятивность значений. Вместе с тем допустимым, видимо, будет предположить, что значения причастности

того же кумулятивного ряда для него будут не характерны или менее свойственны (в этом месте имеет смысл напомнить исходную схему, см. табл. ниже), также как и значения аддитива.

	Заряженные (кумулятивы)	Не заряженные (аддитивы)
Отдельность (носитель)	Наделенный (обладающий)	Отмеченный
Социум (общество)	Принадлежащий	Нужный
Структура (система)	Причастный	Поставленный
Действие (проявление)	Действующий	Задействованный

Подобным образом тот же *боец* в отношении наделенности, принадлежности или действия может, потенциально, иметь способность своего представления, речевой либо мысленной реализации, в разных соотносимых и связываемых позициях, в варьирующихся, хотя и в известных пределах, комбинациях по-разному соотносимых признаков. Можно было бы допустить возможность для называющей, вербально отображаемой, в том числе для сознания, единицы ее представления как высказывания, сочетающего в себе, если не всякий возможный раз, то не всегда в обусловленном и предопределенном, заранее известном и заданном отношении, наборы исходных признаков.

Отвлекаясь, однако, от этой возможности, сконцентрируемся на описании единиц параметра действия (проявления) в его кумулятивной проекции. Иными словами, *боец*, как и все остальное другое, будет рассматриваться как набор семантических признаков для значения действующего, в соотношениях и взаимных расположениях одного к другому. Объединяющим всех этих видов действующего будет смысл-идея советского агентивного позитива в дающем себя понять и увидеть для изучаемой

парадигмы ключе. Ответом на ставящийся при этом вопрос будет определение, кто он тот (каков, что за) действователь, который выражается в терминах *боец, боец революции, за дело рабочего класса, борец, борец за народное счастье, боевая подруга, пахарь зеленой нивы, моря, воздушный* и т.д. как номинативах советского языка, языка советской действительности и пропаганды. Поиск ответа на этот вопрос будет производиться в условиях выводимых и выведенных соотношений семантических признаков агента.

Об обобщенной семантике советского позитивного действователя

Попробуем для начала построить ряды согласно пяти постоянно используемым для производимого описания позициям выдвижения, сжатия (собрания, мобилизации), выхода (проявления) направленных сил, обеспечивающей этот выход поддержки и результата. Мотивация возможного их построения может быть не единственной и само построение каким-то другим, для решаемой здесь задачи важно само наличие такой возможности, не противоречащей общему смыслу описываемой парадигмосистемы.

Первый ряд, позиции выдвижения, без дополнительных поисков, расширений и уточнений, может быть выведен единицами *вожак (комсомольский, молодежи, настоящий), создатель (народ-создатель, нового мира), творец, профактивист*.

Второй ряд, позиции сжатия (заряженности, готовности), представлялся бы единицами *боец (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции, на фронте просвещения, красный), витязь (красный, о советском воине)*.

Третий ряд, позиции выхода, проявления направленных на достижение сил, – единицами *борец, борец (за*

народное счастье), пахарь (юный, голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный), строитель (социализма, новой жизни), труженик.

Четвертый ряд, позиции обеспечения предполагаемого выхода, – *защитник (рубежей, отечества), страж (границ, моря, рубежей, родины), подруга (боевая, сто тысяч подруг на трактор* – как содействующая, сопровождающая некое совместное действие, с акцентом к идее *подруги), часовой (границ, рубежей, воздушных границ, порядка).*

И, наконец, пятый ряд, позиции результирования, довольно условно, был бы представлен одной единицей из выбранных – *трудящийся.*

Поскольку вся процедура дальнейшего подразделения, не раз повторенная и показанная, в целом, как полагаем, известна, ее уточнение в распределениях подзначений представленных точек для единиц мало бы что добавляло к их пониманию. Изменим поэтому принятый ход представления, обратившись к развертывающейся в проекциях точек идее советского позитивного действователя, показав ее воплощение в ряде номинативов, с тем чтобы вывести его общий и проективные смыслы для парадигмосистемы.

Искомое действователя следовало бы воспринимать как такого, который, будучи чем-то в своей основе в отношении признаков некоторого набора, мог бы непротиворечивым и предсказуемым образом себя отражать в семантике всех тех номинативов, которые вписаны в каждый из перечисленных пяти рядов. Не претендуя на полноту обобщения, обратимся в поиске таких определителей к объединяющим номинативы признакам первого ряда, затем второго, третьего и т.п.

Признаками, объединяющими единицы первого ряда (*вожак, созидатель (народ-созидатель, нового мира), творец (подлинный творец истории, о советском народе), профактивист*), можно было бы воспринять неумность внутреннего стремления, объединяя, концен-

трируя не организованное перед этим, в том числе и людское, множество, формировать из него единство, способное действовать, проявлять в себе признаки того, что необходимо, что требуется ради осуществления цели. В наборе это были бы свойства активности, имманентности, интенциональности (волюнтативности), конститутивности, направленные в своем применении на не оформленный, неверно оформленный либо бесформенный массивный объект. Основу всего этого представляло бы активное внутреннее стремление придавать форму массе – организовывать, строить и создавать из того, что имеется, материи материала, природы, нечто исходно заданное, артефакт результируемого своего. Инициатива, цель, направление и замысел подобного проявления находились бы вне, за пределами определяемого позитивного действующего, составляя прерогативу подразумеваемого агента и диспонента (в случае несовпадения с ним). Тем самым, та креативность, которая обнаруживает себя за всем этим, могла бы восприниматься как креативность использования, креативность включения и подчинения внеполагаемой, т.е. не внутренней, цели. Цель движения подчиняет себе цель устремления, замещает ее, включает ее в себя, становится ею.

Признаки второго ряда, в объединяющей их идее воинского служения (*боец*, подробно описанный ранее в различных своих проявлениях, *красный витязь* – о советском воине), могла бы представить выведенная уже готовность действовать, руководствуясь внешним немотивируемым императивом, интерпретируемая как преданность долгу, воспринимаемому в ключе воинской чести, верности командирам и общему, общенародному, делу, не взирая на трудности и опасности, не жалея себя, не щадя живота.

Признаки третьего ряда (*борец, боец (за народное счастье), пахарь (юный, голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный), строитель (социализма, новой жизни), труженик*) можно представить в контексте беззаветной пре-

данности делу, определяемому в категориях постоянной борьбы, преодолений, трудной, тяжелой, не отпускающей от себя работы, строительства, внутренней тяги к такому, требующему постоянной готовности, посвящения и самоотдачи труду.

Признаки четвертого ряда, связываемые с проекциями значений *защитник (рубежей, отечества), страж (границ, моря, рубежей, родины), подруга (боевая, сто тысяч подруг на трактор), часовой (границ, рубежей, воздушных границ, порядка)*, можно было бы определять в отношении гарантируемой надежности действия для себя, своего, в границах пространства, в том числе и людского, реализации заданной и достигаемой цели.

И, наконец, пятое, как венец и гордость – *трудящийся*, можно было бы воспринимать в отношении свойства такого движения, которое в человеке и сам человек, носитель, идея, создатель, осуществляющий, реализующий и одновременно сам для себя и в себе реализованный результат советского достижения для агента и действителя. Или, иными словами, сама на себя для себя и в себе воплощенная агентивная трудовая рабочая самость, смыкающая все перед этим и замыкающая в себе как исходное и как конечное им самим совершаемого, но запущенного вне его (а потому – для него или не для него?), движения.

Из этих проекций признаков складывается общее представление позитива советского действителя, воспринимаемого как того и такого, который стремится, должен стремиться, в силу своих имманентных свойств, к необходимости оформляющего, созидającego воздействия на массу-объект материала, с беззаветной готовностью следовать направляющим указаниям обладателей высшего императивно-финитного знания на этом пути, с посвящением, самопожертвованием, невзирая на тяжесть, опасности и неизбежные трудности, гарантируя, обеспечивая надежность, защиту, неприкосновенность пространства и поля такого действия, во имя и ради существования и

существа таких, как он сам и, тем самым, себя, в силу сущностной составляющей своего бытия. В итоге такого определения, смыкающего начало и результирующий конец, возникает общее представление эссенционального действующего внутренне подготовленного, создавшего, созидающего, воспроизводящего самого себя в своей ориентированной в правильном отношении имманентной заряженности постоянно и безотказно действовать в созидательно-оградительном отношении, самоценно, в силу смысла такого своего существа. Возникновение, распространение, расширение подобного типа действующего следует воспринимать как ту системную, стоящую перед всем советским народом и обществом, стимулирующе-воспитательную и созидательную задачу, которая, предполагая исходно самим этим действием, становится ведущей основой и принципом действия пропаганды: демонстрация позитива, его внедрение, развитие, усиление, поощрение.

Характеристика аддитива действующего (о порядках системы)

От сказанного по поводу кумулятивного действующего можно перейти к последней ячейке в таблице описываемых параметров – аддитиву задействуемого. Объектом его представления будут значения, отображаемые в единицах, предполагающих название лиц, организуемых, втягиваемых, призываемых в какое-то объединяющее их занятие, дело и(ли) движение, связываемое с подобного рода занятием как общим, предписанным, действием, делом. Примерами таких единиц могут быть *юнармеец, колонист (беспризорник), пионер, комсомолец, октябренок, коммунист* (как член партии), *деткор* (детский корреспондент), *допризывник, гагаринец, ворошиловец* (как член пионерского военизированного отряда), *юный дзержинец* (член отряда комсомольцев – помощников милиции),

юные друзья милиции, зарничник, юный интернационалист, кандидат (в члены партии), колхозник, комбедовец, коммунар (член коммуны), кружковец, курсант, нахимовец, призывник и т.п.

Попробуем несколько по-другому в сравнении с предыдущими описаниями параметров подойти к задействию. Не столько от внутренних соотношений семантики признаков, сколько, предполагая их и с ними соотнося, от места и роли того или иного задеваемого в системе и в связи с представлением действующего как позитива, его выведенного пропагандистски ориентированного, направленно воспитательного характера.

В сказанном есть своя мотивация и логика. Задействие предполагается как то, что должно служить правильному образованию требуемого системой действующего ради осуществления себя самоё. Такой описанный эссенциальный действующий, как продукт, результат и одновременно материал и само продуцирующее системы, должен себя находить, возникать из каким-то определенным образом организующей, включающей его в соответствующие занятия системы.

Определение интересующих нас мест и ролей в системе задействия будет производиться, как, впрочем, и все предыдущее, на основе взаимного соотношения признаков собственно парадигматической, внутренней, когнитивной семантики и семантики, обнаруживающей и проявляющей себя как вербальная, т.е. для выбранных единиц. Основу их позиционного и ролевого соотношения будет представлять рассматриваемая для каждого параметрального ответвления пятиместная схема в точках от выдвижения к результированию, применяемая каждый раз. Задействовать, или организовать, в указанном отношении, будет восприниматься, прежде всего, как поставить, включить, но не к позиции как занимаемому положению, что было свойственно для значений поставленности и о чем уже говорилось, а к занятию, делу, в организацию, объединение, коллектив, создаваемые для такого

занятия и потому для него предназначенные. *Пионер, комсомолец, юнармеец, коммунист, деткор, допризывник*, иными словами, воспринимаясь как члены организаций – пионерской, комсомольской, юнармейской, коммунистической партии и т.п., определяются в отношении включения, задействования, с точки зрения места и роли, для осуществления ими этой, предполагаемой местом, роли в системе, нацеленной, обращенной и существующей в действителе, создающем ее самоё такую и воспроизводящем себя через нее и в ней.

Юнармеец (юный армеец), как пионер и член военнизированной отряда, участвующий в военно-спортивной игре [ТСЯС], может быть определен в интересующем нас отношении с позиции коллективно осуществляемой подготовки, имеющей смыслом практическое освоение, выработку в нем тех черт и качеств, которые будут необходимы для действителя, способного и готового безотказно действовать (немотивируемый императив) в оградительно-наступательном, в первую очередь в данном случае, отношении, хотя и не только в нем, в коллективе и вне его, с ощущением целей и внутреннего присутствия своего и большего коллектива, вплоть до целого народа-страны, понимаемых как советская действующая система, с полной отдачей и подчинением, не щадя живота и сил. Не вдаваясь в подробности, позволяющие определить и увидеть в своих семантических признаках едва ли не целое действующей системы на этом одном примере, следовало бы сконцентрироваться на главном – ведущем, ядерном, акцентирующем для каждого случая. То есть определить, чем является анализируемое задействование и, одновременно с этим, во что и куда, в какое место, позицию для системы задействования втягивает, включает оно его.

Для *юнармейца* такими акцентными признаками могли бы быть позиции подготовки, в смысле заряжения, мобилизации в нем необходимого чувства как состояния боеготовности к предполагаемому в будущем возможному действию в наступательном и оградительном отношениях.

Задействование для него могло бы восприниматься как втягивание, включение в объединение (военизированный пионерский отряд), предполагающее военную по существу игру, участие в действиях, проецирующих, предполагающих соответствующие условия и обстановку. Такая военизированная игра юных могла бы в интересующем нас отношении рассматриваться по характеру своего задействования как воспитательно-тренировочные усилия, направленные на определенную цель и ориентированные к предполагаемому в будущем действию. Целью была бы тогда подготовка, а ориентацией – действия, приближенные к боевым, т.е. наступление и оборона. Полученные, тем самым, три основные точки – воспитательные усилия, цель и ориентация к действию – определяли бы *юнармейца* во взаимосвязываемых позициях $2 \rightarrow [2 \rightarrow (3 \leftrightarrow 4)]$. Первой точкой (2) была бы игра, определяемая в своем мобилизующе-подготавливающем отношении к состоянию боеготовности (2) к действиям наступления и обороны ($3 \leftrightarrow 4$).

Колонист (воспитанник детской трудовой колонии НКВД), определяясь в своем значении в отношении к такой колонии, мог бы восприниматься в задействовании с позиции воспитательно-трудового использования – воспитания коллективом и коллективным трудом, в настоящем и будущем, человека труда для советской системы как члена советского общества. Труд, как основа подобного воспитания, результируется как в материальный (для настоящего времени с проекцией к будущему), так и в социальный (для настоящего и для будущего) продукт в виде самого колониста-воспитанника. Основу определяемого ядра составляют, тем самым, признаки, следующие из воспитания, коллектива, труда и продукта (такого труда и коллективного воспитания). Воспитание как выработка внутренних необходимых качеств (мобилизация) сводилась бы к точке 2, труд, как участие в действии, к точке 3, продукт – достижения результата 5. Конечной, вбирающей все это точкой, была бы идея советской системы в ее из-

начально желательном применительно к социальной проекции виде, или точка 1, как исходная и вбирающая. Формулу определяемых признаков можно бы было представить как $2 \rightarrow (3 \leftrightarrow 5) \rightarrow 1$.

Пионер, определяясь в отношении к пионерской организации, мог бы рассматриваться в задействовании с точки зрения построения, обеспечения надежной опоры в создаваемом обществе для реализации, успешного достижения поставленных перед этим обществом целей. То есть, тем самым, с позиции формулы $[4 \leftarrow (3 \leftarrow 2)] \rightarrow 5$, что предполагает направление к точке 4 (обеспечение) через 2 (подготовку), в ее подразумеваемом стремлении к 3 и идее в 3 (построение), являющейся (для 4, вобравшей в себя значения 3 и 2) надежной гарантией достижения в 5.

Комсомолец, как член комсомольской организации, представлял бы в задействовании идею, сходную с пионерской, но с большим акцентом к участию в непосредственном действии, и через него, через это действие формирующую обеспечение и готовность, что передавалось бы в формуле $(3 \leftrightarrow 2) \rightarrow 4 \rightarrow 5$.

Октябренок определялся бы в первую очередь через позицию воспитания в соответствующем духе, предполагающем правильную исходно ориентацию и верность тем идеалам, которые в будущем обеспечат гарантию его должного проявления, что можно было бы передавать формулой $(2 \leftarrow 1) \rightarrow 4 \rightarrow 3$.

Коммунист, как член организации, объединяющей, втягивающей в свои ряды тех, кто должен, по замыслу, составлять опору, социальный базис советской системы в соответствии с ролью, обозначенной как руководящая и направляющая, мог бы описываться с точки зрения идеи задействия с позиции 3 к 4, включая все остальные точки, распределяющиеся в соответствии с позициями самой реализующей себя в движении системы в массивах людского пространства. Обозначим это условно в формуле $[(3 \rightarrow 4) \leftrightarrow (2 \rightarrow 1)] \rightarrow 5$.

Рассматривая задействие в контексте мобилизующей организации общества, предполагающей придание ему соответствующего направления, обеспечивающего возможность наиболее полного и эффективного использования для достижения поставленных целей, можно было бы попытаться представить набор отобранных единиц с позиций подобного рода задействующего включения. Отвлечемся для этого от описания формул точек и обратимся к возможности функционально-ролевого их распределения на примере отобранных единиц.

Основу общего социального состояния советской системы рассматриваемого задействия составлял бы некий организующий механизм, который можно представить в виде последовательно располагаемых фаз ролевого участия, начиная от первой, исходной, определим ее фазой **втягивания** (1), через дальнейшее в **подключении** (2), **испытании в действии** (3) к **направленному** проявлению в **действии** (4), над которым руководящим, организующим будет вершинная фаза (5) наиболее полно выраженного (выражающего себя) **обладания**. Для социального и возрастного аспекта этой системы (при этом возраст можно и следовало бы понимать как ступени социального обладания-достижения в разных смыслах и отношениях, в том числе как ресурсов и рычагов – ресурсов использования и воздействующих рычагов), для такого последовательно иницирующего и взаимно предполагающего распределения ячеек осевым, центральным было бы значение, передаваемое в словах *коммунист, комсомолец, пионер, октябренок* в порядке, представленном ниже, с вершиной (5) не выраженного номинативно обладания:

- (5) обладающий всей полнотой
- (4) направленно (воз)действующий – *коммунист*
- (3) испытываемый в действии – *комсомолец*
- (2) последовательно подключаемый – *пионер*
- (1) постепенно втягиваемый – *октябренок*

В других своих ролевых проявлениях рассматриваемая система могла бы определяться и обнаруживать себя во внутренних соотношениях, предполагающих более частные смыслы, не исключая обозначенных пяти фаз, но для какого-то своего представления и аспекта. Такими возможными проявлениями в «пионерской» группе подключения (2) могли бы быть следующие:

2.1. втягивание, понимаемое как воспитание соответствующего духа:

2.1.2. *юные корчагинцы* для подключения, к примеру; 2.1.3. *гагаринец* для испытания (в последующих группах возможное для них дальнейшее подразделение опустим по причине иллюстративной выборочности представленных примеров, а потому и недостаточности для описания);

2.2. подключение – через занятия по интересам:

кружковец, юный натуралист, юный интернационалист, пикор (пионерский корреспондент), *следопыт* (юный, комсомольский, красный), *техкружковец, юнкор, юннат*

2.3. испытание – через участие в военизированных отрядах:

юнармеец, зарничник, ворошиловец

2.4. направленное действие (воздействие) – участие в группах поддержания порядка:

юные друзья милиции, юный пожарник, юный дзержинец

2.5. обладание полнотой – через трудовую деятельность

колонист

Втягивание, подключение, испытание, воздействие и обладание как составляющие рассматриваемых отношений способны проявлять и обнаруживать себя в других, не столь прозрачных ролевых участиях. Трудности определения значений в известном смысле связываются с той

множественностью внутренних соотношений, которая, давая ощутить себя, может быть по-разному воспринята и истолкована. Так, если *кандидата* (в члены партии) в рассматриваемом отношении можно было бы истолковать как втягиваемого (1) через испытание в предполагаемом проявлении-действии (3) к участию в направленном воздействии (4) в системе, т.е. в советском обществе, в отношении будущего его воздействия, отмеченного и освященного партбилетом, на массы в направлении социалистического строительства, то порядок и акценты точек, в зависимости от аспекта вкладываемого смысла, могут быть разными. *Назначенец*, понимаемый как тот, кого поставили, назначили, т.е. подключили (2) к воздействующей роли (4) для достижения (= обладания), результирования, эффективности (5) какой-то сферы деятельности и производства, должен по идее отличаться от *парттысячника* (коммуниста-производственника, посланного на учебу в высшее учебное заведение [ТСЯС]), – но в чем и чем именно? Для получения высшего образования в вузы или втузы коммунисты направлялись с целью – укрепления кадров на местах? повышения квалификации? приобретения ими не только практических, но и теоретических знаний? для статистики? Спектр подобных целей может быть широк и, видимо, свести его имело бы смысл к обладанию – им для посланной его партии, им для себя как коммуниста, производством, которое на этом может, по замыслу, выиграть и приобрести, и, как следствие, обществом. Но будет ли этот признак обладания (5) для него определяющим? На этот вопрос затруднительно было бы однозначно ответить. Вместе с тем само действие по направлению коммуниста-производственника в вуз точнее было бы определить как втягивание, подключение, испытание действием или направленность (на него) воздействия? Учитывая то, что в вузы для получения высшего образования посылались тысячи производственников-коммунистов, отсюда и само название *парттысячник*, можно было бы предположить идею втягивающего подключения на осно-

ве выбора с конечной целью обладания, т.е. точки 1, 2 и 5 в каком-то из порядков, возможно при этом, до конца не обозначенных.

Существенным для понимания описываемого, в том числе и в выбранном позитивном ключе, было бы различение того, каким образом принцип задействия и задействиюемое, парадигматический признак и называемое лицо, соотносятся с тем, что можно было бы представлять как общее, целостное определение, дефиницию номинатива. Попробуем показать это на примере слова *колхозник*, которого можно было бы определить как сельхозпроизводителя, задействиюемого в колхозе – организации, использующей его как постоянного члена для работы на условиях общего обладания производимым продуктом и средствами его производства. Данное определение можно было бы разделить на объектную, левую, часть – кто он и что он, сельхозпроизводитель для разбираемого случая; на осевую, центральную – задействиюемый в колхозе как организации, использующей его для работы; и правую, уточняющую, – на условиях общего обладания результатом и средством труда. Левая часть дает представление о том, кем и чем он является для системы, ее существования и назначения, для советского общества, власти, хозяйства, страны, построения социализма и коммунизма. Осевая – характеризует то отношение, которое следует из его ролевого участия в этой системе (объединения, организации, коллективы). Правая – определяет конвенциональный характер условий такого участия, объясняющий его то, а не другое какое-то положение, мотивирующий его, для него самого и других, а также в системе, позиционную и функциональную роль. Исходя из чего, как сельхозпроизводитель, *колхозник* мог бы быть объяснен с позиции точек 3 и 4 (совершения последовательно направленных действий по созданию средств, обеспечивающих человеко-ресурсное существование системы). Что, в свою очередь, является поводом и делает из него объект осевого, задействиюющего, отношения, предполагающего необхо-

димось включения его (2) на правах и обязанностях постоянного члена (параметр принадлежности) в организацию направленного воздействия (4) на него для работ ролевого участия (3). Характер этого ролевого участия, регулирующийся условиями общего (коллективного) обладания производимым продуктом и средствами его производства, предполагает проекцию точек 5 и 4, находясь вне его самого, в пределах его представительства для параметра принадлежности. Из чего следует, что он сам, его труд, средства и результаты его труда входят в параметр принадлежности и в нем себя могут определить. *Колхозник*, тем самым, воспринимается как задействуемый по показателям принадлежности, без которых его представление было бы недостаточно полным. Значение и знание о нем возникало бы из того, что, являясь производителем средств, обеспечивающих существование людского ресурса системы, он действует как член коллектива системы, задействующего его и играющего по отношению к нему роль обладателя средствами и продуктом его труда как совместного, т.е. всего коллектива.

Задействование, таким образом, предстает как форма и способ включения и использования человека в системе, а человек – как объект-воплодитель и передатчик признаков того или иного задействия. Опираясь на выведенную на примере *колхозника* трехчастную схему 1) места в системе; 2) характера, вида и роли задействия; 3) вписывающих и мотивирующих системных условий задействия, – попробуем в заключение, бегло, без уточнений и объяснений, по группам, представить оставшиеся номинативные единицы рассматриваемого параметра.

Так, если *парткор* (партийный корреспондент) может рассматриваться в указанном отношении как 1) передающий направляющего воздействия (идущего от системы) – на партийные массы; 2) задействуемый в организации, использующей его для этой работы; 3) на условиях действия в требуемом системой режиме, а *комбедо-*

вец, соответственно, как 1) передающий направляющего воздействия – на крестьянские массы; 2) задеваемый в организации, составленной и подобранной из таких же, как он, по принципу имущественного необладания; 3) на условиях действия в требуемом системой режиме, – то объединяющие их первая (в исходной, вводящей, части) и третья, при различении второй, осевой, составляющие могли бы говорить о типологическом сходстве различаемых далее семантических признаков самого задействия.

Таковыми группами для первой части, от места в системе, без дальнейшего их подразделения во второй и третьей частях и распределения в позициях точек (что предполагается при полном их описании, но мало бы что добавляло к сказанному без соответствующих пояснений), представляются следующие:

Передающий направляющего воздействия – на массы различного рода: *посланец* (партии, комсомола), *прожекторист*, *профкор*, *рабжур*, *рабкор*, *рабселькор*, *лагкор* (лагерный корреспондент), *селькор*, *синелуз*, *синелузник*, *синелузный* (участник агитбригады в 20-е гг.), *собкор*, *стенгазетчик*, *стенкор*, *тридцатитысячник* (один из 30 тыс. коммунистов, направленных партией на работу в колхозы в 50-е гг. [ТСЯС]), *юнрабселькор*, *юнселькор*

Действующий (обеспечивающий, поддерживающий действие) данной сферы: *читчик* (работник отдела писем в редакции газеты в 20-е гг. [ТСЯС]), *шкраб* (школьный работник, учитель), *торгпред*

Испытывающий на себе воспитательно-направляющее воздействие: *подшефник подшефный*

Воплощающий на себе направляющее воздействие: *коммунар* (член коммуны), *флажковой* (октябренок, который носит флажок своей звездочки [ТСЯС])

Действующий в вооруженных силах (имеющий отношение к ним): *краском* (красный командир), *курсант*,

нахимовец, суворовец, нестроевик, партизан, допризывник, призывник, сверхсрочник, трудармеец

Действующий в сфере охраны и поддержания физического здоровья и медобслуживания: *сандружинник, спортпред, физкультурник*

Сельхозпроизводитель: *совхозник, твердозаданник* (крестьянин-единоличник, работающий по строго определенному государственному плану-заданию [ТСЯС])

Осуществляющий продовольственную политику – на селе: *продотрядник*

Накладываемые системой признаки, уточняющие формы и виды задействования, делают представленное объектом дальнейшего распределения, учитывающего все ранее сказанное и объединяющего их в парадигматике целого. Теоретические и аналитические следствия такого взаимобратного описания – от системы к ее элементам и от элементов к системе могли бы стать предметом отдельного рассмотрения.

Несколько слов вместо заключения

Стремление человеческого сознания объяснять окружающую действительность, с тем чтобы видеть смысл своего в ней существования и как-то ориентироваться в ней, проявляет себя естественным образом в том, что в последние десятилетия в языкознании принято определять понятиями картины, или модели, мира, в том числе и языковой. Мифологическая по своему изначальному существу эта свойственность лежит в основе устройства всякой традиционной системы мировоззрения и, как следствие, также семантики языка. Проявляться может она и проявляется в устройстве, схему которого можно выразить двумя типами формул в своей основе. Наборами вида 1, 1-2, 1-2-3, 1-2-3-4 и т.п. для первого типа. И $(n + 1)$, для второго типа, допускающей добавление к некоторой внутренне скрытой идее какой-то еще с получением смысла пары, к полученным двум дополнительно третьей, со смыслом тройки, к трем – четвертой и т.д., до какого-то осязаемого мыслью предела. Причем и предел этот, и меньшие составляющие – пары, тройки, четверки и т.п. существуют и как отдельные, и как части состава целого для сознания носителей данной системы и языка.

Указанное представление лежало в основе предложенного в работе анализа. Язык советской действительности, выбранный в качестве его объекта, являясь, по

крайней мере в той его части, которая изучалась, продуктом сознательного воздействия, передает в этой части основу такого воздействия, соответствующим мировоззренческим образом направленного. Ту основу, которую, за неимением лучшего, можно было бы определить понятием *советская идеология*, разумея под этим нечто более емкое и широкое, чем ее только официальный вид, скорее как некое целое советского представления о мире и способе ориентации в нем. Получившийся сплав концептуально-языкового советского проявления может быть определен и рассмотрен как традиционная парадигмосистема – мировоззрения и семантики языка. Тем самым, способен себя отмечать в обозначенных формулах, выводимые смыслы которых становятся смыслами ее как открытого и объявляемого, так и не полностью осознаваемого внутреннего устройства.

Рассматривалась названная парадигмосистема в ее отношении к позитивному образу человека. Того, который советский, желаемый, создаваемый, выражение и смысл ее самоё. Этим был обусловлен выбор материала, интересовавший не сам по себе, а как источник признаков, вписывающихся в систему, свойственных, характерных ей, и одновременно, соединяясь, входящих своими составами в семантику слов языка. Задача, внешне выглядящая как двунаправленная, с описанием советской концептуальной системы и ее отражения в языке, на деле была единой. Смысл состоял в изучении языка в той форме его проявления, которая существует как целенаправленная, представляя способ не только взаимодействия и передачи знаний внутри коллектива на нем говорящих, но и создания их по известному образцу. Языком и действительностью, ими же создаваемой, и ради нее такой, как желательно, и их таких, как желательно, в ней. Эта троичная императивная креативность – человека, действительности и языка, обнаруживающая себя в наиболее полно достигнутом виде, пожалуй, единственно в языке, с одной стороны, создает необычный феномен языкового существования и

проявления, который стоит исследовать. А с другой, ставит вопрос более широкого, чтобы не сказать феноменологического, характера – чем есть язык в человеке и для человека, который способен и не способен под его целенаправленным действием себя и свое сознание формировать и менять.

И если второй вопрос по понятным причинам не мог быть предметом для рассмотрения, то в отношении первого шагом к нему и было предпринятое парадигматическое описание фрагмента советской языковой картины мира (отчасти так это можно было бы обозначить, чтобы вписать в какой-то известный контекст). Фрагмент этот вписывался бы в парадигматику большего, включая многое в себя из него и самому включаясь в него. Покажем это для лучшего представления на примерах, с тем чтобы одновременно раскрыть и проиллюстрировать высказанную идею двух типов формул, лежащих в основе традиционно-мифологического концептуально-языкового устройства, каковым можно считать и язык советской действительности. Мифологизм предполагает систему псевдознаний о прошлом, настоящем и будущем с дидактической передачей их поколениям как традиции. То есть, тем самым, возможность трансмиссии в вербальных конструктах единственной и единой системы, имеющей более или менее определенный и не вызывающий сомнений и возражений вид. Не будем входить в особенности действительной реализации данного постулата, ибо не это предмет рассмотрения, примем это как допустимо возможное, пусть для какого-то времени, круга носителей, обстоятельств, условий. Важным представляется показать корреляции чего-то одного с чем-то другим, с чем-то третьим, четвертым и пр., что имело бы смысл объединения для такого числа и что вместе с тем составляло бы смысл для парадигматики целого.

Обратимся для этого к одному только ряду устойчивых единиц лозунгового характера, ибо в них заложено то, что находит свое отражение в языке.

Наша цель – коммунизм.

Советский народ – строитель коммунизма. Коммунизм – великая цель партии и народа.

Каждый советский человек – строитель коммунизма.

Будущие поколения советских людей будут жить при коммунизме.

Коммунизм – светлое будущее всего человечества.

Из чего следуют, можно вывести:

1: цель – коммунизм

1-2: мы (советский народ) – коммунизм

1-2-3: советский народ – строительство – коммунизм; партия – народ – коммунизм

1-2-3-4: каждый советский человек – как представитель народа – строитель – коммунизма;

1-2-3-4-5: советские люди – строители коммунизма – будущие поколения – будут жить – при коммунизме

1-2-3-4-5-6: советские люди – строители – коммунизма – светлого – будущего – всех людей (всего человечества)

В основе может быть как формула вида $(n+1)$, так и формула ряда (рядов) 1, 1-2, 1-2-3 и т.д., в том числе и в различных своих соотношениях и поворотах, подразумеваемых, следующих из знания целого:

Коммунизм – это молодость мира, и его возводит молодым.

1-1: коммунизм – это мир

1-1-1: коммунизм – это молодость – мира

1-1-1-1-1... (n+1): коммунизм – это молодость – (молодость) – это будущее – (коммунизм – как будущее – молодость) всех людей – (советский народ – возводит коммунизм) – (как строитель коммунизма он молод) – (за ним будущее) – всей планеты (людей)

Единицы и формульные их сочетания могут быть как явными, так и неявными, осознаваемыми, полуосозна-

ваемыми и не осознаваемыми, как категориальные ориентиры системной парадигматики. Смыслом работы было вывести и показать в общем действии то и другое и третье на примере обозначений лиц советского позитива. Отсюда и появлялись или подразумевались такие позиции и соотношения:

финитная цель, коммунизм, человек, вождь, трудящийся, авангард, рабочий класс, включение, инкорпоратив (для единицы);

центробежность / центростремительность, кумулятив / аддитив, революционность – нелегитимность, прорыв – присваивание, обладатель свойств / обладатель позиции, выдвижение – опора, поддержка – обеспечение, мобилизация – готовность, выход – вход, включение, распространение, расширение (для пары);

становление – преодоление – строительство, революция – гражданская война – построение социализма, вождь – партия – советский народ (народные массы), партия – рабочий класс – весь советский народ, прорыв – присваивание – компенсаторность (для тройки);

единица – число – структура – действие, лицо – множество – организованность – функции, отдельность (сингулятив) – представительство (репрезентант) – система (структуратив) – действие (агентив); революция – гражданская война – восстановление народного хозяйства – построение социализма, вождь – партия – народ – коммунизм, революция – рабочий класс – трудящиеся массы – социализм (для четверки)

начало – расширение – преодоление (утверждение) – строительство – продолжение – завершение (достижение), инхоатив – экстенсив – аффирматив – форматив – континуатив – результатив (сукцессив) (для шести)

Все это легло в основу описываемой парадигматики свойств позитива, предполагающего стремление к цели и показанного в соотношении пяти переходящих одна в другую фаз выдвигания – мобилизации (собираения) – выхода направляемых сил – поддержки-обеспечения – достижения результата. Позитива советского лица как действующего в направлении, определяемом целью. Отсюда фазовость как проявление этих свойств. Фазы могут иметь как полный (пятитактный), так и не завершённый вид, как оформленный и выраженный вербально, так и нет, проявляться на разных уровнях, соотносимых и не соотносимых, воплощаться на разной степени ощущаемой и не ощущаемой глубины. Все это, равным образом, свойственно также системе, одной из проекций которой описанные фазы являются.

Представленный фрагмент советской языковой картины мира можно показать также как парадигму одного из типологических проявлений целого, наряду, скажем, с такими,

как парадигма становления (системы), в ее последовательной линейности этапов, иллюстрирующая тип, который может быть назван линейно-развертывающимся: до революции, перед революцией, предвестие начала ожидаемого становления (*искра*) – сигнал, открытие, провозвестие, первоначало (*заль Авроры*) – собственно начало, революция, переворот, смена власти (*Октябрь*) – препятствия и преодоления, Советское Отечество в опасности (гражданская война) – победа в гражданской войне – восстановление народного хозяйства – мирное строительство социализма и т.д.

парадигма включения / исключения: советский инкорпоративизм как средство сжатия, сплочения, единения, предполагающий действие центростремительных сил включения и центробежных сил исключения (выбрасывания из себя, сепаратива и изолятивна) и расширения, распространения (экстенсива) – в массах, пространствах (тип, который можно назвать оппозитивно-

дробящимся) – *советский, свой, настоящий, верный, последователь, продолжатель, наследники – изменники, предатели, убийцы, отщепенцы, невозвращенцы, бывшие, кулаки – сочувствующий, середняк* и пр.

или описанная парадигма (позитивного) действователя в системе во всех ее возможных проявлениях внутри себя самой и к системе целого – в своих пяти фазах восходяще-кумулятивного типа.

Парадигмы и типы образуют способы, регулирующие устройство целого, которое на этой основе может быть выведено и охарактеризовано. Шагом к такому системному представлению и был отраженный в работе его единичный фрагмент.

Примечания

1. Основу предлагаемого исследования составила серия из восьми статей, опубликованных в выпусках «Политической лингвистики» (Екатеринбург, 3(26)'2008; 1(27), 2(28), 3(29), 4(30)'2009; 1(31), 2(32)'2010; 1(35)'2011). Подготовка этого материала к монографическому изданию имела смыслом придание целостности общему восприятию с большей ясностью изложения в составных частях.
2. См. подобное представления, напр., в работах: Ожегов С.И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху // Известия ОЛЯ АН СССР, 1951, вып. 1; Ожегов С.И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху // Вопросы языкознания, 1953, № 2; Супрун А.Е. Русский язык советской эпохи. – Л., 1969; Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект – М., 1975 и др.
3. Панов М.В. О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) // Вопросы языкознания, 1962, № 3; Русский язык и советское общество: 1 – Лексика современного русского литературного языка; 2 – Словообразование современного русского литературного языка; 3 – Морфология и синтаксис современного русского литературного языка; 4 – Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. – М., 1968; Русский язык по данным массового обследования. – М., 1974.
4. См. известные работы А.М. Селищева, Е.Д. Поливанова, В.М. Жирмунского, Л.П. Якубинского, С.И. Карцевского, Г.О. Винокура, Р. Якобсона и др., а также Н.Я. Марра и его направления, широко и последова-

тельно занимавшихся теми вопросами, которые, пользуясь современными представлениями, можно было бы отнести к проблемам социолингвистическим, лингвокультурологическим, лингвокогнитологическим, связанным с изучением появления, становления эволюции языка в связи с развитием языкового сознания, стадий и форм исторического развития общества и т.п. Поскольку обзор научной литературы вопроса в предлагаемом случае требует серьезной и обстоятельной разработки на принципиально новых основах и с концептуально иными, чем это было ранее, позиций и предпосылок, предпринимать его имело бы смысл после того, как будут предложены принципы описания системы, лежащей в основе порождения и восприятия изучаемого языка, в характерном для него парадигматико-синтагматическом проявлении и устройстве. Поскольку подобный подход к языку советской действительности, в силу понятных причин, в целом не был, да и не мог быть, свойствен работам предшественников, обращение к их отдельным высказываниям и идеям, мало бы что дало. Исходя из чего, в отношении представления подходов и взглядов других исследователей, предлагаем читателю обращение к не редким и широко доступным работам, содержащим подобного рода отсылки и отнесения.

5. Достаточным в этом контексте будет упомянуть фундаментальное, обобщающее и вместе с тем намечавшее перспективу подобного изучения исследование «Русский язык и советское общество» (1968) См. прим. 3, с последующими разработками заданной проблематики на том же исследовательском и методологическом основании.
6. Обзор указанной проблематики и следующих из этого направлений и тем исследования довольно подробно представлен в работе Протченко И. Ф. См. прим. 2.
7. См. об этом Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik den politischen

- Sprache. – Heidelberg, 1969; Język propagandy, red. S. Amsterdamski, A. Jawłowska, T. Kowalik. – Warszawa, 1979; Pisarek W. Język służy propagandzie. – Kraków, 1979; Łuczaj L. Zniewolony język // Kultura, 1980, nr 12; Bednarczyk L. Nowo-mowa (zarys problematyki i perspektywy badawcze) // Nowo-mowa. – Warszawa, 1984; Brałczyk J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych. – Warszawa, 2001; Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999; Шарифуллин Б.Я. О лексике и фразеологии политизированного языка // Лексика и фразеология: Новый взгляд. – М., 1990 и др.
8. Arendt H. Korzenie totalitaryzmu, tłum. D. Grinberg i M. Szawiel. – Warszawa, 1989; Гаджиев К.С. Тоталитаризм как феномен двадцатого века // Вопросы философии, 1992, № 2; Данилов С.Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 1999, а отсюда и тоталитарный язык: Rzevkiskij L. Jazyk i totalitarizm. – München, 1951; Broński M. Totalitarny język komunizmu // Kultura, 1979, nr 12; Зильберт Б.А. Языковая личность и «новояз» эпохи тоталитаризма // Языковая личность и семантика. – Волгоград, 1994; Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь, 1995 и др.
9. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше. Механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания, 1993, № 4; Купина Н.А. См. прим. 8; Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры // Серия «Studia Humanitatis». Том V. – Екатеринбург, 1999.
10. Карцевский С.И. Язык, война и революция // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. – М., 2000. С. 224.

11. Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартемьянов Ю.С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод, Труды Ин-та ТМ и ВТ АН СССР, вып. 2. – М., 1961; Мартемьянов Ю.С. К построению языка лингвистических описаний // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем, АН СССР. – М., 1964; Апресян Ю.Д. Семантическая модель анализа // Апресян Ю.Д. Идеи и методы структурной лингвистики. – М., 1966; Апресян Ю.Д. О языке для описания значений слов // Известия АН СССР ОЛЯ, 1969, № 5; Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели языка «Смысл ↔ Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1969, вып. 11; Мартынов В.В. Универсальный семантический код. – Минск, 1977.
12. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. – Санкт-Петербург 1998. С. 10.
13. Вайс Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении // Политическая лингвистика – 2007. - № 3 (23). С. 42.
14. Шарифуллин Б.Я. См. прим. 7; Купина Н.А. См. прим. 8; Зильберт Б.А. См. прим. 8; Białczyk J. См. прим. 7 и др.
15. Приведенное определение см. (ТСЯС).
16. См. соответствующие определения там же.
17. Там же.
18. Оба значения см. (ТС-XXв.).
19. О чересступенчатом словообразовании см., к примеру: Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. С. 144.
20. Ср. посвященную этим вопросам работу: Утехин И.В. Очерки коммунального быта. – 2-е изд., доп. – М.: ОГИ, 2004.

21. Ср. также рассуждения о семантике слова *советский* в связи с понятием советизма в работе: Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. – 2009. – № 2 (28).
22. Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
23. Там же, с. 161.
24. Там же, с. 162.
25. БСЭ-53, т. 21, с. 128.
26. Там же, с. 129.
27. Термин заимствован у Е. Бральчика (Bralczyk J. См. прим. 7. С. 26).
28. ТСЯС, с. 61, 62.
29. Вайс Д. См. прим. 13.

Словари и энциклопедии

1. Большая советская энциклопедия. (БСЭ-53) – 2-е изд. Гл. ред. Б.А. Введенский (т. 1-51). М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1949-1958.
2. Большой толковый словарь русского языка. (БТС) Гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург, 2000.
3. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. (Вейсман) Репринт V-го издания 1899 г. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 2000.
5. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980-1990-х гг.). – М., 2000.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (т. 1-2). – М., 2000.
7. Латинско-русский словарь. (ЛРС) Сост. И.Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков [Под общей редакцией С.И. Соболевского]. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949.

8. Малая Советская энциклопедия. Энциклопедический словарь. В 3-х тт. (МСЭ) Гл. ред. Б.А. Введенский. – М.: БСЭ, 1955.
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – Санкт-Петербург 1998.
10. Русский семантический словарь. (РСС) Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. I – М.: Азбуковник, 1998.
11. Словарь иностранных слов. (СИС) – 9-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1982.
12. Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) Гл. ред. А.П. Евгеньева, 2-е изд. – М., 1981-1984.
13. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. (ТС-XXв.) Гл. ред. Г.Н. Складеревская. – Санкт-Петербург 1998.
14. Толковый словарь русского языка. (ТСУ) Под ред. Д.Н. Ушакова (т. I-IV). М., 1935-1940.

Приложение

Единицы, использовавшиеся при описании

Для параметра наделенности:

богатырь (революции, пятилетки, красный, страна богатырей, социалистического строительства, богатыри труда, трудового фронта, просвещения), боец (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за светлое будущее, трудового фронта, за высокое качество продукции, мирного фронта, на фронте просвещения, за высокие урожаи), большевик, гвардеец, герой, интернационалист, Катюша, коллективист, коммунист (как носитель необходимых признаков, а не просто член коммунистической партии), ленинец, марксист (настоящий, твердый, верный, проверенный, крепкий, истинный), общественник, орел, орленок, патриот, преобразователь (природы), рыцарь (революции Арктики), сокол, солдат (революции, партии, настоящий, верный, преданный, социалистического строительства, трудового фронта, Отечества, Сталина), хозяин (подлинный, чувство хозяина, молодые хозяева страны), часовой (Родины, границ, рубежей, порядка), энтузиаст.

Для параметра отмеченности:

автоградец, автозаводец, афганец, безотрывник, блокадник, боевой друг и товарищ, великий зодчий, великий корифей науки, великий кормчий, великий учитель, вечерник, военлёт (военный летчик), военмор (военный моряк), вождь (великий, мудрый, дорогой, родной, близкий всем людям, любимый, революции, мирового пролетариата, трудящихся, народов, всех времен, гениальный), вождь и учитель, воин-интернационалист, воин-малоземец, ворошиловец (ворошиловский стрелок), во-

рошиловский всадник, вузовец, вузовец, выдвиженец, гигант (науки, мысли, труда), горкомовец, гость (гости нашего города), дедушка Ленин, дети (как те, которым всё лучшее), дети (разных народов), дзержинец, доярка-миллионерша, доярка-трехтысячница, дояр-пяти-тысячник, дружбист (лесоруб, работающий с бензопилой «Дружба»), женделегатка, женорг, завкомовец, заочник, заслуженный (почетное звание, присваиваемое за заслуги в какой-либо области – агроном, артист, врач, мастер спорта, учитель и пр.), зеркало русской революции, значкист (ГТО), исполкомовец, камазята, кандидат наук, комитетчик, корчагинцы, красногалстучник, краснознаменец (награжденный орденом Красного Знамени), красный юнкер, кремлевский горец, Кремлевский мечтатель, крылатый земледелец, лауреат, ленинский стипендиат, лимитчик, лучший по профессии, льготник, люди доброй воли, люди труда (человек труда), матерый человечинец, мать-героиня, маяк, молодогвардеец, молодой (которому везде у нас дорога, кому строить, продолжать то, что начато их отцами и дедами, кому жить потом при коммунизме), молодой специалист, настоящий (из него) коммунист, новый человек, нуждающийся, обкомовец, орденосец, остронуждающийся, ответработник, отец народов, отличник, очередник, панфиловцы, партиец, парткомовец, партработник, Пассионария, первогвардеец (военнослужащий первой гвардейской стрелковой дивизии), первоочередник, первостроитель, первоучитель наш, передовой, персональный пенсионер, полноправный труженник, правофланговый, президент (рабочих и крестьян), провидец (наших побед, великий), профкнижник, пэтэушник, рабфаковец, райкомовец, райкомщик, ровесник Октября, руководитель (идейный, ленинского типа, настоящий, по призванию, нового типа), самый человечный человек, светило, светоч, сезонник, советские люди (советский человек), совместитель, сотрудник (научный, младший, старший), соцсовместитель, сталинградец, съемщик (ответственный), сын рабочего класса (страны Со-

ветов) титан, ульяновец (житель Ульяновска), факел, фронтовик, хлебороб-стоцентнеровик, человек с ружьем, чемпион жатвы, чернобылец.

Для параметра принадлежности:

активист (член актива), боец стройотряда, вхутемасовец, гражданин, довженковец, досаафовец, жактовец, женотделка, жилтоварищ (член жилтоварищества, объединения жильцов дома, жилого массива), известинец, интербригадoveц, каждый (как член советского общества), квартирант (жилец коммунальной квартиры), кировец (рабочий Кировского завода), койкобольной, комфут (коммунистический футурист), конармеец, конноармеец, конногвардеец, красноармеец, красногвардеец, краснопутиловец (рабочий завода «Красный путиловец»), краснофлотец (рядовой Военно-морского флота), красный, кухарка (как представитель народа, которого надо было привлечь к управлению государством), кухаркины дети, напостовец (член группы писателей «На посту»), низовик (член низовой организации), осводовец (член общества спасания на водах), осоавиахимовец (член общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству), партийный, подписчик, подпольщик, политотделец, политотдельщик, правдист, правленец, пролетарий, пролеткультиловец, пролетписатель, рабочий, рабочкомец, рапповец, сельсоветчик, советский (представитель власти), совписатель, социалист, сочувствующий, тассовец, товарищ (как каждый член советского общества), управленец, фабзавкомовец, фабкомовец, член (сознательный ч. общества, ВЛКСМ, КПСС, почетный ч. бригады), чоновец (боец частей особого назначения по борьбе с бандитизмом), штабист (член комсомольского штаба ударной бригады, стройки).

Для параметра нужности:

агитатор, агроном, барабаничник, бригадир, вахтовик, военкор, вожатый, воспитатель, высотник, глаша-

тай (революции), гонец (революции), горнист, горняк, деятель (политический, общественный, партийный, профсоюзный, заслуженный), дозорный (молодой, границы, рубежей, неба), дружинник, звеньевой (на производстве), звеньевой (пионер), землероб, знаменосец, избач, инженеры человеческих душ (о писателях), кадровик, каракулевод, каучуковод, книгоноша, козовод, комгруппорг, комиссар, коммунальник, коммунальщик, комсорг, коноплевод, контрпропагандист, кооператор, кормач (работник колхоза, совхоза, на обязанности которого лежит кормление животных), кроликовод, кукурузовод, культурмеец, культорг, культпросветработник, культработник, культурник, куровод, леспромовец, мараловод, массовик, массовик-затейник, мастер, милиционер, мичуринец, монтажник, нарпитовец, наставник, новатор, нотовец (человек, работающий в соответствии с требованиями НОТ – научной организации труда), обществовед, организатор, педагог-организатор, передовик, плановик, пограничник, полевод, политрук, полквоенкор, председатель, производитель, пропагандист, прораб, просвещенец, профработник, профсоюзник, работник (ответственный, номенклатурный, руководящий, партийный), рабочие-изобретатели, сбытовик, сеносдатчик, снабженец, соболевод, совработник, совслужащий, спец, табаковод, трибун (революции), трудовик (учитель труда в школе), трудящийся, тутовод, финработник, хлебосдатчик, хозяйственник, цитрусовод, червевод, экономист.

Для параметра причастности:

авроровец, автомобилестроитель, бамовец, буденовец, бусыгинец, внуки (революции, Ильича), внучата (Ильича), гайдаровец, геолог-разведчик, дедушка Ленин, дети партии (о комсомольцах), злобинец, ипатовец, искровец, комбайностроитель, кораблестроитель, космонавт, кривоносовец, летчик, матросовец, метростроевец, многостаночник, наследник Октября, новосел, папанинцы, первопроходец, первоцелинник, покорители космоса (Все-

ленной), покоритель целины, полярник, правнук (Ленина), продолжатель (гениальный, дела Ленина), пятисотник (участник движения машинистов – передовиков железнодорожного транспорта, обеспечивавших пробег локомотивов дальностью 500 км в сутки при безаварийной работе), революционер, сибиряк, скоростник, стахановец, тимуровец, турксибовец, ударник, хлебороб, целинник, чапаевец, челюскинец, чкаловец, щорсовец.

Для параметра поставленности:

агроуполномоченный, вожатый-производственник, возвращенец (возвращающийся из города в сельскую местность), вохровец, генсек, главный (конструктор космических кораблей), группкомсорг, группорг, двадцатипяти тысячник, дежурный, депутат, домоуправ, домоуправляющий, завгар, завкадрами, завклубом, завлит, завуч, завхоз, завэтажом, зам, заместитель, замзав, замполит, зампред, заседатель (народный), инструктор, кавторанг, классный, классрук, клубный работник, командарм, командир, комбат, комбриг, комвзвода, комдив, комкор, комполка, комроты, комэск, комэска, кружковод, куратор, нарком, начдив, особист, ответсек, оторг (ответственный организатор), партгруппорг, парторг, паспортистка, первый (руководитель), пионервожатый, пионеринструктор, политбоец, политинструктор, политинформатор, политком (комиссар), политпросвет (работник), политпросветработник, политпросветчик, политработник, полпред, помдеж, помкомвзвода, помнач, помощник, помполит, предгориспокома, предзавком, предисполкома, предправления, председатель, предсельсовета, предсовнаркома, предсовнархоза, предфабкома, продкомиссар, продовольственник (член продотряда), проректор, профгруппорг, профорг, профорганизатор, профуполномоченный, райпродкомиссар, санитар, секретарь, спорторг, староста, судья (народный), технорук, техред, трибуналец, управделами, управдом, физорг, физрук, худрук, чекист.

Для параметра действия:

боец (революции, за дело рабочего класса, социалистического фронта, за высокое качество продукции), борец, борец (за народное счастье), защитник (рубежей, отечества), страж (границы, неба, рубежей), витязь (красный), вожак (комсомольский, молодежи, настоящий), пахарь (юный, голубой нивы, зеленой нивы, моря, воздушный), подруга (боевая и в лозунге сто тысяч подруг на трактор, т.е. та, с которой действуют вместе, совместно, дружно), профактивист, созидатель (народ-созидатель, созидатель нового мира), строитель (социализма, новой жизни), творец, трудящийся, труженик, часовой (границ, рубежей, воздушных границ, порядка).

Для параметра организуемости (задействованности):

ворошиловец (как член пионерского военизированного отряда), гагаринец, деткор (детский корреспондент), допризывник, зарничник, кандидат (в члены партии), колонист (беспризорник), колхозник, комбедовец, коммунар (член коммуны), коммунист (как член партии), комсомолец, краском (красный командир), кружковец, курсант, лагкор (лагерный корреспондент), назначенец, нахимовец, нестроевик, октябренок, партизан, парткорпосланец (партии, комсомола), парттысячник (коммунист-производственник, посланный на учебу в высшее учебное заведение), пикор (пионерский корреспондент), пионер, подшефник, подшефный, призывник, продотрядник, прожекторист, профкор, рабжур (рабочий журналист), рабкор, рабселькор, сандружинник, сверхсрочник, селькор, синеблуз, синеблужник, синеблужный (участник агитбригады в 20-е гг.), следопыт (юный, комсомольский, красный), собкор, совхозник, спортпред, стенгазетчик, стенкор, суворовец, твердозаданник (крестьянин-единоличник, работающий по строго определенному государственному плану-заданию), техкружковец, торгпред, тридцатиты-

сячник (один из 30 тыс. коммунистов, направленных партией на работу в колхозы в 50-е гг.), *трудоармеец*, *физкультурник*, *флажковой* (октябренок, который носит флажок своей звездочки), *читчик* (работник отдела писем в редакции газеты в 20-е гг.), *шкраб* (школьный работник, учитель), *юнармеец*, *юнкор*, *юннат*, *юнрабселькор*, *юнселькор*, *юные друзья милиции*, *юные корчагинцы*, *юный дзержинец* (член отряда комсомольцев – помощников милиции), *юный интернационалист*, *юный натуралист*, *юный пожарник*.

Piotr Czerwiński

Język rzeczywistości radzieckiej: Semantyka pozytywnej charakterystyki człowieka

S t r e s z c z e n i e

Praca jest poświęcona opisowi jednostek leksykalnych używanych dla pozytywnej charakterystyki człowieka w języku epoki radzieckiej. Obiekt badań tworzy swego rodzaju systemowo-paradygmatyczną strukturę, u podstaw której znajdują się wyobrażenia typowe dla świadomości językowej użytkownika języka rosyjskiego tego czasu. Język rzeczywistości radzieckiej jest rozpatrywany jako powszechnie akceptowana forma użycia, jako język wspólnotowego doświadczenia-bytu, w zestawieniu z językiem epoki radzieckiej i radzieckiego języka propagandowego i publicznego. Zbieżność i wzajemny wpływ sprawiają, że wymienione formy w różnorodnych aspektach i wzajemnych kontaktach wpływają na semantykę jednostek języka, podkreślają i akcentują nie zawsze zbieżne cechy i założenia. Na przykładzie najbardziej aktywnych jednostek leksykalnych przedstawiono mechanizm tego co dla tych form wspólne i odmienne. Język rzeczywistości radzieckiej jako najbardziej spośród trzech wymienionych związany ze światopoglądem swoich użytkowników, w odróżnieniu od dwóch pozostałych nie wychodzi tak szybko z użycia wraz ze zmianą ideowych i politycznych orientacji, istnieje nadal w wyobrażeniach i odzwierciedla się w modelach i formach natury semantycznej, konotacyjnej, oceniającej i generatywno-perceptywnej. Czynniki te legły u podstaw niniejszego opracowania.

Przedmiotowo-pojęciowy zakres pozytywnej charakterystyki człowieka, który wyraża się w leksemach języka rosyjskiego epoki radzieckiej ma w pracy charakter całościowy, ujęty w charakterystycznej dla niego statyce i dynamice. Rzeczywistość języka, radziecka rzeczywistość obecna w języku i za jego pomocą przekazywana, ma naturę, którą nazwać moż-

na *produktywnością*. Język czasów radzieckich stwarza rzeczywistość w świadomości użytkownika, formując w jego świadomości pożądany pozytywny obraz jego samego. Stąd i wybór jako obiektu badawczego pozytywnej charakterystyki człowieka jako mającej ideowe i dydaktyczne znaczenie. Władza radziecka, wychowując człowieka radzieckiego w imię idei przez nią głoszonej oraz celu, jakim była budowa socjalizmu i komunizmu, czyniła to w pierwszej kolejności na podstawie i za pomocą języka. Dlatego też ważnym i aktualnym jest zadanie jakie stawia sobie za cel niniejsza praca, a mianowicie zbadania pojmowania przez nią kognitywno-oceniających i wychowawczych oddziaływań na ludzką świadomość, opierając się na mechanizmach i środkach języka manipulacyjnego, odpowiednim sposobem zorganizowanego. W pierwszej kolejności dotyczy to semantyki, najbardziej związanej ze światopoglądową, a co za tym idzie oceniającą i dotyczącą systemu wartości dominantą.

W pracy wprowadzono i opisano parametry radzieckiego *pozytywu* czyli pozytywnej charakterystyki człowieka epoki radzieckiej. Parametry te związane są z czterema następującymi projekcjami: 1. człowieka jako *posiadającego cechy* odpowiednie i pożądane przez rzeczywistość radziecką i radzieckie społeczeństwo, 2. *przedstawiciela* społeczeństwa radzieckiego w jakiejś dla niego istotnej części – zjednoczenie, mnogość, kolektyw, 3. *działacza* w radzieckim systemie instytucjonalnym, z jego funkcjami, miejscami urzędowania, 4. *działającego*, przedstawionego w dynamice, funkcjach. Semantyczne cechy pozytywne, odzwierciedlają się dla każdej z czterech projekcji w swojej wewnętrznej charakterystyce oraz przypisywanej mu (zewnętrznej), które przenikają cały przedstawiony system paradygmatyczny, tworząc w ten sposób grupy ośmiu parametrów. Parametry te w parach tworzą logiczny ciąg, uwidaczniają się w procedurze, semantyce i jednostkach przyjętego opisu. Osiem parametrów, z uwzględnieniem rozróżnienia na charakterystyki wewnętrzne i przypisywane z zewnątrz można określić następująco: obdarowanie / wyróżnienie (ze względu na jakieś cechy, które w radzieckiej rze-

czywistości są oceniane jako pozytywne), przynależność / potrzeba (bycie potrzebnym w radzieckim społeczeństwie i w kolektywie), udział (w czymś)/ osadzenie (w systemie instytucji społeczeństwa, w jakiejś jego części), działanie / zorganizowanie (dla i w jej imię).

Wybrane jednostki leksykalne rozpatrzone dokładnie i z różnych stron wpisują się w ten system paradygmatyczny ośmiu wymienionych parametrów, odzwierciedlają się w nich i podlegają temu podziałowi. Statyka i dynamika w strukturze opisywanego systemu wiąże się ze światopoglądową i społeczno-historyczną wiedzą i doświadczeniem radzieckiego społecznego stanu. Analizowane jednostki są świadectwem tych oceniających i światopoglądowych orientacji, które, będąc charakterystycznymi dla swojego czasu i języka, były podstawą nie zawsze tylko oficjalnie ale i społecznie akceptowanych znaczeń, wyborów.

Przedstawiony w tym aspekcie materiał semantyczny, a) daje możliwość lepszego zrozumienia wywierania ideowego wpływu poprzez język w warunkach unitarnych reżimów, b) pozwala zobrazować strukturę uformowanych w ten sposób jednostek semantycznych poprzez efekty takiego wpływu, c) daje wyobrażenie o właściwościach (nie tylko nominatywnych, lecz przede wszystkim znaczeniowych) języka rosyjskiego tamtego czasu i tym samym d) poczuć, jeśli nie w pełni zrozumieć, specyfikę tych mentalnych, konotacyjnych i oceniających punktów orientacyjnych, które, różniąc się od dzisiejszych, tworzyły komunikacyjny i pragmatyczny komponent codziennego użycia języka.

Пётр Червинский

Язык советской действительности:
Семантика позитива в обозначении лиц

Дизайн обкладинки, верстання та макет: Юрій Завадський.
Мова видання: російська.

Підписано до друку 2.04.2012. Папір офсетний.
Гарнітура Times. 19,6 ум. др. арк.
Тираж 500 примірників.

Видавництво «Крок»
Свідоцтво ДК No.3538 від 30.07.2009 року
вул. Гайова, 56, Тернопіль, Україна, 46006
тел. +38 0352 248436
info@krokbooks.com
KrokBooks.com